

ЖРЕБИЙ ПЕРВОГО АРКАНА

III

КРЕЙМОР

18+

После казни беременной жены по ложному обвинению, Баи Финч, в прошлом — ремесленник и просто славный парень, вынужден бежать из родного города в поисках той силы, которая поможет ему свершить своё собственное правосудие. Ради этого он готов шагнуть во тьму и столкнуться лицом к лицу с прошлым, от которого он отрекался всю жизнь. Но возможно ли это, умереть и переродиться иным, и в то же время остаться верным самому себе? Пройти до конца и сохранить собственную душу и рассудок? Разгадка скрывается в конце пути, за тянущимся с болот туманом. Но дорога туда не близкая, а карты предостерегают: придёт час и за всё придётся держать ответ.

Баи, молчи.

Ради всего святого, молчи!

Ну хоть один раз в жизни прикуси язык. Это же просто. Ну, должно быть просто. Давай, крепись!...

Помни: ты — всего лишь какой-то одноглазый калека, который помогает тут с больными. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание. В конце концов, ты ничего никому не докажешь, а у мэтра будут лишние неприятности. Как бы не хотелось за него заступиться. Как бы не хотелось поставить на место этих людей. Не вмешивайся. Мэтр сам об этом просил. Не раз, не два, и даже не три...

— Это вы погубили его! Вы! Все эти слухи будто вы что угодно можете вылечить — просто бессовестная ложь! — почтеннейшая матрона Генриетта орала что есть дури, импульсивно размахивая руками прямо перед носом у невозмутимо стоявшего напротив мэтра Янсенса. Я искренне не понимал из каких глубоких закромов он черпает терпение. У меня оно давно кончилось, и держаться с каждой секундой становилось всё труднее. Да что там, даже здоровяк Эмиль уже сжимал кулаки, хотя он-то за три года работы тут навиделся всякого.

— Я подам на вас жалобу в городской совет! — господин Коппинс, её супруг, ни на дюйм не уступал ей ни в громогласности, ни в бурности эмоций. — Вы не целитель! Вы — базарный шарлатан, и ваш лазарет не даром обходят стороной приличные люди! Я вам этого не спущу! Давно пора выдворить вас из города!

— Как вам будет угодно, — с непробиваемой вежливостью ответил Янсенс. — Однако учитывайте, что любая врачебная помощь должна оказываться своевременно. Вы сами сказали, что боли стали усиливаться с пяти часов после полудня. Сейчас перевалило глубоко за полночь. Так почему же вы сразу не поехали сюда, раз уж мэтр Вербек расписался в своём бессилии?

— Вести отца в вашу грязную дыру? Прилюдно? Среди бела дня? Вы что, шутите? Чтоб об этом потом весь город говорил? — госпожа Генриетта едва не задохнулась от возмущения. — Мы насилу дождались пока все зеваки разойдутся спать! И то нас, похоже, видела какая-то пьяная чернь в мясницком переулке. Упаси Владыка пойдут слухи...

«Слухи пойдут» она говорит! Я, видимо, и правда дурак, и ничего не понимаю в жизни. И, если она всерьёз всё это несёт, то и понимать не хочу. Никогда.

Слухи их волнуют... За то теперь они ни капли не волнуют господина Де Винтера, безжизненно обмякшего на постели. Лицо его, ещё недавно перекошенное в агонии приступа, теперь больше напоминало оплывшую восковую маску. Огоньки масляных лампад очерчивали каждую морщинку.

Смерть. Снова смерть, и снова рядом со мной. Мне начинает всерьёз казаться, что она меня преследует.

— У вашего отца две недели не прекращались боли в груди, — мэтр невольно заставлял восхищаться своей выдержкой. — Вы сами рассказали, что сдавливало, жгло и отдавало в левое плечо. Это — признаки обострения болезни сердца. Возникает вопрос: а чем вообще занимались мои уважаемые коллеги в госпитале святого Азария?! Кровопускания ему делали? Какое лечение назначал мэтр Вербек? И почему это он разрешил господину Дэ

Винтеру посещать заседания городского совета в таком состоянии?

— Мэтр Вербек пытался запретить это, — презрительно поджала губы госпожа Коппинс. — Пришлось заплатить ему золотом за то чтобы он не препятствовал отцу ходить на собрания и курить. И вообще, какая наглость! Как можно пожилому больному человеку запрещать порадовать себя трубочкой-другой, будто от этого есть вред какой?

— Вообще-то есть, и немалый, — мэтр не дрогнул. — И при всех наших разногласиях, тут я с Вербеком согласен. Кроме того момента что он отменил запреты в обмен на деньги. Воздержаться от переживаний, физических нагрузок, нездоровой пищи и курения, почтеннейшие господа, это были не капризы доктора, и даже не правила госпиталя. Это была часть лечения, и от этого напрямую зависело, поправится ли господин Дэ Винтер или умрёт от сердечного приступа. Что в итоге и случилось.

— Какая ещё нездоровая пища? — снова вклинился господин Коппинс. — Я лично платил за то чтоб тестю готовили только самое лучшее! Свежайшая дичь! Кролик, фазан, а вчера к обеду подали свинину в винном соусе!...

Эмиль, почуявший неладное, дёрнул меня за плечо и буквально потащил за дверь. И спасибо ему.

— Ублюдки. Тупорылые расфуфыренные ублюдки с опилками вместо мозгов!...

— Ты это, за языком-то следи, — угрюмо оборвал меня бывалый брат милосердия. — Не ровен час услышит кто как ты так про уважаемых людей говоришь — и всё, высекут и в колодки. Нам, селянам, на господ рот разевать не след. Чревато это.

— Эти господа только что погубили члена семьи, исключительно по собственной глупости. И после этого они, чтоб их в Бездне бесы драли, ещё и считают себя лучше других.

— Дык, они и лучше! — простодушно ответил Эмиль, открывая дверь во внутренний двор. — Потому мы — здесь, а они — там. А ты всё ж молчал бы, а то неровен час беду накликаешь. Это за мэтра случись чего Его Преосвященство заступится, а за нас с тобой...

Его прервал гулкий басовитый лай, явно не принадлежавший ни одной из трёх дворняг, охраняющих подворье. Мы оба вздрогнули от неожиданности: огромный чёрный пёс стоял у самой двери и отчаянно гавкал, время от времени надрывно подвывая, словно от тоски.

— Не понял. Это откуда здесь? — растерянно произнес мой напарник.

— Извиняйте, молодчики, сейчас я её уберу! — перед нами моментально нарисовался конюх ныне покойного господина дэ Винтера. — Это хозяйская собака. Видно почуяла неладное и с привязи сорвалась. И как нашла куда идти, ума не приложу... Да вы не бойтесь, она безобидная! ...да что ты к ним пристала? Рэни, сидеть!

Рэни покорно села прижав уши, хотя было видно какого труда ей это стоит. Пожилой конюх, поминутно извиняясь, привязал к ошейнику прихваченную с экипажа верёвку и попытался оттащить собаку прочь. Тщетно: сдвинуть с места эту статую из длинного чёрного меха было задачей непосильной. Псина только жалобно скульнула, словно умоляя оставить её в покое.

— Да ладно уважаемый, она нам не мешает, — я решил заступиться за бедолажку. — К тому же от нас пахнет господином де Винтером. Мы ведь с вами вместе его тащили.

— Ишь какая преданная! — Эмиль потрепал собаку по голове. — Хорошая девочка, умная. Понимает всё...

— Понимает! — с жаром подтвердил конюх. — Ещё как понимает, только диву дивишься! Хозяин-то её с щенячества растил как дочь родную: вот уж она его любила, ходила за ним хвостом, тосковала, если он без неё куда уезжал... Уж не знаю что с ней,

беднягой, теперь будет.

Бедняга умоляюще смотрела на меня, словно я мог чем-то ей помочь.

А я — не мог. Ничем. Подумал только, что покойный, должно быть, был человеком лучшим чем его родичи, раз уж боги благословили его столь преданным другом. Такой великий дар нужно заслужить.

— Тогда плохо дело, — уверенно сказал Эмиль. — У моего деда был пёс. Как бабки не стало, дед его так же щенком подобрал, вырастил... Ну а как помер, так пёсик и зачах от тоски: жрать перестал, исхудал, всё больше за сараем валялся и поскуливал. Там же и издох. Жаль тоже, хороший был такой, умный. Всё чуял, всё понимал. Но что уж теперь.... Видать, такова их собачья природа, что без любимого хозяина им и жить неохота.

— Не скажите, уважаемый! — возразил старый конюх. — Собаки они ведь как и люди, разные бывают: и злобные — цепные, и трусливые — жалкие, и благородные — высокомерные, и весёлые — бестолковые. Но такие как наша Рэни, или вот деда вашего, пусть земля ему пухом, пёсика, настолько преданные и любящие — это ещё поискать. Я ж теперь и сам боюсь что она затаскует до смерти. Жалко же! Такая славная девочка!...

Славная — не то слово. Я сочувственно погладил её по массивной голове. Собака позволила мне это, не сводя с меня печальных карих глаз. Смотреть в них было почти невыносимо. Подумалось, что мои близкие, наверное, чувствовали то же самое глядя на меня в те, первые дни.

Да, тяжело же им пришлось...

Что ж, Рэни, выходит мы с тобой — собратья по несчастью. Жаль только что тебя не отвлечёшь от твоей потери ни поучительными историями, ни работой на износ.

— Эх, она ж наверное теперь добром отсюда не уйдёт, — посетовал старик. — Хозяин-то там, у вас внутри. А она — верите, нет — чуёт его по-особому. Один раз было: вот так же с привязи сорвалась, и к ратуше, значит, убежала. Сидела, ждала когда господин Де Винтер выйти изволит. А как его в госпиталь святого Азария приняли, так она на второй день...

Что случилось на второй день мы так и не узнали. Дверь вновь распахнулась, да так резко, словно её пнули ногой. Раскрасневшаяся не то от слёз, не то от праведного гнева миссис Коппинс выскочила во двор. Её супруг в ярости шёл следом, время от времени оборачиваясь и выкрикивая угрозы в адрес мэтра Янсенса.

— Штефан, мы уезжаем немедленно! — бросила госпожа Генриетта конюху. — Я еле на ногах стою, а с утра ещё заниматься наследством и похоронами.

— Госпожа, тут это... Рэни прибежала, — вознца растерянно развёл руками. — Снова с цепи сорвалась. Что с ней делать прикажете?...

Хозяйка одарила Рэни таким взглядом, словно перед ней была не собака, а кровная соперница.

— Штефан, последнее что мне сейчас хочется — это возиться с отцовской шавкой. Если она добром не идёт — оставь ее здесь и заведи завтра, коли она тебе нужна. Если нет — отрави, чтоб не мучилась. Едем, я говорю!

— Езжайте, — я уверенно отобрал повод у растерявшегося старика. — Мы тут её не обидим, а завтра — заходите, решим что делать.

— Спасибо молодчики, — облегчённо вздохнул Штефан уже на ходу. — После обеда загляну обязательно!

Рэни, казалось, даже не заметила что он ушёл. Так и сидела, не шелохнувшись. И лишь когда ворота со скрипом закрылись, она вздрогнула, протяжно заворчала и улеглась, сложив

голову на лапы.

— Господа хорошие, а это ещё что такое? — спросил мэтр Янсенс, устало привалившись к дверному косяку.

— Это собака покойного, — пояснил Эмиль.

— А. Понятно, — в голосе наставника сквозила бесконечная усталость. — Зачем Коппинсы её оставили?

— Судя по всему, им она без надобности, — ответил я. — Госпожа Генриетта и вовсе распорядилась её отравить.

— Ясно всё с ними, — мэтр потёр виски, словно у него болела голова. — Тогда только одна просьба: привяжите её к стойке у конюшни, чтоб она за ночь бед каких не наворотила. Утром будем разбираться, куда её девать.

К моему удивлению Рэни покорно поднялась на лапы и позволила увести себя за сарай. Оказавшись на месте она апатично улеглась обратно на землю и снова жалобно заскулила. Видимо ей было уже всё равно кто и куда её ведёт. Привязать я её привязал, да только смысла в этом было мало. Наверняка ведь так и будет лежать без движения, до тех самых пор пока утром тело хозяина не повезут в храм...

Ладно. Завтра. Всё завтра. Вставать нужно рано, и неплохо было бы успеть поспать хоть немного. День и без того выдался тяжёлый, так ещё и Коппинсы свалились на ночь глядя. Ну ничего, если лечь сейчас, то небольшие шансы выспаться всё таки есть.

Ну, или были бы шансы. Бывают же такие дни когда всё идёт наперекосяк...

— Псст! Эй, дружище! Есть минутка?

Я вздрогнул и посмотрел наверх.

— Зак? Ты чего тут делаешь?! Вы же должны были уплыть с утра пораньше!

Мой приятель — менестрель ловко подтянулся на руках и оседлал высокий забор. Я едва различал его в слабом свете луны, но по его тяжёлому дыханию понял, что тот не на шутку запыхался.

— Да, должны были, — согласился он. — Но кое-что пошло не так. И нам нужна твоя помощь.

Шэмблз-стрит. Окна домов закрыты тяжёлыми дубовыми ставнями. В воздухе — стойкие запахи мяса: копченого, сырого, подпорченного. Зак дожидается пока парочка патрульных с факелом в руках пройдут подальше. А они будто нарочно движутся не спеша, словно бы издеваясь.

Один смеётся над какой-то шуткой, бьёт по плечу второго, предлагая разделить с ним веселье. Второй глядит недовольно, огрызается в ответ.

Я считаю секунды. Они тянутся невыносимо долго. Уходите уже, ну! Нет у нас времени отчитываться что мы здесь делаем посреди ночи...

— Пошли! — кивает Зак.

Быстро пересекаем улицу и скрываемся в подворотне с другой стороны. Там переходим на бег. Благо соседняя улица безлюдна.

Зак ведёт напрямик, через ему одному ведомые тропки.

Снова проулок между домами. Едва не запинаемся об какого-то нищего, лежащего поперёк дороги. Я даже не успеваю понять жив ли он.

Следующая улочка. Пару кварталов быстрым шагом по ней, а за тем — опять переулок. Стайка крыс разбегается из под ног. Где-то совсем рядом слышны хохот, женские всхлипы и пьяные подначки.

— Некогда, — говорит Зак, одёргивая меня.

— Но там же...

— Их больше, а мы спешим. К тому же мы на Мэннон-стрит, тут такое происходит каждую ночь, ещё и по нескольку раз.

— Но мы можем хотя бы позвать стражу?!

— Зуб даю что это и есть городская стража. По дороге к тебе видел их тут целую стайку, отмечали конец смены. Пойдём. Тут мы ничего не можем сделать.

...ненавижу эту фразу. И когда-нибудь, когда я вконец одичаю с местными нравами, то начну просто бить без предупреждения всякого кто её произнесёт. И тем расписываться в собственном бессилии. Опять и опять.

...поворот, ещё поворот. Крики больше не слышно. Улочка спускается под уклон, вниз, к берегу. Здания выстроились вдоль неё лесенкой.

Ещё поворот, и мы попадаем на Роуз-стрит, улицу, которой не писаны ни законы, ни комендантский час. Здесь людно. В эти часы публичный дом принимает особых посетителей. Многие из них прячут лица под капюшонами, опасаясь быть узванными. Шлюхи всех мастей и возрастов стоят вдоль стен. Нас провожают взглядом, быстро теряя интерес. Вряд ли люди которые так спешат пришли сюда ради плотских утех.

Мы торопимся прочь отсюда.

Ниже и ниже спускается улица. Чем ближе к озеру, тем беднее кварталы. Зато патрульные обходят эти места стороной. Можно некоторое время просто бежать, не опасаясь быть задержанными.

Трущёбы.

Крыши ветхих деревянных построек нависают над узкими просветами между домов. Идти порой приходится на ощупь. Воняет помоями и сыростью, да так что не мутится в глазах. В этом месте тяжело находиться, сама безысходность пропитала гниющие доски нищенских бараков. Такие стены не защищают ни от холода, ни от злого умысла, разве что только от случайного взгляда. Время от времени слуха достигают то отзвуки чьей-то ссоры, то пьяный хохот, то младенческий плач и горькие причитания измученной матери.

— Зак, нам далеко ещё?

— Не очень. Напрямик бы ещё быстрее получилось, но там «Тихий Омут», а кварталы по соседству облюбовали местные банды. Придётся сделать крюк через Северные, так дольше, но вернее.

— «Тихий Омут» — это случайно не тот притон где Бонза искал работёнку?

— Он самый.

Нашёл на свою голову...

В обход, стало быть. Теперь — только бежать, чтобы выиграть время и молиться забытым богам чтоб обошлось без задержек.

Зак резко останавливается, так что я чудом не врезаюсь в него. Впереди, как раз там куда мы собирались свернуть, кто-то истошно зовёт на помощь. В ответ слышится грубый приказ заткнуться и звук увесистого удара.

— Да какого же дьявола именно здесь и сейчас?!... — бессильно ругается менестрель.

Прежде чем я успеваю пожалеть, что не прихватил с собой «Матильду», раздаётся

сдавленный хрип боли.

Помогать уже поздно.

— Проверьте окрестности! Тут могут быть ещё... — распоряжается кто-то.

Мы переглядываемся, понимая, что выход у нас один. Назад. Сюда. Тут дом ниже остальных, а соседний стоит почти вплоты к нему. При известной сноровке подняться наверх вполне возможно.

Закари меньше и легче, посадить его не составляет труда. Он ловко подтягивается на край крыши.

Теперь дело за мной. Задача не из простых. И как я умудрялся с такой лёгкостью делать это в детстве?

Упереться, подтянуться... быстрее, быстрее! Почти наверху!...

Коварный кусок деревянной черепицы пытается выскользнуть из под локтя. Упадёт — наделает шуму. Зак видит это, хватается за плечо. Это помогает обрести равновесие и сделать последний рывок.

Коварную черепицу я всё-же в последний момент успеваю схватить.

Всё.

Мы оба наверху.

Теперь полная луна хорошо освещает мир вокруг. Домишки жмутся друг к другу так словно пытаются согреться. Прорехи между крышами в иных местах можно просто перешагнуть.

Дальше продвигаемся медленно, принося скорость в жертву тишине.

Я готов проклясть всё на свете. Время уходит. Кто знает сколько его у нас есть, да и есть ли оно вообще?

Но мы движемся. Пусть тихо, пусть медленно, но движемся, и покамест ничем себя не обнаружили. А это уже дорогого стоит.

Там, внизу, на улицах, рыщут в поисках добычи хозяева местных подворотен. Они обыскивают закутки и переулки в поисках неведомо кого, и я начинаю подозревать, что мы вдвоём случайно попали в самое сердце каких-то местных разборок.

К счастью, вскоре и они остаются позади. Мы прибавляем ходу.

Крыши теперь — как ступеньки: одна ниже другой. Берег становится круче, воды озера — ближе. Простенькие домишки одной стороной словно врастают в землю, а другой — стоят на сваях, настолько велик уклон. Улочка то вьётся серпантинном, словно в горах, то превращается в грубо прорытые прямо в земле ступени.

Теперь проще идти понизу, и мы спускаемся. Дыхание давно сбилось — не привык я к таким пробежкам. Уже не замечая ничего вокруг, я просто следую за Заком.

Вперёд, вперёд, поворот, спуск, поворот, поворот, ещё спуск, крутой — чудом не скатываемся по нему. Я уже даже не спрашиваю далеко ли ещё: слишком много сил уйдёт на то чтобы просто заговорить.

Поворот.

Поворот.

Спуск.

...ветхий деревянный забор.

Перебираемся через него и попадаем в высокие заросли иссохшей крапивы. Небольшой запущенный внутренний двор очередного ветхого домика, одной стеной вросшего в отвесный склон. В крошечных окнах темно, а чтобы войти в дверь даже Заку приходится

пригнуться. Я же проклинаю всё, ошутимо ударившись головой о потолок.

— Это ты, мой птенчик? — слышится из темноты елейное старушечье шамканье.

— Я! — уверенно соглашается Зак.

— Хорошо ли погулял? Не хочешь ли покушать? — ласково спрашивает старуха. — Клубника со сливками для тебя на столе! Ах, какая она крупная уродилась, да как сладка на вкус! С утра ещё в саду росла, свежая! Ты покушай, малыш, покушай! Ты ведь устал, наверное, целый день бегал...

— Конечно-конечно! — не особо вживаясь в роль бросает мой приятель. — Спасибо, мать, обязательно поем!

— Да-да, птенчик... — умиротворённо откликается старуха. — Да-да... Поешь...

Никакой клубникой в этой тьме не пахнет. Пахнет старостью. Тот самый характерный неприятно-сладковатый запах, что в последние годы пытался поселиться в коморке матушки Финч, здесь давно укоренился и пророс корнями сквозь глинобитные стены.

Закари меж тем на ощупь нашёл ещё одну дверь и открыл её. За ней мерцал тусклый свет лампы. Убогий топчан. Ветошь в багровых пятнах. Вилл, сосредоточенно склонившийся над постелью. Кривая ухмылка Бонзы и его же слабый голос:

— Зак, тебя только за смертью посылать...

— Считай он её привёл, потому что я сейчас тебя сам прикончу! — взорвался я, на ходу срывая с глаза опостылевшую повязку. — Ты как умудрился попасть на ножи?!

— Ага, я тоже рад тебя видеть, — хихикнул Бонза и тут же скорчился от боли. — Ты это... будь другом: либо сделай что-нибудь, либо добей. А потом уже ори на меня сколько влезет.

— Добью! А потом подлечу и добью ещё раз, чтоб неповадно было! — я схватился за голову. — Вилл, ещё есть лампа или свеча? Нужно больше света. И воды бы вскипятить.

— Да тут негде особо кипятить, очаг такой, что вместе с ним дом не ровен час вспыхнет, — ответил Вилл, и по его голосу было ясно что нервы сдают даже у него. — На счёт света — сейчас поищу в доме.

— Есть местный самогон если надо, — Зак уже подтаскивал поближе ко мне стоявшую у стены табуретку.

— Отлично, далеко не убирай, — попросил я, вытаскивая из сумки всё что прихватил с собой. Игла, нить, зажимы, уксус, настой дурмана... как чувствовал что пригодиться. Если буду знать что ему не больно — то может хоть руки дрожать меньше будут.

Ладно. Соберись. Всё как в тот раз, помнишь? Даже проще. Теперь-то у тебя хоть какой-то опыт есть, пусть и крошечный.

«Давай,» — думал я, осторожно убирая с товарища пропитанные кровью тряпки. — «Кто-то должен это сделать. Кто, если не ты?»

— И что он теперь, жить-то будет?

— Да вроде должен. Если я, конечно, всё сделал правильно, — ответил я, отмывая руки в бочонке с дождевой водой. Она была почти ледяная: мышцы по самый локоть сводило в судороге, почти как при памятном следопытском заклятии, только вместо паралича это заставляло взбодриться и продрать глаза. Хоть так... Спать хотелось невыносимо сильно, но в госпиталь нужно было вернуться до рассвета. И возвращаться к работе. День-то будет

тяжёлый...

— На мой посторонний взгляд придраться не к чему, — пожал плечами Вилл, который раз тщетно пытаюсь раскурить трубку. Получалось это с трудом: искра всё никак не желала высекаться, а слегка дрожащие после встряски пальцы делу не помогали.

— Ага, как же... Для человека который едва ли неделю в лазарете «подай-принеси» может и пойдёт, — досадливо посетовал я. — И Бонзе дико повезло что мэтр разрешил мне почитать его записи. Раненых-то к нам таскают, бывает что и по нескольку в сутки, но такого чтоб обломок стрелы в четверти дюйма от артерии застрял — не было.

— Но ты ж его вытащил вроде?

— Вытащил. И порезы от ножа зашил. Но вот правильно ли обработал — не знаю. Рань довольно глубокие, каким чудом органы не задело — непонятно. Или как раз задело, а мне просто опыта не хватает это рассмотреть. Или я мог упустить ещё что-то важное, про что ещё не успел прочитать...

— По-моему ты сгущаешь краски, — Виллу наконец удалось раздуть крошечный огонёк. — К тому же вот чего я за тобой ни разу ещё не замечал — так это халтуры. Нормально всё. Да и даже если ты чего и упустил, то теперь хоть шансы появились. Бонзу ж с его каторжным клеймом в лазарет не потащишь. А тем более теперь, когда его каждая шавка в трущобах ищет.

Я уселся рядом с ним прямо на землю, и мы оба вновь расслабленно привалились спиной к стене дома, прямо как в ночь после стычки с бандитами.

Интересно, который час? Луна уже спускается за взгорье вдаль, но просвета на горизонте ещё нет и в помине. Ночи стали ощутимо длиннее и холодней, а из-за близости озера ближе к рассвету, как правило, поднимался густой туман. Нижние кварталы Креймора утопали в нём каждое утро, а верхняя часть города казалась островом посреди моря. Было бы славно всё-таки успеть вернуться пока дорогу видать. И придумать как бы продержаться на ногах весь следующий день, не уснув за работой. Мэтр Янсенс не одобрит...

— А что шавкам в трущобах нужно от нашего Бонзы?

Вилл закатил глаза.

— Да тут как... дурака кусок этот наш Бонза, что тут скажешь-то ещё? Я насколько понять успел, он в «Омуте» искал как бы денег подзаработать. Сам знаешь, голова дурная. Ну и вклинился, видать, в разборки между местными. Вроде как одна банда хотела убрать человека из другой, чтоб свалить на третью. Денег предложили порядком. Тут бы ему надо было б заподозрить неладное, но, видно после того как Чёрный зажал половину жалования, осторожность вся и закончилась. Ну а дальше всё закономерно: Бонза кого сказали — убрал, а вместо оплаты его самого чуть на ножи не подняли. Чем, бестолковщина, вообще думал когда на это соглашался — ума не приложу. Благо ещё вывернулся как-то, дополз сюда по дну оврага и под сваями, где перекрытий нет. Вот что значит «парень очень хотел жить». Ну а я его как услышал — так сразу в дом с глаз долой. А Зак вот за тобой метнулся.

— Ясно всё с ним, — я рассеянно вертел в руках отрез ситца, который служил мне повязкой на глаз. Нужно было замотать её обратно и выдвигаться, но я никак не мог заставить себя сделать это. Когда в следующий раз появиться возможность от нее отдохнуть? — То есть Чёрный деньги так и не отдал?

— Нет, — пожал плечами Вилл. — Свалил вместе с ними ещё этим утром, из всей команды оставил человек семь. А в Гильдии всем на всех наплевать. Сказали, мол, все вопросы к капитану, если есть у вас жалоба — пишите, разберёмся. Мы написали, конечно,

но толку с того? Они разбираться будут до мая месяца, а я лично зимовать тут не планировал.

— Кстати, а тут — это где? Что за дом-то? И что за старушка?

— А... считай дешёвое жильё. Жить-то где-то надо пока одно-другое. Зак в «Русалочей улыбке» пристроился пока, считай еда и угол в обмен на песни по вечерам. Бонза в «Тихом Омуте» ошивался, перебивался чем привык — мелкими мутными делишками. Ну а я — вот. Днём в рыбном порту, а ночью здесь. Это мне местные посоветовали. Не ахти что, но получше ночлежки будет. Да и бабка совсем плоха, сам слышал. Родных у неё нет, чем живёт — не ясно, разве что соседи сердобольные изредка чего принесут. Так что я тут покамест за вместо внука у неё. Хотя она всех за него принимает.

— Я примерно так и понял. А куда делся настоящий?

— Чёрт его разберёт. Соседи не знают, а у она и не скажет теперь.

— М-да. Печально...

Мы снова устало замолчали. Вилл — раскуривал трубку, я — растирал озябшие руки и тихо радовался про себя, что додумался прихватить рабочую робу, которую, впрочем, теперь всё равно придётся выкинуть к чёртовой матери. Эти кровавые разводы ни одна прачка теперь не отстирает...

— Спит, — коротко произнёс Зак, тихонько скользнув в наш закуток между домом и сараем.

— Бонза или бабка? — уточнил Вилл.

— Оба, — наш менестрель подсел к нам третьим. — И на том спасибо, а то с меня на сегодня хватит, пожалуй. Безумная ночка выдалась...

— И денёк перед ней тоже, — согласился я.

— Ну, и что теперь будем делать?

— Вывозить его отсюда надо, — Вилл покачал головой. — Я раньше надеялся что мы дождёмся баржи Флетчера. Он через неделю должен прибыть, если ничего не случилось. Наймёмся к нему, и уйдём вниз по Рене до Грауэрштайна. Дальше эти двое там остаются, а я — домой, к своим старикам. Ни с чем, по сути: лето выдалось — хуже некуда, ну да ничего. В Меасте всегда нужны рабочие руки. С голоду не пропаду. Ну а по весне, если уж совсем плохо будет, можно попробовать вернуться в Легион. Не хотел я туда, но чёрт бы с ним, потерплю. Только теперь нет у нас никакой недели.

— Ага, и это ещё чудо чудное что он по тихой от них ушёл, — добавил Зак. — И что к старушке на порог ещё не явились местные головорезы. А они, помяните моё слово, разнохают. Так что да, вытаскивать из города. Чем раньше — тем лучше.

— Ищут его или нет, а поторопиться придётся в любом случае, — согласился я. — В этой землянке грязи столько, что вторичного заражения не миновать. Так что уксус я вам оставлю, промывайте всё и перевязывайте раз в два часа.

Вилл выругался сквозь зубы.

— Можно подумать в порту сильно лучше!...

— В порту хотя бы воздух свежий. А в комнатухе этой духота как в подполе. Мэтр говорит что это важно, а я его опыту верю.

— Да мы-то сами разве против? — Закари потянулся за собственной трубкой. — Я вон здоров, а даже мне там дурно делается. Но куда мы его сейчас денем? К тому же заметят же, доложат, у них это быстро: я в «Улыбке» посмотрелся как споро местные дела ведут. А уж сколько соглядатых у них по городу — жуть...

— Стало быть пока пусть лежит, а я тогда рассветом спущусь до рыбацкого порта, разузнаю что и как, — решился Вилдар. — Есть там один дед который за шиллинг-другой вопросов задавать не будет.

— Ну, уже что-то, — приободрился менестрель. — А как довести туда нашего подранка?

— Его по-хорошему вообще никуда нельзя вести в таком состоянии, — напомнил я. — Швы разойдутся, кровотечение откроется и всё по новой шить. Его сейчас разве что только на носилках каких перетаскивать, или отрез парусины найти...

— Так в одеяло завернуть и вперёд! Мы с тобой вдвоём вполне себе справимся.

— Мы-то справимся, но идти придётся медленно. А то тут такие склоны, что и без груза чёрта с два спустишься ничего себе не переломав...

— А у нас выбора особо нет, — напомнил Зак. — Разве что...

— Нет, алхимика грабить ты не пойдёшь, — отрезал Вилл. — Даже думать об этом не смей!

— Да что такого-то?! — праведно возмутился наш менестрель. — Я утром просто пойду посмотреть что там и как. Мало ли, вдруг у него с охраной не очень?...

— НЕТ, — хором отрезали мы.

— У вас есть лишние деньги? — в тоне Закари прорезались обиженные нотки. — Нет, если они есть — то пожалуйста, не вопрос! Идите и покупайте эликсир. Я буду только рад.

Мы с Виллом мрачно замолчали. Тут он нас уел. Пяти фунтов не набралось бы при всём желании, даже вздумай мы собрать в одну кучу все наши средства.

Вот пропасть... Всего один маленький флакон, и долгие недели превратились бы в считанные дни, а шов так и вовсе можно было бы снять завтра по утрам. Я по себе знал какие чудеса способны творить алхимические эликсиры. Жаль только что простым работягам среднего достатка они недоступны...

— Баи, ты сам-то хоть как? — подал голос Вилл, флегматично вытряхивая пепел из трубки.

— Да пойдёт, — я пожал плечами, рассеянно комкая в руках опостылившую повязку. — Работы полно, что днем, что ночью, но жаловаться не приходится. Но местный люд кого угодно с ума сведёт. Вчера утром двух мужиков приволокли: один другого топором рубанул когда на конюшне со своей женой застукал. Хотел и жену за одно, но на её счастье там лошадь удачно стояла: испугалась и лягнула как следует. В итоге оба скорее всего выживут, но тот которому голову копытом пробило вряд ли сможет это осмыслить.

— Ну и поделом, — фыркнул Зак. — Нечего чуть что топором махать. Выбитых зубов за такие дела, как по мне, вполне достаточно.

— Потом, ближе к обеду родная мать притащила тощего мальчонку лет пяти, вереща что он-де умирает, — продолжил я, как-то отстранённо понимая что меня понесло. — Все как по тревоге подскочили, мэтр лично осматривал. У парнишки явно было истощение и слабость, но прям умиранием там и не пахло. Но вот охающая тётка битый час в истерике металась по коридорам, оплакивая своего мальчика, и всех довела до белого каления. Из её рыданий выяснилось, что малец де с самого рождения был плохонький, слабенький, всё время она его выхаживала, и даже к знахаркам таскала. Последняя ей сказала кормить ребёнка только пресной жидкой овсянкой. Мол парень настолько слаб что жевать сам не может. Ну та, дура, так всё и сделала, и ещё удивляться стала почему бедолажка слабеет. И понеслось: гулять ему, видите ли, нельзя, с постели вставать — тоже, потому как слабый.

Окна в доме держать закрытыми потому как чуть просквозит — и сразу сопли... Не ребёнок, в общем, а растение какое-то, если по её словам судить.

А пока я с сотоварищами всё это слушал, наша старшая сиделка Нэн, которая ничего про эту болезненность знать не знала, от чистой души предложила мелкому кусок морковки. Тот умял в итоге шпуки три, ожил и сказал что ничего вкуснее и слаще в жизни не пробовал. А потом робко попросил разрешения по комнате пройтись. Ножками. И тут как раз входит любящая мама, и сразу в крик: мол, как вы ему это разрешили, он же умирает! И с нахрапу драться полезла. Причём с кем? С Нэн, которой уж восьмой десяток пошёл. На силу оттащили...

— Ууу... — посочувствовал Вилл, пристально наблюдавший за тем как я мну в руках разнесчастную тряпку. — Видал я таких тёток. Как у нас говорят — «сиди, я сам открою». Бедный малёк.

— Не то слово, — ткань в руках опасно натянулась. — В итоге мэтр приказал проводить её за дверь, а обратно пустить только когда она будет в состоянии разговаривать спокойно. Так и сказал: «первое что нужно сделать для спасения ребёнка — отослать его мать от него подальше». Та, конечно, пожаловаться обещала, но мальчишку мы отбили. Он, в отличии от мамы его, здоров, но забит настолько что страшно делается. Нэн говорит — немного правильного питания да прогулок на свежем воздухе, и пойдёт на поправку. Другое дело — потом придётся вернуть его мамаше, а она его уморит.

— А если не вернуть? — спросил Зак. — Вот просто взять и не вернуть?

— И куда его потом?

— Ну, например при госпитале оставить. Или в монастырь на воспитание отдать. Кстати, а почему нет? Ходят же слухи что епископ Янсенсу благоволит.

— Благоволит. Это не слухи вовсе. Они вроде как лично знакомы.

— Ну так вот, пусть мэтр у Его Преосвященства и спросит, можно ли пристроить. В монастыре, кстати, и образование парню будет, и средства на жизнь. Его мамка-то поди не великого недостатка, раз пришла именно к вам.

— Да тут даже я бы его лучше в храмовники отдал, чем вот так. У тётки-то явно не всё в порядке с головой. А малыш в этом не виноват... — я вдруг осознал что кусок материи в руках уже трещит от напряжения и если я сейчас не возьму себя в руки, то закрывать шрам мне будет просто нечем. Во этому выдохнул и перевёл тему. — Ну, а сегодня в полночь явились местные шишки с умирающим от сердечного приступа отцом. Причём у этих были и деньги, и рекомендации лекаря, и вообще всё. Кроме мозгов. В итоге они наплевали на предписания мэтра Вербека всей семьёй, а к нам отправились только когда стемнело, чтоб их никто не увидел и слухи не пошли. У старика к тому времени уже не было не единого шанса. А крайним кто, как думаете, оказался?

— Янсенс?

— В яблочко! И теперь на него подадут жалобу в городской совет, будто у него и так неприятностей мало, — я с досадой швырнул прочь скомканную тряпку. — И ладно бы это были случаи из ряда вон! Ведь каждый день такие приходят: недалёкие, озлобленные, а то и вовсе чокнутые. Серьёзно. Я чуть больше недели там, но уже такого насмотрелся, что оторопь берёт. Кажется ещё немного и я просто начну кидаться на людей по любому поводу. Сегодня, когда выпроваживал за ворота ту сумашедшую мамашку, всё одёргивал себя чтоб не вклепить ей оплеуху-другую со всей дури. И вот честно, не будь она женщина — не удержался бы.

— Эк тебя, — почему-то усмехнулся Виллар, потянувшись за брошенной повязкой. — Быстро же из тебя выбили твоё человеколюбие. Впрочем, вполне могу понять.

— Да я сам от себя не ожидал если честно, — покаялся я. — Никогда такого не было чтоб меня вот так каждая мелочь из себя выводила. Но этот город с его нравами, кажется, скоро доведёт меня до того что я начну убивать.

— Слушай, дружище, мне кажется всё намного проще, — Вилл с видом заботливой мамы принялся возвращать повязку её привычное место. — Ты только в штывы не воспринимай, ладно? Я понимаю что у тебя траур и все такое, но я бы на твоём месте на обратном пути заглянул бы в заведение к мадам Де Врис, и задержался бы там на пару часиков. Там и девочки приятные, и берут недорого, и условия очень даже ничего.

Меня передёрнуло от самой этой мысли.

— Спасибо, нет. Всю жизнь недолюбливал подобные места.

— Дык, тебе туда и не за любовью надо. Но то, что надо — факт неоспоримый, это уж ты мне поверь. Ты сам же теперь вроде как целитель, и должен бы понимать, что у тела тоже есть потребности, а если их не удовлетворять, то последствий не оберёшься. Так что давай, решайся.

— Я? В публичный дом?...

— Если тебе так не нравятся платные услуги, то соврати какую-нибудь сестру милосердия, — заботливо посоветовал Зак. — Но как по мне с путанами всё-таки честнее: там сразу понятно кто кому и чего должен.

— И ты туда же... Серьёзно, ребят, я так не могу.

— А ты смоги, — Вилл закрепил последний узел. — Представь себе что это такое лекарство, которое тебе твой же мэтр прописал, если тебе так легче будет. Потому что по сути так и есть. Просто поверь: тебе надо.

Я подавил нарастающее желание послать его куда подальше. Вдохнул. Выдохнул.

— Ладно. Подумаю об этом на досуге. Спасибо за совет.

Подумаю, как же.

Нет, конечно же в чём-то Вилл был прав. Природой так устроено, у тела тоже есть потребности, человеку нужно...

Но мне — нет, не нужно.

За всю свою жизнь я притрагивался только к ней одной. А теперь, когда её нет, больше ничего и не хочется.

Я шел обратно через Роуз-стрит, мимо стоящих у стены девиц, безучастно всматриваясь в их лица.

Лекарство, значит... Может оно и так. Вот только себя не пересилить. И стоит ли?...

По идее потенциальный клиент, вроде бы, должен что-то там испытывать при виде скудно одетых девиц. В смысле — что-то кроме желания выдать всем по суконному плащу и загнать в тёплое помещение.

Но кроме жалости и отвращения они не вызывали ничего.

Жалость принадлежала даже не женщинам — бледным теням женщин с потухшим взором, которые смиренно стояли у стены и просто ожидали когда предприимчивый хлыщ с аккуратными усиками, словно торговец скотом на сельской ярмарке, продаст их подороже.

Раздражение же щедро рождалось при одном только взгляде на «ночных бабочек» другого сорта. Вот они, и многообещающе строят глазки, томно потягиваясь и зазывно улыбаясь. Мне противно. Всё это — просто дешёвая попытка манипулировать желаниями и продать себя подороже. И вообще, каждый раз когда меня пытаются купить такими трюками, я вместо вожделения чувствую, что меня принимают за идиота.

Ну его в Бездну, это невозможно. Я это не превозмогу. Нужно просто пойти в госпиталь и спать лечь. Хоть бы и всего пару часиков.

Разве что только...

Стоп.

Минуточку!

Я поймал этот перепуганный, совсем ещё детский взгляд и остановился, надеясь про себя что это мне показалось от переутомления. Этой заминки хватило: уже через мгновение у меня за спиной раздался еле слышимый голос усатого распорядителя:

— Если нравятся помоложе, то очень рекомендую этот нежный цветочек. Всего за десять пенни за ночь!

— Нежному цветочку сколько лет? Десять? — спросил я, напоминая себе что ударом в челюсть, на который так напрашивается этот гад, вряд ли получится изменить устоявшиеся в низах порядки.

— Двенадцать уже есть, просто сама по себе невысокая, — с энтузиазмом соврал торговец удовольствиями. — Немного неопытна, но в этом, знаете, есть свой особый шарм...

Шарм, значит?...

— А куда мы пойдём? — робко поинтересовалась девчушка, как только мы оказались достаточно далеко от злосчастливого переулка.

— В лазарет Янсенса. Кормить тебя, слушать твою историю и думать что с тобой делать дальше, бедный ты ребёнок, — ответил я, ощущая что меня потряхивает от гнева. — Будь прокляты все демоны бездны разом, скажи мне ради всего святого что ты сегодня там впервые!

Девочка молча сжалась, словно ожидая удара.

— Ясно. Можешь не отвечать. Зовут как?

— Эви...

— Как тебя угораздило там оказаться?

— Де... дедушка... за карточный долг...

Я бессильно схватился за голову.

Дедушка. За карточный долг.

...Этот чёртов город сведёт меня с ума.

— Ты ещё кто?

Огонь полыхнул ярче, освещая лицо говорящего. Моё собственное. Точь в точь. Даже шрам был на месте.

— Я — Байрон из Аль-Шалесса. Сын архимага Оуэна, наследник Башни Слоновой Кости, — он испытующе смотрел на меня. Надменно. Холодно. Чуждо. — А кто ты?

— Вот так, да? — я усмехнулся, принимая вызов. — Тогда моё имя — Баи Финч, скорняк из Нордвика. Человек, который сам построил свою жизнь из ничего. Давай на том и порешим, для ясности.

— Сам построил? Ой ли? — огонь полыхнул в его взгляде. — Самонадеянный глупец, считающий что властен над тем, что недоступно даже Забытым Богам. А что же ты тогда не предотвратил её гибели? Что же не вытащил из огня? Что не истёр в прах её обидчиков? Ты, беспомощный скорняк из Нордвика, человек, который не в состоянии уберечь то, что было ему дарованно. Позор своих предков. Они горько плачут глядя на тебя из-за Грани. Посмотри на себя! Да всякие глаза, с вожделением взглянувшие ей вслед, должны были выклевывать вороны. Всякую руку, невзначай коснувшуюся её, следовало отрубить. А за то что с ней сделали, следует всю Империю предать огню!

— Огню? Всю Империю? — ответил я. — Ты чёртов больной ублюдок! Как же всё-таки хорошо вышло что тебя на самом деле не существует. Ни тебя, ни преданных тебе слуг, которые исполняли бы твои прихоти! Мир поистине миновала большая беда.

— Я — это ты, упёртый ты идиот! — он не выдержал и схватил меня за плечи, так словно желал вытрясти дух. — Хватит бегать от меня! Хватит отрицать меня!

— Нет. Ты — чёртов призрак, — возразил я. — Человек, которым я, по счастью, не стал и никогда не стану.

— Не станешь? — на губах его появилась усмешка. — Вот как?

— Если у меня и были сомнения, то твоя надменная рожа всё поставила на свои места, — сказал я, и вдруг понимая что голос мой так же холоден и чужд. — Так что спасибо тебе за то что себя показал. И не нужна мне Империя в огне. Хватит и одной головы.

Снова гнев, снова пламя.

— Одной головы, говоришь? Что ж, пусть будет так. А ты... что же ты? Почему ты тогда здесь? О чём ты думаешь?! Ты должен учиться убивать, а не врачевать! Искать Силы, а не носиться с ранеными и убогими! Поднять себе на службу армию мертвецов, призвать из Бездны полчища бесов, подчинить своей воле лесных зверей, превратить всех этих озлобленных и мелочных глупцов в прах под твоими ногами! Или что, отступишься от собственных слов о том что тебе всё по силам? Какого дьявола ты всё ещё здесь? Какого дьявола?...

Кто-то прикоснулся к моему плечу, и сон исчез, словно огонь свечи на сквозняке. Я вздрогнул, неудачно дёрнул локтем, и деревянная кружка с грохотом упала со столешницы на пол.

— А? Эмиль! Нет-нет, я не сплю!

— Да конечно, — усмехнулся Эмиль. — Ты не спишь, а я, видать, в городском совете заседаю. Давай, продирай зенки-то, в гробу отоспишься. Мэтр велел тебе к нему явиться.

Я кивнул, пытаюсь изобразить бодрость. Вот ведь зараза... как меня угораздило заснуть? Впрочем, что уж там: читать записи Янсенса утром после сумасшедшей бессонной ночи явно была не лучшая идея. Всё равно не запомнил ровным счётом ничего.

А утро уже и не утро вовсе, а вполне себе день. Довольно тёплый, что не говори. Сентябрь в этом году на удивление погож.

Город живёт своей жизнью. За оградой то и дело слышится цокот копыт и скрип колёс. С Шэмблз-стрит доносится дивный аромат копчёностей, со стороны храма — звон колоколов, монотонный гомон человеческих голосов — отовсюду.

На подворье расторопный Херберт уже помогает снять с телеги какого-то старика. Одна из лохматых серых дворняжек вертится у него под ногами и звонко тьякает, в надежде что хоть кто-то оценит её великолепные охранные способности. Зря надеется: никто не обращает на нее внимания. Точно так же как и на Рэни, которая, кажется, так и не шелохнулась с тех пор как оказалась за сараем. Все слишком заняты своими делами, кроме, разве что, худенького пятилетнего мальчонки, которого Нэн, видимо, вывела из палат погреться на солнышке. Он сидит на поленнице и во все глаза смотрит на большую чёрную собаку с непередаваемой смесью любопытства и страха. А Рэни ни на кого не смотрит. Просто печально лежит опустив голову на лапы, и всё.

В углу у конюшни, под водостоком — заветная кадка, полная до краёв после вчерашнего ливня. Холодная вода бодрит. Жаль только из-за повязки не умыться полностью. Сегодня это обидно как никогда, но нельзя её снимать. Ни в коем случае нельзя. Боги, до чего же она надоела...

В коридоре висит стойкий запах уксуса. Кто-то стонет, кто-то ругается, кто-то тихо плачет, и всё это сливается воедино, наполняя и без того неудобные коридоры бывшей скотобойни ощущением болезненной безнадеги.

Как не крути, здесь очень тяжело находиться. И не знай я на какие чудеса способен Йозеф Янсенс, то, наверное, сбежал бы отсюда в первый же день. Но Янсенс творил их чудеса, подчас невероятные, невольно заставляя восхищаться собой.

Мэтр был у себя. Сегодня он казался несколько более усталым чем обычно, хотя держался так будто бы его усталость никакого значения не имела. Окладистая борода ухожена, седые волосы — аккуратно зачёсаны назад. Как не крути, столичный аристократ оставался столичным аристократом, что бы с ним не делала жизнь. Даже серую рабочую робу Янсенс носил с таким достоинством, что та казалась парадным мундиром. На его фоне я, как правило, вдруг резко вспоминал что неплохо бы на досуге заглянуть к цирюльнику.

Сейчас мэтр кипятил что-то в маленькой чаше прямо на масляной горелке. Можно было подумать что это очередное снадобье, но душистый аромат специй сбивал с толку.

— Уснул таки? — строго спросил он, и я снова невольно почувствовал себя проштрафившимся мальчишкой-подмастерьем, опоздавшим к началу рабочего дня. Только в те далёкие времена это я был на голову ниже своего наставника, а не наоборот. И теперь от этой разницы было ещё более неловко.

— Прошу простить, сэр. Больше не повторится.

— Я, конечно, всё понимаю, дело молодое, — продолжил Янсенс, снимая своё варево с огня. — Но у вас был выбор: спать или развлекаться по борделям. Вы его сделали, так что принимайте последствия достойно.

Я набрал было воздуха в грудь чтобы возразить, но вовремя прикусил язык.

— Да, сэр. Не жалею, и готов работать.

Мэтр чему-то усмехнулся, разливая зелье в две маленькие чашки.

— Вот, выпейте-ка вот это! — велел он, протягивая мне одну из них. — А то ещё не хватало чтоб вы заснули над пациентом.

Кофе?! Серьёзно?!

— Спасибо, — растерянно сказал я, принимая этот бесценный дар. Кофе в Блэкшире было большой редкостью, но мэтр держал небольшой запас для особых случаев. Учитывая тот факт, что сюда могли заявиться даже среди ночи, «особый случай» наступал довольно часто, но лично я удостоился этой чести впервые.

Напиток имел очень необычный вкус из-за молотой гвоздики и бадьяна, однако так мне, пожалуй, он нравился больше.

— По поводу вашей девочки, — продолжил мэтр между тем. — По состоянию здоровья всё довольно неплохо для её случая, повреждения незначительны. Физические, само собой. Про душевное состояние — тут сложнее, но я бы доверился Нэн и её опыту. Ничего непоправимого. Меня скорее вот что беспокоит: поведайте мне, Гаррэт, что вы теперь планируете с ней делать?

Я чуть не поперхнулся.

— В каком смысле?...

— В самом прямом. Вы как, намерены каждый день выкупать бедняжку на сутки у её хозяев? Или вы считаете что местные бандиты постесняются наведаться сюда?

— Нет, иллюзий на этот счёт не питаю, — ответил я. — А делать... ну для начала вечером найти того муд... кхм... человека, и попробовать узнать, что да как. Может как-то удастся договориться? Может они согласятся на выплату долга по частям? Должен же быть какой-то выход, это ведь даже не смешно! Она же ребёнок ещё совсем...

— Да не кипятитесь вы так, — оборвал меня мэтр. — Я не меньше вашего порицаю такие вещи. Другое дело что к моему великому сожалению помочь каждому страждущему невозможно.

— Я это знаю, мэтр, но всё же... — тяжело вздохнул я, подыскивая слова. — Понимаете, бывают такие случаи, что если пройдёшь мимо — то всё, человеком с того момента ты больше называться не в праве. Трусом — да, эгоистом — да, малодушным ничтожеством — да. Но «человеком» — уже больше никогда. Для меня этот конкретный случай был таковым, сэр. Я не нашёл в себе сил остаться в стороне.

— Это всё от того, что вы ещё достаточно молоды, — усмехнулся Янсенс. — Вот проживёте с моё...

— Проживу — посмотрим. А пока — простите, не могу.

Мэтр одарил меня взглядом, в котором читалось почти отеческое умиление.

— Сходите туда и поговорите. Чем раньше — тем лучше. Всё равно перегружать вас работой сегодня не стоит. Только будьте морально готовы к тому, что от этого дела придётся отступить. Скорее всего вас попросят оплатить долг её бабушки, и едва ли эта сумма будет мала. А после я вас настойчиво прошу воздержаться от загулов, вернуться в госпиталь и выспаться как следует перед завтрашним днём. Вы нужны мне готовый ко всему и на свежую голову.

Я вновь подавился возражениями.

— Как скажете, мэтр.

Старик снова бросил на меня насмешливый, полный умиления взгляд, словно бы я невольно наводил его на какие-то воспоминания. Судя по всему он собирался сказать что-то

ещё, но нас прервал нервный стук в дверь и взволнованный голос Херберта:

— Мэтр Янсенс! Мэтр Янсенс, вы тут? Там прибыл господин Харди! Срочно нужна ваша помощь!

— Харди, — заинтересованно произнёс мой новый наставник. — Давненько его не было... Что ж, Гаррет, срочно взбодритесь и отправляйтесь к Нэн за инструментом. Что бы не случилось на этот раз, практика на сегодня вам обеспечена.

Стоило бегло осмотреть собравшихся в палате, как всё мигом вставало на свои места.

Первыми в глаза бросились трое мужчин в котлах городской стражи поверх кольчуг, один из которых, судя по перевязи, был в чине капитана.

Четвёртый, склонившийся над ложем, доспеха не носил, если не считать за таковой усиленную накладками кожаную куртку. Никаких гербов, никаких знаков различия, однако характерная выправка и короткая стрижка выдавали человека служилого. Он что-то тихо и уверенно говорил лежавшему на постели раненому мужичку тщедушного вида, а тот смотрел в ответ такой с надеждой, словно ему уже пообещали вознесение к престолу Императора и отпущение всех грехов. Впрочем, его можно было понять: такое количество крови — это к операции, примета верная.

Что ж... кофе был очень кстати.

При виде мэтра стражники уважительно отступили в сторону, а этот, четвёртый, по-товарищески похлопал раненого по плечу, произнёс нечто вроде «не бойсь, сейчас тебя подлатают, будешь как новенький!», и только после этого соизволил, наконец, выпрямится и обратить на нас внимание.

Располагающая улыбка и смеющиеся глаза, но что-то внутри не верит тому что видит. А кошачья грация в каждом движении выдаёт в нём бойца опытного и опасного.

Кто он вообще такой?...

— Добрый день, Йозеф, — слегка извиняющимся тоном произнёс загадочный господин. — Простите за спешку, но этот человек должен жить. Во что бы то ни стало.

— Можешь не извиняться Роланд, — отмахнулся мэтр, быстрым шагом подходя к постели. — Сделаем всё возможное. Капитан Брехт, освободите помещение!

— Как скажете, сэр! — спохватился предводитель стражи. — Ребята, на выход! Господин Харди, если я понадоблюсь, то буду на месте преступления.

— Да-да. Я вас найду, — заверил тот. Сам он явно никуда уходить не собирался, только отступил к стене чтоб никому не помешать, и всё. — Проследите чтоб любопытный люд держался оттуда подальше. И ничего не трогайте! Мне нужно будет ещё раз всё осмотреть.

— Не извольте волноваться, — коротко кивнул Брехт. — Ждём вас.

И вышел.

А Харди — остался, опустившись на скамью у двери.

И Янсенс ничего ему не сказал, хотя сам посторонних в хирургической палате терпеть не мог.

Я подивился такой странности, но обдумывать её было некогда: мэтр принялся за дело. Вернее, собирался приняться. И застыл на секунду, пытаясь осознать что вообще перед ним.

— Это что, ожог? — спросил он, беря себя в руки. Я сам тоже совершенно не понимал что это за дырка, словно и правда прожёгшая грудную клетку до самых рёбер. Огонь здесь

был явно ни при чём. Больше походило на какую-то хитрую алхимическую гадость, способную разъесть плоть. Я слышал что такая бывает. Но вот тогда почему эта странная дыра в груди имеет форму человеческой кисти?...

— Да. Ожог, — с нажимом произнёс господин Харди, и от чего-то переспрашивать желания не возникло. — А ещё несколько обломков металла и рваная рана на боку.

— Это я уже вижу, — мэтр потёр лоб. — Мэгги, не стойте столбом! Давайте настойку дурмана, одну порцию для начала. Эмиль, помогите устроить пациента удобнее. Гаррэт, готовьте раствор.

Следующие полчаса я малодушно радовался тому, что просто ассистирую, а не вынужден принимать решения, как прошедшей ночью. Ранение оказалась явно не из рядовых, даже для такого опытного целителя как Йозеф Янсенс. Впрочем, он, как и любой истинный мастер своего дела, воспринял поставленную задачу как вызов, и замешательство быстро сменилось лёгким азартом.

Смотреть на мэтра за работой уже само по себе было бесценно. Не возможно было восхищаться его уверенными точными действиями и тонким пониманием материй, с которыми приходилось работать. Знания эти были столь глубоки, что в новых для себя ситуациях мэтр спокойно мог импровизировать. Пожалуй, из всех показателей высокого мастерства этот был самый верный, о каком бы ремесле не шла речь.

Кроме того, Янсенс всегда сопровождал все свои действия пояснениями. Это было нечто вроде хорошей привычки: благодаря ей даже местный конюх, кажется, имел представление о том как грамотно оказывать первую помощь. Что до меня — так я жадно впитывал каждое слово, каждое движение. И даже сейчас, после бессонной ночи, будто преклоняясь перед важностью всего происходящего, липкий туман недосыпа отступил, даруя возможность слушать и запоминать.

Ассистировала в основном Мэгги. Мне на данном этапе отводилась роль всё того же «подай-принеси», однако я мог в деталях рассмотреть, как правильно следовало вытаскивать из плоти обломок... обломок чего-то. Явно не стрелы. Он скорее походил на скол некоего разлетевшегося на куски лезвия. Кто и каким образом кинул это так, что оно вонзилось столь глубоко? Или же если этим выстрелили — что было намного логичнее, учитывая глубину — то из чего? Пусть я не оружейник, но в юные годы живо интересовался всем что стреляет. Луки, пращи, арбалеты, «огненные копья» из восточных колоний... Даже для последних требовались специальные снаряды обтекаемой формы. А эти глубоко засевшие куски заточенного металла никак не укладывались ни в какую мало-мальски разумную картину.

Бессмыслица... Или я чего-то не знаю. И это незнание меня пугает.

Примерно так же пугает как и то, что мэтр зачем-то обработал рану на третий раз. Проклятье, а я сам вчера на сколько раз всё обрабатывал?... Порылся в памяти и обнаружил, что не помню. И вообще не уверен что промыть вышло качественно — слишком глубокая рана, слишком темно в маленькой грязной коморке.

Вот же чёрт... надеюсь всё-таки боги смилостивятся, и воспаление каким-нибудь чудом обойдёт Бонзу стороной. Ему в целом во многом везёт, учитывая сколько раз он мог расстаться с жизнью, с его-то норовом...

Интересно, как он там?... Вряд ли хорошо — слабость и жар есть наверняка. Как-то понять бы теперь норма ли это, или всё же что-то пошло не так? А Вилл, интересно, договорился ли там в порту и что в итоге вышло?...

Чёрт побери, почему время так медленно тянется? Я должен смотреть и учиться, а мысли то и дело возвращаются к приятелям в трущёбы. Толку с меня здесь сейчас... Как закончим надо будет на обед заглянуть в «Улыбку русалки», поискать Зака. Днём-то он там должен быть. Наверняка он знает как у Бонзы дела.

Если только с ним ничего не случилось. Если с ними со всеми ничего не случилось. Бездна...

— ...а вот теперь, наконец, всё. Гаррет, можете зашивать.

Я кивнул, усилием воли возвращая себя в реальность, и взялся за иглу.

— Это новенький? Не видел его у вас раньше, — вполголоса сказал Харди. Разговор вёлся поодаль, но я всё равно отчётливо слышал каждое слово.

— Новенький, — спокойно ответил мэтр. — Бывший портной, из Саммертона. Решил вот, видишь ли, сменить профессию.

— Вот как? А вы уверены, что стоило доверять такую работу новичку?

— Уверен. Толковый парень. В лекарском деле, конечно, зелен ещё, но недостаток знаний компенсирует энтузиазмом и упорством. А что касается наложения швов — в считанные дни освоил, да так, что иных целителей посрамил. Сразу чувствуется, рука к шитью привычная. Так что не бойтесь: заштопает он вашего ценного свидетеля в лучшем виде.

— Это не свидетель, — пояснил Харди. — Это мой связной.

— Для выздоровления это роли не играет, — бесстрастно пожал плечами Янсенс. — Жить будет. Но вот ожог этот ваш... странный...

— Простите мэтр. Тайна следствия.

Я не видел, но буквально почувствовал как мэтр недовольно поморщился.

— Ох уж мне эти ваши «следствия»... Так уж и быть, не спрашиваю. Гаррет, вы закончили?

Я ограничился коротким кивком, робко надеясь что он сейчас просто отошлёт меня за дверь. Почему-то находиться в палате сегодня было намного неудобнее обычного.

Впрочем, причина этой особой неудобности как раз подошла поближе к операционному столу и придирчиво осмотрела получившиеся швы.

— Действительно, тонко и аккуратно! — признал господин Харди, впервые взглянув непосредственно на меня. — Если это и впрямь только начало, то ты далеко пойдёшь, парень! Главное — не бросай это дело. Этому городу нужны хорошие целители. Да и не только этому.

И одобрительно похлопал меня по плечу.

— Спасибо, сэр! — в кои-то веки у меня вышло убедительно сыграть человека своего сословия: не смотреть в глаза, не высовываться. Да-да-да. Я — всего лишь какой-то одноглазый калека, который помогает тут с больными. Я сделал всё что мог. Я вам тут больше без надобности. Мэтр, ну же, скажите что я могу быть свободен!

Мэтр?....

— Шов действительно неплох, — признал Янсенс. — Чтож, Гаррет, помогите Мэгги с уборкой и можете быть свободны на сегодня. Лучше выпитесь хорошенько: завтра, напоминаю, вы будете нужны мне со свежей головой и готовый ко всему. И удачи вам в «переговорах».

— Спасибо, мэтр!...

Вскоре я, наконец, покинул операционную комнату с огромной кучей окровавленного

тряпья на выброс. Но исполненный интереса взгляд в спину чувствовал даже когда закрыл за собой дверь, и ещё некоторое время после. Только в нашем жилом закутке тяжёлое давящее ощущение в груди немного попустило. И то не до конца.

Да кто он вообще такой, и почему у меня от одного его присутствия мурашки по коже?

Стража... Связные... Улики не потоптать... Он — следователь? Определённо следователь, да вот только...

«...Да ладно, только посмотри на себя! Это уже паранойя, дружище. Мания преследования. Ты теперь при виде каждого стражника будешь дёргаться, да? Успокойся. Он не за тобой сюда пришёл.»

«Сегодня — не за мной. Но это не значит что он не придёт за мной завтра.»

«Успокойся, тебе говорят! Давай думать здраво: твоё единственное реальное преступление — убийство следопыта, случившееся безумно далеко отсюда. А единственные же свидетели того — убили второго и сами сбежали. Это ж ещё поди найди и докажи: там ведь у места преступления не столько твои следы, сколько медвежьих! И прости уж, но не велика ты птица чтоб тебя искать.»

«Не велика птица? Сокол прикинулся зябликом, да ещё и сам в это верит! Впрочем Бездна с тобой: ты можешь считать себя кем угодно: зябликом, воробушком, скорняком, целителем — пожалуйста! Но если вскрылась правда, то ловить будут сокола, и поступят с ним совсем не как с маленькой птахой. И любая участь лучше, чем попасть в руки храмовников. Даже смерть...»

— Господин Эванс, простите... — тихий, неуверенный голос за моей спиной невольно заставил что-то внутри сжаться. Девочка Эви опасно, почти украдкой выглядывала из комнаты отдыха. Умытая, с собранными в тонкую косичку волосами и переодетая из дешёвого пёстрого платья в больничную робу, она выглядела намного лучше чем вчера, но её болезненные худоба и бледность теперь навязчиво бросались в глаза.

В таком виде она производила впечатление выздоравливающего пациента, которого буквально накануне вырвали из лап смерти. И, должно быть, именно это ощущение вдруг придало мне сил.

— Как ты, ребенок? — я не пожалел ей самой тёплой улыбки. — Освоилась тут? Как себя чувствуешь?

— Лучше! — оживилась Эви, быстро справившись с первой неловкостью. — Намного лучше! Тут так здорово! И кормят хорошо, намного вкуснее чем в борделе! И теплее чем там. Намного! И все такие добрые... Господин Эванс, простите, а я правда могу остаться здесь? Мне правда не нужно больше возвращаться на Роуз-стрит?

Последние слова звучали так, словно вырвались у неё сами собой помимо её воли. Осознав это, она испуганно потупила взор и отступила на полшага.

— Просто... просто Нэн говорит что я могла бы научиться помогать ей с больными... Это правда?... Или... Или что теперь со мной будет?

Я с трудом проглотил ком, подкативший к горлу. Выразительные ореховые глаза буквально умоляли: пожалуйста, сэр, скажите что всё это происходит на самом деле! Что все что наговорила старая сиделка — истина до последнего слова!

Скажите что этот кошмар закончился.

— Не волнуйся, — ответил я, уже понимая что встрял в это дело по самые уши. — Больше ты туда не вернёшься. Обещаю.

«Ну а город... я тоже изначально не планировала его рисовать, но он напросился сам. Мне кажется он сам по себе хмурый, этот городок, и его жители не видят как он бывает красив.»

Как точно она это сказала. Почувствовала. Провидела. До последнего слова, до последнего штриха.

Креймор и правда был красив, хотя заметить это было делом не из лёгких. В глаза бросались прежде всего не каменные фасады домов и не ажурные стены храма, а разруха и нищета, царящие вокруг.

Город был очень стар. Шутка ли, некогда давно, задолго до того о как Блэкланд, маленькое, но гордое королевство на границе с Драконьей Пустошью вошло в состав Империи и стало Блэкширом, Черным Графством, Креймор был ни много ни мало столицей этих земель.

А теперь над всеми объединёнными владениями возвышалась одна единая Столица. Забавно если задуматься: величайший из городов, созданный быть сердцем мира, даже не имеет собственного имени.

Мне, кстати, всегда казалось, что будь Столица человеком, то была бы она похожа на властную аристократку, прячущую под шелками и золотом тучное и больное тело. Ходить самой ей не под силу, и слуги носят её в паланкине, но вместе с тем она считает что ей всё дозволено и все обязаны. Дама эта прекрасно знает истинную себе цену, ровно как и многочисленные болезни, каждый день подтачивающие её изнутри, и это знание делает её капризной, эпатажной и подчас жестокой к своим приближённым. Служить такой тяжело, но выбора ни у кого теперь нет.

Креймор тоже походил на аристократа. Старого аристократа, давно пропившего остатки своего имения, щеголяющего в лохмотьях из погрызенного молью дорогого сукна и коротающего дни в обнимку с бутылкой под ностальгические байки о былом величии. Если взглянуть на такого человека вскользь, то можно принять его за простого забулдыгу. Ну а если присмотреться внимательнее, то станет ясно, что он вовсе не так прост как кажется: что за его плечами целая жизнь, опыт многих взлётов и падений; что он отнюдь не глуп, и остатки дворянской чести ещё при нём; и что орден за отвагу, который он пропивает сегодня, и в самом деле вручил ему лично лорд-регент за особые заслуги перед страной.

Но внимательно смотреть — это целая наука. До того ли нам всем в повседневной суете?...

Город был велик: он вгрызался в воды Бравонского озера десятками доков, стелился по склону бесчисленными зданиями, уходил в небо. Причём чем ниже кварталы спускались к берегу, тем больше они походили на трущобы. И наоборот: чем выше дома и улочки взбирались вверх по старой пологой горе, тем богаче и ухоженнее они становились. Венчал всё это, естественно, возвышавшийся надо всем крейморский замок, некогда — резиденция короля, а теперь — обитель герцога Блэкширского.

Я, конечно, понимал, что дело тут скорее в сырости, весеннем половодье и ценах на землю, но это не меняло того факта, что весь город буквально превращался в одну огромную метафору об общественном укладе. Не прибавить, не отнять.

...а ведь тогда, давно, в другой жизни, мой родной город тоже делился на Верхний,

Средний и Нижний. Интересно, у нас всё было так же? Я ведь ничего не помню. Да и чёрт подери, я был маленьким избалованным мальчишкой, которому не было до этого никакого дела. Что я мог понять тогда, даже если бы хотел?...

...а в самом деле, были ли мы лучше Империи? И у кого теперь спросить об этом?...

...на Шемблз-стрит, соседствующей с госпиталем Янсенса, всю идёт торговля. Слышится стук топора для разделки, чей-то басовитый смех, а с другого конца — шумная перепалка мясника и недовольного покупателя. Прохладно: улица идёт с запада на восток, дома нависают над мостовой, так что солнце здесь — редкий гость. Поэтому тут вечно сыро, и в каждой щели зеленеет вездесущий мох. Брусчатка так толком и не просохла после вчерашнего: влага скопилась в зазорах между камнями, очерчивая каждый словно ювелирная оправка. Коптильни благоухают душистым дымом. Ореховая щепка — ммм... заглянуть что-ли в лавку на обратном пути? К вечеру-то уж, наверное, будет готово.

С Шемблз можно свернуть улицу плотников, на которой расположились многочисленные мастерские и дома. Она шире, светлее, и здесь гуляет озорной ветерок с озера. Дыма больше не чувствуется, за то воздух наполняется запахом нагретой на солнце древесины. Мне по душе это место: тут обитают люди ремесла, родственные души.

В каждом подворье что-то пилят, строгают, сколачивают. Создают. Споро мелькают рубанки в руках подмастерий и стамески в умелых пальцах стариков. Все кто мог выбрались из мастерских чтоб насладиться погожим деньком и поработать на свежем воздухе. Даже совсем маленькие дети заняты, собирают стружку в большие мешки, которые их родители потом продадут в коптильни.

Здесь удивительно хорошо дышится. В отличии от Шемблз-стрит люди здесь не убивают, а творят. А любой творец, пусть и самый посредственный, по-особому отмечен богами. Есть в них нечто такое, невыразимое словами, светлое и могущественное, то к чему поневоле тянешься. Потому и места, где они селятся, становятся подобны им.

За улицей плотников — улица святого Филиппа. Здесь лавок нет, если не считать пекарню на перекрёстке с кварталом ткачей. За ткачами — старьёвщики и мелкие купцы, кто во что горазд. Одни — честнее, а кое-кто наверняка не брезгует и краденное сбывать — не угадаешь. Зато если бы мне вдруг пришлось искать кому бы то ни было подарок по особому случаю — я пришёл бы сюда ни минуты не сомневаясь. Кажется здесь можно найти вообще всё что душе угодно, на самый взыскательный вкус, вплоть до набора точёных шахмат, резного гребня из сандалового дерева или шара-головоломки из слоновой кости.

Отсюда можно вывернуть в переулочек кожевников и галантерейщиков. Так было бы короче, но я не могу найти в себе на это сил. Опасаюсь, что с таким трудом убаюканная тоска по тихому Нордвику и привычной любимой работе проснётся, и снова будет сводить меня с ума. И без того приходится нагружать себя сверх меры чтобы не думать о том, как сильно я хочу домой.

Поэтому иду в обход через жилые кварталы, где обитает в основном рабочий люд, а оттуда — на центральную дорогу. Она спускается вниз и вниз, в сторону порта, который виден отсюда во всей красе: вон там здание Бравонской судоходной гильдии, постоянный двор для матросов, что состоят там на службе, бесчисленные склады и амбары. Отсюда видно как к пирсу причаливает новая грузовая баржа, как работники порта суетятся, готовясь её встретить. У берега жизнь буквально кипит, но если посмотреть дальше, то Бравонское озеро поражает своим спокойствием. Даже многочисленные рыбацкие лодчёлки, казалось, не тревожат его умиротворения. Солнце отражается в нём как в зеркале,

а далёкий противоположный берег теряется в голубоватой дымке.

Вид захватывает дух, и мне жаль что рядом нет никого, кто был бы в состоянии оценить его. Да и кто, кроме неё, мог бы?...

...кроме неё. Светлые русые волосы, зелёное платье, хрупкая девичья фигура. Нереальный полуденный сон наяву. Я остановился от неожиданности, напоминая себе, что этого просто не может быть. Не может, но прошедшая мимо девушка настолько сильно походила на мою Бригги, что я растерянно смотрел ей вслед, пытаюсь осмыслить то, что вижу.

Она видно почувствовала это и обернулась. Нет, конечно не она. Иное лицо, иная фигура, и всё же чем-то мучительно похожа. Да что же это?... Я с силой заставил себя отвернуться и продолжить путь, а чудесное видение так и потерялось в толпе, всколыхнув на душе улёгшуюся было муть.

...вниз по склону шагалось легко. Чего не сказать о душе. Я не питал иллюзий о том что услышу на Роуз-стрит, и покуда не представлял себе как буду выкручиваться. Оставалось только надеяться, что хотя бы Зак сейчас скажет мне что-нибудь утешительное.

«Улыбка русалки» возвышалась над портом. Добротное каменное здание, от которого за три квартала разлило табаком и жареной рыбой. Хорошее место: не слишком дорогое, и в то же время не притон для всякого отребья, типа «Тихого омута». Мы с ребятами провели здесь первую ночь по прибытии, так что в своём добром отношении к «Улыбке» я был глубоко предвзят. Тёплая постель, вкусный ужин и вечер песен у большого камина теперь виделись мне настоящей роскошью.

Правда опять не обошлось без происшествий, и на сей раз их нам обеспечил Бонза. В «Русалку» в тот вечер занесло сразу двух менестрелей одновременно: нашего Зака и некого парня из Адалонии, Алехандро дэ Хокоссо, кажется. Один из уже изрядно подвыпивших друзей этого Алехандро утверждал, что тот — очень известный бард, что все собравшиеся должны преисполниться благодарности за снизошедшее на них счастье, и что петь сегодня будет он, а не какой-то матрос с неизвестной баржи.

Бонза, старый закадычный друг «какого-то матроса» и тоже не самый трезвый человек в зале, молчать не стал, и слово за слово ввязался в перепалку, очень быстро переросшую в мордобой.

И пока я, Вилл и более здравомыслящие сторонники второго барда тщетно пытались их растащить, оба музыканта преспокойно разговорились о музыке, лютнях и даже припомнили общих знакомых. В итоге остаток вечера Зак и Алехандро пели вместе, а Бонза, пусть и считал синяки да ссадины, но выглядел очень довольным собой. И я, дурак, про себя клял его за несдержанность, понятия не имея что всего через неделю жизни в Крейморе сам буду мечтать сломать кому-нибудь нос.

Старая дверь скрипнула, пропуская меня внутрь, в прокуренный полумрак. Едва я вступил в него, как часть моих страхов развеялась под перебор струн знакомой лютни.

Зак удобно расположился на одном из столов и неспешно распевал одну из тех песен, которую его постоянно просили сыграть на привалах после очередного дня пути, у костра или на постоялом дворе. Ему вторил многоголосый хор уставших матросов и завсегдатаев:

В бой идет герой отважный
Рушить мельницы и башни,
Вдаль идут, в чужие страны,

Их дорога нелегка
Их тела укрыли ели,
Замерзать среди метели,
Ну а мне милей дорога дурака.
Ну а мне милей дорога дурака.

По волнам скитальцев носит,
Что у моря счастья просят,
На волнах качает лодку
Тень их призрачно легка
Что их носит в эти дали,
Ведь давно грести устали?
Ну а мне милей дорога дурака.
Ну а мне милей дорога дурака.***

На вид Зак был жив-здоров и никуда не спешил, что обнадеживало. Разве что выглядел чуть мрачнее обычного, но не более того. Он заметил меня в толпе и коротко кивнул — мол, всё, я тебя заметил, закончу — подойду.

Я ответил ему тем же и отправился на поиски свободного угла, в котором можно было бы спокойно поесть и поговорить. Стоило только сесть — буквально из неоткуда появилась симпатичная девушка с дружелюбной улыбкой и извечным вопросом «принести ли чего-нибудь?». От чего бы нет? Эль для Зака, отвара из малинового листа — для меня, и чего-нибудь поесть, желательно мясного. Да, рыба вполне устроит. Уже неделю не ел рыбы, и даже соскучился.

Она кивнула и ушла, а я поймал себя на том, что только сейчас, в этом уютном углу меня наконец слегка попустило тяжёлое ощущение тревоги, не покидавшее последние дни. Возможно, это особая магия постоянных дворов: люди ведь не даром приходят сюда отдохнуть душою. А может я просто настолько устал, не знаю. Какая разница? В кои-то веки можно хоть минуту посидеть спокойно, слушая как Зак смакует последний куплет:

Там, где музыка и кубки
Где огонь, дымятся трубки,
На столах танцуют джигу
И твоя душа легка
Там в жару или в ненастье
Иногда приходит счастье,
Мне всегда милей дорога дурака.
Мне всегда милей дорога дурака...***

*(*** текст и оригинальное исполнение — The Dartz, по мотивам ирландских народных песен.)*

— Как он там? — спросил я едва мы покончили с приветствиями.

— Лихорадит его, — непривычно мрачно ответил Зак. — Это нормально?

— Как тебе сказать... По идее после такого ранения всегда лихорадит, даже если всё

сделано верно. Но вот есть осложнения или нет — нужно смотреть. Ты не видел, края раны не покраснели?

— Нет, я не смотрел, — признался Зак. — Замотался. Я как тебя проводил — вернулся и спать упал, а потом сразу сюда.

— А Вилл чего?

— На рассвете ушёл, через час вернулся мрачный. Говорит — старик цену ломит, а в порту парочка работяг вдруг стала подозрительно дружелюбна. То табачку им отсыпь, то за жизнь поговори...

— Соглядатаи?

— К гадалке не ходи! Боюсь, вечером нагрянут. Днём ещё, пожалуй, не рискнут, хоть и трущобы, да лишние глаза им всё одно не нужны — мало ли? Но как стемнеет...

— Скверно... есть мысли что делать?

— Ни одной. И у Вилла тоже пока нет, — Зак помедлил мгновение, словно бы ему было неловко спрашивать. — А у тебя?

Я подавил тяжёлый вздох и печально посмотрел в тарелку. Жареный карасик с золотистой хрустящей шкуркой выглядел так аппетитно, но в такие моменты от еды меня как правило воротит. Вот чёрт... ладно. Прихвачу с собой.

— Нет. У меня тоже ни одной. Зато есть арбалет и парочка самострелов. Как раз на троих хватит.

— А-а, глянулась девчужка? — маслянисто улыбнулся давешний тощий смотритель за товаром. — Так всё для вашего удовольствия, сэр! Обычно мы берём пятнадцать пенни за сутки, но для вас можем скинуть до десяти.

— Предположим, — терпеливо ответил я. — Девочка хорошая, правда здоровье оставляет желать лучшего. И давайте начистоту, уважаемый: нечего ей у вас делать.

Сутинёр пожал плечами.

— Начистоту так начистоту, сэр. Одна золотая гинея.

— Сколько?!

— Одна золотая гинея, сэр, — повторил он, продолжая всё так же омерзительно улыбаться. — Это сумма выкупа, с учётом долга её деда. Девочка же в уплату долга здесь. Но если вас настолько впечатлили её прелести, то....

— Слушай, ты! — я понял что делаю только когда схваченный за грудки хлыщ хрипло пискнул, вдавленный спиной в стену. Стоявшие рядом шлюхи испуганно взвизгнули и отпрянули в стороны. — Ещё один пошлый намёк — и я эту сумму выручу с твоих же потрохов у ближайшего алхимика. Какая, к чёрту, гинея?! Это за всю жизнь не отработаешь!

— Погодите! Не надо! — срываясь на фальцет просипел тощий. — Я всего лишь присматриваю за девочками, и ничего не решаю!

— Десять фунтов, — мрачно поправил низкий, чуть хрипловатый женский голос.

Я обернулся к заговорившей девушке и невольно ослабил хватку. Ну как «девушке»... судя по морщинкам на её лице, она как минимум лет на десять меня старше. Пышная копна рыжих волос уже была тронута сединой.

— Вернее — девять фунтов и семь шиллингов, — продолжила она. — Ровно столько задолжал дед Эвелины Костер. Верно, Гвидо?

Тощий мелко задрожал под моим требовательным взглядом

— Да... Девять фунтов... Но... Но это долг... а ещё содержание... и проценты... и... и прочее... отпустите! Не бейте! Я сам тут ничего не решаю, пожалуйста...

— Отпустите его! — с рвением попросила вторая девушка, блондинка помоложе. — Он правда не решает!

Я ослабил хватку. Молодец, что сказать... переговоры почти провалены.

— Хорошо. А кто тогда это решает?

— Проповедник! Проповедник решает! — скороговоркой протараторил Гвидо. — Симон «Проповедник»! Он — хозяин заведения, а мы тут все по его указу! Его в «Тихом Омуте» можно найти. Или тут, если вам повезёт: он иногда приходит проверить как идут дела, не каждый, правда, день, так что в «Омуте» оно будет вернее...

Он трясётся от страха, хотя я больше его не держу. Лицо выражает панику, зрачки в ужасе расширились.

Он боится меня.

«Как тебе это, а, скорняк из Нордвика? Это ведь и есть то, ради чего ты отправился в путь.»

— Ладно, мужик, успокойся. Я тебя понял, — примиряюще сказал я, ощущая укол стыда за несдержанность. — Поговорю с этим вашим Проповедником.

Гвидо вымученно улыбнулся.

— Ну попробуй, поговори! — усмехнулась рыжая девица. — Может сторгуетесь на что. А ты, кстати, чего так в неё вцепился? Родственник что ли?

— Какая разница? — отвечал я. — Она ещё ребёнок и ей здесь не место.

— Я тебя умоляю... — путана закатила глаза. — Слушай, дорогуша, если ты просто жалеешь девчонку, то завязывай. Мелкая сгущает краски по детской глупости. Это проходит. Привыкнет, освоится, смирится, а если не будет дурочку праздновать — то ещё и хорошо устроится. А продолжит реветь каждую ночь — так и сама виновата. Так ей и передай. И напомни, что стоило бы поблагодарить хозяев за кусок хлеба и крышу над головой. Её дедуле-то вообще было плевать что она ест и где спит.

— Торговать сытыми детьми в тепле, — холодно процедил я. — Смотрю, человечность у вас прямо-таки в чести!...

— А то! — ядовито парировала девица. — У нас её, чтоб ты знал, побольше чем в иных местах будет!

— Оно и видно, — бросил я, и сунул Гвидо в руки пригоршню монет. — Держи. Это за девочку, на три дня вперёд.

— Как скажете, сэр! — торговец удовольствиями приободрился и принял плату. — Только должен предупредить, Симону это будет не по нраву.

— Учту это, — ответил я и не оборачиваясь направился прочь.

Значит, мне нужен некий Симон «Проповедник» из «Тихого Омута». Местечка, которое стоило бы обходить стороной. Ожидаемо. И о чём я собрался с ним говорить, интересно? Судя по установленной сумме, кому-кому, а ему человечность точно чужда. Цену он вряд ли собьёт.

Может удастся сговорится на чём-то ещё?

Только не сегодня. Сначала — проспаться хорошенько, а то сейчас переговоры из меня так себе...

— Сыскался благодетель, — мрачно произнесла рыжая мне вслед. — Ненавижу таких.

— Почему? — равнодушно спросила её блондинистая подружка.

— А потому. Где был хоть один из них с десятков лет тому назад?...

Ответа растворился в уличном шуме.

Если он вообще был.

На подходе к госпиталю меня поймала давешняя сумасшедшая мамаша. Умоляла пустить её к её тяжело больному сыну, хватала за полу куртки, плакала навзрыд. Моего милосердия хватило лишь на то чтобы промолчать, пройти мимо и запереть ворота перед самым её носом.

Сам мальчишка, накормленный и едва ли не впервые в жизни нагулявшийся вволю, уже мирно спал.

А вот Эви нашлась в общей комнате. Когда я вошёл, она с живейшим интересом изучала записи мэтра Янсенса, которые тот одолжил мне в качестве учебного материала.

— Ну ты бы хоть ещё пару свечей зажгла, что ли? Глаза заболят читать в полумраке.

— Господин Эванс! — она встрепелась так, словно я застал её за воровством варенья. — Простите, я тут взяла посмотреть... почитать... Я ведь... Раз я остаюсь здесь, то я должна буду...

— Читай конечно! — одобрил я. — И даже не думай извиняться. Тем более раз знаешь грамоту.

— Знаю, — покраснела девочка. — Немного. Читать быстро не выходит...

— А, не переживай об этом! — я полез на полочку со снадобьями в поисках настойки дурмана. — Это придёт. Чем больше читаешь, тем быстрее это делаешь. Ты где этому научилась? В храмовой школе?

— Не-а. У нас на школу не было денег, — ответила Эви. — Но туда ходил один соседский мальчик, Филлип. Это он нам рассказывал и про буквы, и про счёт, и про всё на свете! Он был такой умный! Наверное его поэтому забрали учиться в семинарию, далеко. Жаль. С ним было очень интересно.

— Ну так! Учится всегда интересно, особенно тому что нравится. А если умеешь читать, то считай все дороги открыты. Только послушай доброго совета: читай лучше днём, когда светло. При свечах глаза устают, и от этого начинают хуже видеть. А зрение — штука нужная. Пригодиться ещё!

Так... дурман, уксус, бинт для перевязи, нити с иглой на всякий случай, спирт... оба ножа, чехол с самострелами, подорожные... Ох как я надеюсь что до этого дело не дойдёт...

— А вы куда-то уходите? — встревоженно спросила Эви.

— Да, — ответил я, более сосредоточенный на сборах. — Мне нужно помочь одному другу.

— Он болен?

— Да. Болен. За ним нужно присматривать пока лучше не станет.

— А-а... — растерянно протянула девочка. — Вы простите, просто... просто вы вообще спите когда-нибудь?

— Кроме как днём на столе? — я невольно прыснул со смеху. — Грешен, бывает иногда. Надеюсь и сегодня выйдет, если с моим другом всё нормально будет. А вот ты бы лучше ложилась спать пораньше. Выспаться хорошенько сейчас — твоё самое важное дело.

Да уж... спи, пока я ломаю голову над тем как избавить тебя от твоих хозяев. Ничего ведь ещё не кончено.

А я уже обещал.

Мэтр был занят как всегда, поэтому перед уходом я отчитался перед Нэн что вернусь утром. Та совсем по-бабушковски поворчала на меня в духе «спать надо по ночам, а не шарится неизвестно где», и сунула с собой кусок пирога.

Затем я на минуточку заглянул в конюшню, проведать Серого. Тот давно уже застоялся без дела, и смотрел осуждающе. Скармливая ему купленную на рынке морковь, я не мог отделаться от ощущения что просто откупаюсь от него день за днём.

«Почему мы тут застряли? — требовательно спрашивали его тёмные глаза. — Мне намного больше нравилось пастись где вздумается, а не стоять в тесном деннике день за днём! О чём ты вообще думаешь? Скоро наступят холода! Как ты собрался добираться до Драконьей Пустоши зимой? Ты ведь по сию пору не знаешь что там на самом деле!»

Этот вопрос тревожил меня всё сильнее и сильнее. Но просто взять и бросить всё я сейчас никак не мог.

— Так, Рэни, — я решительно уселся напротив собаки, так и пролежавшей без движения всё это время. — Слушай меня внимательно: вот это — самый настоящий говяжий рубец. Свежайший. И ты сейчас его съешь.

Кусок лакомства лёг прямо перед чёрным носом. Рэни не шелохнулась, только посмотрела на меня как на изверга.

— Ешь, я сказал, — настойчиво повторил я неизвестно зачем. — И только попробуй мне тут помереть от истощения!

— Ууууу... — жалобно проскулила собака, словно умоляя оставить её в покое.

— Да ладно тебе! — это вышло уже менее настойчиво. — Девочка, давай! Тебе нужно поесть. Не опускай лапы. Жизнь ведь продолжается!...

«Ты сейчас кого пытаешься убедить в этом, её или себя?»

«Её. Это ведь правда, со смертью хозяина жизнь не должна заканчиваться»

«Ну, со смертью Бригги она же закончилась, верно?»

«Это разные вещи.»

«Это похожие вещи. Хозяин был сердцем её мира, а Бригитта — сердцем твоего...»

«Она в смерти хозяина не повинна. И была с ним рядом до самого конца. В отличии от...»

— Это ваш пёс?

Этот голос застал меня врасплох.

— Нет, не мой. Это собака покойного советника Дэ Винтера. Добрый вечер, господин Харди.

— А-а! Тогда ясно откуда она у вас, — Роланд Харди совершенно по-свойски опустил на землю рядом со мной прежде чем я сам успел подняться на ноги для приветственного поклона. — Без обид, просто йормаркский водолаз — очень дорогая порода.

Он потрепал Рени по мохнатой макушке, а та — невероятно! — приподняла голову и неуверенно вильнула хвостом.

— Сказочно терпеливые звери! — с теплотой в голосе продолжил внезапный ночной гость. — Плавают хорошо, даже в ледяной воде, и зима им не страшна. Понятливые и преданные. Но вот охотники из них никудышные. Мой, например, в своё время гонялся за зайцами исключительно для того чтоб обнюхать и облизать.

— У вас собака такой же породы? — уточнил я, скорей из вежливости чем из любопытства.

— Была, — ответил он. — В детстве. Славные они. Жаль, что сейчас мне такая не ко двору, с моей-то службой.

— Действительно жаль. Рэни бы сейчас не помешали внимание и забота. Нам-то всем тут не до неё, своих дел хватает. Да и чем мы вообще можем ей помочь?

— Вообще-то можете, — насмешливо признёс Харди, почёсывая Рэни за ухом. — Например, приходите и разговаривать с ней. Просто гладить иногда, это много времени не занимает. Не гарантия, конечно, но может помочь. Ну и ещё, у вас не осталось случаев какой-нибудь вещи покойного?

— Разве что простыня на которой он умер, — задумался я. — Прачка придёт послезавтра, так что она лежит среди грязного белья. Только как теперь её найти в общей куче?

— Так ты и не найдёшь, — снова усмехнулся собеседник. — Ты ей принеси всё что есть — она найдёт, не ошибётся. Запах хозяина её успокоит, и поможет смирится с потерей.

— И ей от этого станет лучше?

— Шансы есть. Я сам за годы службы повидал десятка два вот таких вот осиротевших псов. Исход, конечно, бывал и не самый лучший, но поверь: простые забота и милосердие порой способны творить чудеса.

Я согласно кивнул, подумав про себя, что возможно этот странный человек на самом деле не так уж и плох.

— Итак... Гаррет, верно?

— Верно, сэр. Чем обязан вашему вниманию?

Харди скривился, словно только что раскусил нечто кислое.

— Во имя Императора, давай опустим всех этих официальных «сэров» и «господинов», хорошо? Просто «Роланда» будет вполне достаточно. Тем более есть у меня к тебе одно щекотливое дело, за которое ты будешь вправе послать меня не самыми вежливыми словами. Я даже пойму.

— Дело? — удивился я. — Ко мне?

— Да, — ответил он и впервые с начала разговора глянул в упор. — Дело не из приятных, однако я за ценой не постою, будь уверен.

— За ценой? — нечто тревожно заскреблось на душе. — Простите, сэра, но я не уверен что гожусь для сыскной работы.

— Ты — подмастерье мэтра Янсенса, — невозмутимо ответил Роланд. — Это факт известный и легко проверяемый.

— Если вам нужен целитель, то я бы советовал обратиться к Мэгги. Она...

— Нет, — Харди слегка подёрнул плечами и усмехнулся. — Дело не в целительстве. Мне нужен свой человек в городской библиотеке.

— В библиотеке?! — это было ещё более неожиданно, чем предложение поработать на правосудие. Я почему-то ожидал что он пошлёт меня в «Тихий Омут» или ещё куда похуже, но городская библиотека?...

— Да, ты не ослышался. В библиотеку. И ты подходишь на роль связного почти идеально: новый ученик известного в городе целителя по научению мэтра идёт приобщаться к мудрости предыдущих поколений. Лишних подозрений ни у кого не возникнет.

Я запоздало поймал себя на том, что пристально всматриваюсь в лицо Роланда в поисках подвоха. Слишком пристально для «простого работяги». Но отводить взгляд было уже поздно.

— И что такого неприятного нужно сделать в библиотеке?

— Присмотреть за человеком по имени Доминик Лемменс, — ответил Харди. — Чем он живёт, с кем общается, чем занимается в свободное время. Мне нужно знать о нём всё, что ты сможешь выведать. Абсолютно всё. Чем подробнее, тем лучше. И я готов платить за эти сведения. За более ценные, естественно, плата будет выше.

Видимо сомнение на моём лице читалось слишком отчётливо.

— Со своей стороны могу дать гарантию безопасности, — Харди смотрел испытующе. — И того, что оплата будет достойной, — усмешка. — Или, например, я могу помочь тебе решить твои проблемы с законом.

Холодок стал более ощутимым.

— С чего вы взяли что у меня они есть?

Роланд снова усмехнулся. Дружелюбно. Слишком дружелюбно.

— Гаррет, ты уж извини, но я не первый год на службе. Ремесленник, который вдруг ни с того ни с сего бросил семью и насиженное место чтобы сменить род деятельности — довольно странно, не находишь? Да ещё и здесь, в Блэкшире. Прибавь к этому твоё увечье. Если я не спрашиваю прямо, это не значит, что я не догадываюсь что может скрываться под повязкой. Отрезанное ухо? Каторжное клеймо? — снова усмешка. — Не напрягайся так, я простыми преступниками не занимаюсь. Более того, за оказанное содействие вполне могу подать ходатайство о снятии обвинений. И помогу начать новую жизнь, даже если за тобой тянется кровавая дорожка. Можешь спросить у Бэрдсли, которого оперировали сегодня утром, если не веришь мне.

— У меня нет проблем с законом, сэра, — упорствовал я.

— Предположим, — не стал спорить Роланд. — Но даже если так, то очень скоро они будут. У тебя же нет денег для выкупа девочки с Роуз-стрит?

Всё та же доброжелательная улыбка, которая, черт возьми, теперь пугает.

"Ни на что не соглашайся! Беги! Беги из города прочь! СЕЙЧАС! Он насквозь фальшивый со своей располагающей улыбкой. Он готовился к этому разговору, наводил справки, и только что припёр тебя к стенке! Всё точно рассчитал. Едва ли не напрямик заявил, где на самом деле несёт службу. Этот человек опасен! Очень опасен! Ты должен бросить всё: госпиталь, Бонзу, девчонку, и..."

— А вы можете как-то помочь? — спросил я вместо отказа, ощущая, как надежда заглушает голос страха.

— Могу, — ответил Роланд. — Сколько там за нее просят?

— Одну золотую гинею.

— Одну гинею? За неё? — вот теперь наконец и Роланда прошибло. — Симон что, сдурел? Он-то сам видел эту доходягу в глаза? Она же через год в их гадюшнике загноётся от чахотки!

— Именно, — отвечал я. — И денег они с нее не получают. А так у неё будет шанс прожить нормальную жизнь, так как ей бы хотелось. Её даже согласны оставить здесь в качестве сестры милосердия, вы ведь знаете наверное, охочих тут работать немного. Только бы уладить всё с её владельцами, чтоб не пришли силком тащить обратно. Они ведь придут.

— Придут, — подтвердил Роланд. — Это для них вопрос принципа. И дело будет не в девчонке, а в том что никто не смеет нарушать установленные ими правила. Однако... — он на секунду замолк, оценивающе смерив меня взглядом. — Однако, если ты поможешь мне, то я, определенно, смогу помочь тебе. Как тебе такой расклад?

Он протянул руку для пожатия.

Интересно, подумал я, эти перчатки из тонкой кожи — дань статусу? Или призваны скрыть от посторонних глаз круг и таинственные символы, как у покойного Норригтона?

«Беги.»

«Мне правда не нужно больше жить на Роуз-стрит? ...»

«Пожалуйста, возвращайся скорее. Я не знаю, как переживу эту проклятую неделю.»

«Так и быть: пошлю все дела дня на три и мы вместе сбежим в леса, в любую самую дремучую глушь....»

«Не волнуйся, больше ты туда не вернёшься.»

«Обещаешь?»

«Ты обещаешь? ...»

— По рукам, — ответил я, принимая рукопожатие. А за одно с большой вероятностью — подписывая себе приговор.

— Баи, вставай, — Вилл тряхнул меня за плечо. — Кто-то торчит в переулке, неподалёку от дома. Не подходит, но и не уходит. Возможно по нашу душу.

Я с трудом продрал глаза и поднялся на ноги. Расставаться с тёплым углом было тоскливо: не смотря на грязь и запах сырости, спалось безмятежно и сладко. И главное: ни одного проклятого сна! Уже этого было достаточно чтобы чувствовать себя намного лучше. Хотя я с большим удовольствием проспал бы так до самого рассвета.

Стало быть, пришли...

Пока Вилл расталкивал Зака, я наскоро осмотрел Бонзу. Тот тяжело дышал и метался во сне, но дурман своё дело сделал: мой приятель спал. Повязка немного сползла, обнажая

раскрасневшийся край раны. Что я сделал не так прошлой ночью? Что упустил? Может это всё-таки не сепсис? Может я наоборот, переборщил с промываниями?

Чёрт, только осложнений мне сейчас не хватало...

— Это ты, мой птенчик? — тепло скрипит голос старухи, стоит мне только выскользнуть из коморки. Интересно, она когда-нибудь вообще спит?...

— Да, это я, — дежурно отзываюсь я, уже усвоивший что если не подать голос — хозяйка не успокоится.

— Хорошо ли поспал? Не хочешь ли покушать? — заботливо спрашивает она.

— Да, всё хорошо. Не волнуйтесь! — отвечаю, и чувствую неловкость. Стариков должно чтить, так древние суры говорят, но обстоятельства не позволяют проявлять должное почтение.

Тем не менее, удовлетворённая ответом старуха ласково бубнит про клубнику со сливками, ждущую её воображаемого сына-внука-правнука на столе, но я уже не слушаю.

Покидать дом приходится через окно, выходящее на запад: с той стороны только иссохший кустарник да отвесный склон оврага, зато с улицы нас увидеть никак нельзя. Мы с Виллом ещё с вечера аккуратно вытащили раму, рассудив что так будет безопаснее.

Снаружи ночь. Сквозь облака время от времени проглядывает полная луна, и только благодаря ей можно разглядеть хоть что-то.

Осторожно выглядываю за угол, окидывая взглядом улицу и буквально на грани между «вижу» и «мерещиться» замечаю фигуру сидящего в тени человека.

— Нашёл, — говорю выбравшемуся следом Виллу. — Он всё ещё там.

— Соглядатай? — напряжённо уточняет Зак, оказавшись рядом с нами.

— Скорей всего.

— Что будем делать? — спрашиваю я, но с ответом никто не торопится.

Над мрачной узкой улочкой повисает тишина, от которой звенит в ушах. Кажется, что в воздухе до предела натянуты тончайшие серебряные струны: одно неверное движение, и они лопнут с оглушительным звоном, изранив в кровь всех без разбору.

— Он там что, спит? — тихо подал голос менестрель, первым не вынеся мучительного ожидания неизвестно чего.

— Или у него выдержка как у бывалого разведчика, — мрачно предположил Вилл. — Баи, пошли-ка проверим. Зак, прикрой нас. Без крайней необходимости не стреляй.

Закари получает на руки мой арбалет как самый дальнобойный, и залегает на крыше, за печной трубой. А мы с Виллом — в обход, через овраг, затем — безлюдными проулками. Очень тихо, медленно, двумя тенями, словно и впрямь пробираясь сквозь паутину невидимых нитей.

Поворот. Никого. Ещё поворот. Снова никого. И вновь, и вновь, и вновь. Только мы и человек в переулке. Вот том.

Близко.

Не дыша.

Вилл кивает мне, призывая быть готовым ко всему.

Киваю в ответ.

Готов.

Всматриваюсь в полумрак.

Старые доски, какой-то хлам.

Человек, притаившийся за ними.

Дернулся.

Заметил?!

Я схватился за рукоять ножа, уже готовый припереть недруга к стенке, но «соглядатай» издал громкий храпящий звук, и плавно сполз на землю, в бессознательной попытке устроится поудобнее.

Мы с Виллом в недоумении застыли. Что это? Хитрый маневр? Он хочет отвлечь внимание?

Словно в ответ моим мыслям послышался храп. Громкий и безмятежный.

Вилл осторожно приблизился к лежащему телу и грязно выругался.

— Сосед, — сообщил Вилл Заку когда мы вернулись в дом. — Пьяный в хламину. Буквально двух шагов до двери дома не дотянул, чтоб его...

— Больше никого нет? — нервно переспросил менестрель.

— Больше нет. И вот не знаю даже, радоваться или пугаться. Непонятно, чего не пришли-то? А мы сиди теперь, вздрагивай от каждого шороха.

— А может всё-таки пронесло? — с надеждой предположил Закари. — Может не знают они ничего? Может они давно рукой махнули, а мы просто три параноика?

— Может, — Вилл устало уставился на пламя свечи. — Хотя после утреннего допроса в порту верить с большим трудом.

Мы втроём тяжело замолкли, размышляя что теперь делать. Тишину нарушало только исполненное тревоги старческое бормотание. "Ты ли это, мой птенчик? Не ушибся ли гуляючи? Не проголодался ли?"

Объяснения не было. В самом деле, не дураки же они там, в этих бандах? Выяснить, кто где ночует — задача простая, и то, что Вилл с их пропажей был в дружбе, они, видать, тоже узнали, недолгое дело. Но вот чего не явились по бонзину душу — не ясно. Чего нам ожидать, что думать, к чему готовиться? Эх, знать бы наверняка...

— Вилл, ты знаешь как и где можно спрятать кое-какие вещи? — я в конце концов решил переключиться на более насущную проблему.

— Это какие?

— Трофейные ножи с самострелами, подорожные, папку с бумагами. Ну и «Матильду» за одно, а то случись что, она тоже много вопросов вызовет.

— Тут, в подполе зарыть и дело с концом, — устало отозвался Вилл.

— Тут оставлять опасно, — возразил я.

— Тащить куда-то — тоже так себе. Успокойся. Пока что зароем, а там — посмотрим, — Вилдор бросил в мою сторону красноречивый взгляд и обреченно вздохнул. — Ну ты даёшь! Как, скажи мне на милость, ты умудряешься всё время наткаться на «серых братьев» где только можно и нельзя? Дома, в таверне, в глухом лесу, у чёрта на рогах! Я начинаю думать, что у Всеволодыки на тебя зуб.

— А что я должен был делать? Отказаться и побежать куда глаза глядят? — огрызнулся я. — В этом случае вопросов было бы больше. Этот тип, прежде чем подойти, разузнал обо мне всё, что только могли поведать ему в госпитале, и буквально в пару реплик дал мне понять, что меня обложили со всех сторон. Единственное, что меня утешает: если бы он искал именно Баи Финча, то наш разговор был бы короче и однозначнее.

— Это да, но ты б всё одно не расслаблялся. Откуда тебе знать, может он и вещи твои уже изучил?

— Нет, это точно нет. В комнате всё время была Эви. Она говорила, что он заглядывал,

задавал вопросы, но обошлось без обыска. Но всё равно лучше спрятать лишнее от греха подальше. Простите вы оба, что втягиваю вас в это. Просто... просто я понятия не имею что теперь делать.

— Что делать, что делать... Успокойтесь! — Вилл покосился на понурого Зака, который был занят мучительной борьбой с подступающим сном. — Надеяться на лучшее, готовиться к худшему.

— А если будешь ещё нарываться на неприятности, я твой любимый арбалет продам барыгам в порту, — недовольно пробурчал менестрель. — Хватит с меня одного бедового друга.

— Слушай, иди-ка ты лучше спать, — вздохнул я. — Оба идите, мой черёд дежурить. А там — утро вечера, и всё такое.

— Да, птенчик, да! Поздно уже, надо спать! — эхом отозвалась старушка из своего угла.

— И то верно, — ответил Зак, поднимаясь из-за стола. — Давай тогда, спокойного остатка ночи. Разбудишь, как соберёшься уходить, хорошо?...

...До рассвета оставалось часа два. Луна уже опускалась к далёкому горизонту, и разглядеть что-либо становилось всё сложнее. Однако если подняться чуть выше по склону к которому прилегал наш домишко, можно было попасть в заросли шиповника, чудесно скрывающие наблюдателя от посторонних глаз. Зато я мог видеть любое шевеление в раскинувшейся внизу сетке улиц. Отсюда они казались широкими трещинами в земле.

Но никакого шевеления не было, сколько я ни ждал, сколько ни всматривался. Разве что тощие местные кошки изредка трусили по своим делам. Стоящая над трущобами тишина теперь казалась мягкой и убаюкивающей, и если бы не холод, я бы наверное сам всерьёз стал засыпать. Сидеть без движения столько времени — довольно зябко. Хорошо хоть я вовремя сообразил прихватить с собой остатки обеденной рыбы из «Улыбки русалки». На сытый желудок стало теплей и приятней, а за одно с тем усилилось ощущение, что мы попусту тратим время.

Ничего не понимаю.

Когда на востоке чётко проступила светлая полоска, возвещающая о нарождающимся восходе солнца, и первые окошки начали оживать огоньками свечей, я незаметно вернулся обратно в дом.

— Это ты, мой птенчик? — сонно простонала старуха.

— Это я. Спите уже, матушка, всё хорошо.

— Как погулял? Не замёрз ли?

— Замёрз, ещё как, — честно ответил я, наклоняясь чтобы разжечь огонь в очаге. Согреюсь, а заодно соображу какой-никакой завтрак. Кашу, пожалуй, да лучше пожиже, чтоб влить в нашего болящего товарища, а заодно и в беззубую бабу. Вот ведь пропасть, а как она тут вообще жила до появления Вилла? Соседи подкармливали?...

— Ничего — ничего, птенчик! Ты огонь разожги и согреешься! Огонь он на то человеком и приручен, чтоб служить и согревать. Огонь тебе друг.

— Да уж, хорош друг, — зло процедил я. — Столько всего в нём сгинуло... С такими друзьями никаких врагов не надо.

— А ты на огонь-то не сердчай, — хозяйка говорила тихим добрым тоном, будто утешая малого ребёнка. — Огонь — сам по себе, и нет в нём ни добра, ни зла. А какому делу он служит, доброму или злему — то не огонь решил, а сердце того, кто возжёт его.

Я вздохнул и промолчал, наблюдая как занимаются дрова. А что тут скажешь? Права

конечно, но мне от этого что-то не легче.

Огонь в очаге, ни добрый и не злой, облизывал днище котелка с водой. От него шло тепло, согревающее озябшие пальцы. Маленький ветхий домишко словно оживал в его отблесках, делаясь уютней чем есть.

Но почему-то при виде танцующих языков пламени перед глазами вставала иная картина, которую я не в силах был ни забыть, ни принять. Снова и снова и снова, в деталях и мельчайших подробностях. Память, которую я заглушал ежедневными делами, словно мстила за то, что я так долго не желал её слушать.

Бригги... как же так? Как же так вышло, что я опоздал? Не смог тебя ни вытащить, ни защитить. Что мы с тобой такого сделали, чем провинились перед богами, что те обошлись с нами так? Если б я только мог всё вернуть, если бы только знал, если бы, если! Почему я не настоял на переезде раньше? Почему не рискнул взять тебя с собой? Или почему не додумался уйти, исчезнуть, послушать людскую молву, твердившую, что ничего хорошего из этого не выйдет, что я только испорчу тебе жизнь?... Почему, ну почему я не сдался тогда? Почему решил насмерть стоять на своём? Ведь в конечном итоге все они — твой отец, мой наставник, матушка Финч, наши подмастерья, друзья и соседи, даже сам этот мерзавец Орф — все оказались правы. Если бы я только знал тогда. Если бы я только знал...

— Не плачь мой птенчик, — тихий скрипучий голос хозяйки дома нарушил тишину. — Не плачь о жестокости человеческой, мой милый. Люди... люди не всегда были таковы как нынче. Были другие времена, были другие люди. Могущественные, искусные, мудрые. Перед их ликом вечный холод, сковывавший мир, отступил, и на землю впервые пришла Весна. Великая Весна, заря времён. Много легенд родилось тогда, птенчик мой, когда мир был свеж и великие духи в обличи зверей ходили среди лесов и полей. Был среди тех духов один особо сильный и яростный, принимающий вид исполинской росомахи. И так могуч он был, что всякий враг в ужасе бежал от его лика. Возгордился тогда Росомаха и стал похвастаться, что никто в целом свете не сможет его одолеть, даже сам Сатак, Великий Змей живущий у корней Мирового Древа и пьющий...

— Росомаха? — машинально перебил её я. — Может всё-таки медоед, а не росомаха?

— ...пьющего его соки, — продолжила бабка, просто проигнорировав мой вопрос. — Услыхал Сатак дерзкие речи Росомахи и явился на зов. Три дня битва их была, и солнце померкло на небе от грохота её...

Ну точно, знаю я эту сказочку, мне её ещё нянюшка в детстве рассказывала. Видимо, это северная версия, медоеды-то тут не водятся, да и детям проще и понятнее если сказ пойдёт о звере из соседнего леса, а не о лысом барсуке пустынь. Вот уж не думал, что в Империи знают эту историю! Она и весь эпос, в который она входит, разве не запрещён Храмом как языческий пережиток? Но легенды не умирают. И это добрый знак.

— ... тогда извернулся Великий Змей и укусил Росомаху за переднюю лапу. Взревел Росомаха, рванулся. Зуб Сатаков обломился, да так и остался в той ране занозой. С тех пор долгие годы не знал Росомаха сна и покоя: одолела его бесконечная боль, от которой не было спасения, ибо змеиный клык источал яд. Безумным бродил могучий зверь по земле, разрушая в слепом гневě всё что встречал на своём пути. Много бед принёс он миру, много горя принесло его буйство. И страдал бы раненый дух и по сию пору, кабы не герой по имени Йоррин, вождь и воевода народа, жившего у берега моря...

Вот, точно, та самая сказка. Только в нашей версии звали его Яр-Миргали, и он был молодым эмиром. Несоответствия оригиналу немного коробили ухо, но я всё равно поймал

себя на том, что слышать эту старую детскую историю было приятно, пусть и тяжело: старуха говорила медленно, с большим трудом, растягивая слова и делая длинные паузы через каждые три-четыре слова.

— Прознал Йоррин про змеиный клык в лапе страшного зверя, и, желая спасти людей от ярости Росомахи, не утратился бросить тому вызов. Но герой знал, что силой ему не победить, и задумал пойти на хитрость...

Эх, в каше определённо не хватает соли или ну хоть каких-то пряных трав, но искать тут что одно, что другое — бесполезно. Жаль. Надо будет озаботиться и купить немного днём. А за одно яблоко помягче, для бабки. Как раз сейчас все такие, переспелые. Хотя угостить, а то уже и стыдно, право слово. Причём даже не перед ней.

Давным-давно, когда моё детство ещё было счастливым и беспечным, у меня было всё о чём я только мог пожелать. Всё, кроме одного: отцовского времени. У него всегда было множество дел поважнее чем я. И четверо старших сыновей, которых он в эти дела посвящал: брал с собой на советы, встречи и празднества. Куда уж мне было до наследника и его будущих советников? Приходилось довольствоваться малым. Теми редкими, но вожделенными мгновениями, когда отец вдруг опускал глаза вниз и обнаруживал, что его младшенькое чадо весь вечер упорно таскается за ним по саду, в отчаянном стремлении быть замеченным. Тогда он как правило улыбался, черты его смягчались, он усаживал меня рядом с собой так, чтобы мы могли смотреть друг на друга на равных, и терпеливо отвечал на мои детские вопросы в духе «зачем» и «почему».

А «почему?» у меня было бесконечное количество. И дело было даже не в том что я чего-то не знал и не понимал. Вокруг всегда было полно нянек и учителей, готовых ответить маленькому мне про что угодно в любых подробностях. Но уже тогда я стал замечать, что порой люди на один и тот же вопрос могут давать совершенно разные ответы. И чтоб разобраться в том кто прав, а кто нет, я всегда приходил к отцу. В пять лет казалось, что его суждения — непреложная истина, и именно он-то и знает, как оно всё на самом деле.

В один из таких вечеров я спросил, почему Нирава, старого и дряхлого слугу, который убирается в наших покоях, не отставят уже от службы? Он ведь ни на что уже не годен, плохо слышит, еле держит в руках метлу. После него всё равно приходится убирать заново. Толку от него нет, но он спит под нашей крышей, ест с нашего стола, а другие слуги тратят своё время заботясь о нём.

Улыбка отца исчезла, лицо стало строгим. Он потребовал сказать, сам ли я додумался до такого, или же слышал подобные речи от других? И я, в ужасе от того, что навлек на себя отцовский гнев, честно сознался, что так говорили меж собой мой старший брат Раилин со своим наперсником Хакимом несколько дней назад.

Отец немедля распорядился послать за обоими. Но если Хакима, юношу из свиты, отец просто отчитал и отпустил, то Раи и меня, собственных детей, он приговорил с рассвета до заката следующего дня отправляться в услужение к уборщику Нираву и заботиться о нём так, словно это наш собственный дед.

Раи готов был под землю провалиться от такого позора, даже не смотря на то, что всё происходящее должно было остаться за дверьми жилой части дворца. Отец конечно же повелел остальным слугам уйти, и вернуться только с наступлением ночи. Нирав едва ли узнал бы нас сам, но отец предупредил, что если Раи или я будем вести себя надменно и по хозяйски, старик всё поймёт. Так что нам надлежало ещё и быть скромными и услужливыми, как подобало бы слугам.

Брат произнёс только «как скажете, владыка», но лицо его при этом выражало ужас перед предстоящим наказанием.

Маленький я не разревался только из страха навлечь на свою голову ещё больше отцовского недовольства. Только спросил, за что так наказывать меня? Я ведь не знал что так говорить — плохо.

Отец ответил:

— Потому что это важный урок, который я хочу чтоб ты усвоил. Завтра вечером, после заката, ты придёшь ко мне и расскажешь о том, что ты узнал и понял, прислуживая старику. И мне очень важны будут твои ответы, так что помогай брату во всём, что он будет делать.

Даже не знаю, что больше поразило меня в тот день. Рассказы ли Нирава, охватывающие целую жизнь? Или то, с каким старанием он из последних сил пытался подметать полы, наотрез отказываясь от нашей помощи, словно бы это был главный смысл его существования? Или всё-таки тот неожиданный факт, что Раи, оказывается, умеет не только задирать нос, но ещё быть внимательным, готовить и выполнять работу которую обычно выполняли слуги?

— Сдал меня — теперь терпи, — ядовито сказал мне брат ближе к полднику, когда я пожаловался ему на то что устал. — К тому же по сравнению с посвящениями и паломничествами — это всё так, ерунда. Но ничего: года через два и твой черёд придёт учиться. Будешь ещё, зараза мелкая, скучать по этому дню...

После заката я предстал перед отцом в глубоком смятении.

— Это очень грустно, — подбирать слова давалось нелегко. — Он очень старенький, и слабый. У него нет детей или родственников. Но он много говорил о тех временах когда ты был маленьким... И про дедушку, какой он был... И он говорит так, словно мы и есть его семья! Хотя он просто слуга. А ведь мы...

...ведь мы, дети, ещё и глумились над ним. Этого сказать мне не хватило духу. Более того: я сам нередко выступал зачинщиком наших дурацких шуточек, и теперь мучительный, почти невыносимый стыд за собственные поступки сжигал меня изнутри.

— Что — «вы»? — требовательно спросил отец.

Помню как опустил глаза, не выдержав его взгляда.

— Мы не знали что он... что вот так...

— И что теперь скажешь? Прогнать ли мне со двора старого Нирава?

— Нет! — испуганно вскинулся маленький я, никак не ожидавший такого поворота. — Нет, пожалуйста, не надо!

— Почему? Ведь как слуга он уже не справляется со своей работой.

Меня захлестнули эмоции. Так много всего свалилось на мою беспечную детскую голову, что внутри всё разрывалось на части. Старый слуга всего за один день перевернул во мне всё вверх ногами.

Я его едва замечал, смеялся над ним, а он, оказывается, был тут задолго до рождения моего отца. Дед в молодости принял его на службу, избавив от участи бедняка. И он тихо и верно служил нашей семье всю свою жизнь.

Оказывается, старик всех нас знал и любил. Терпел. Прощал. Принимал такими какими мы были. И даже ничего не говорил отцу о наших порой жестоких шутках, как в своё время не говорил об отцовских — деду.

— Если мы его выгоним, то получится что мы его как будто бы предали, — я обнаружил что всё-таки реву, но мне было уже всё равно. — Пожалуйста, пусть остаётся! Он

ведь никому не мешает! Пусть дальше тут живёт, сколько захочет! Пусть другие слуги заботятся о нём! Я даже могу отдавать ему часть своего обеда, если нужно! Отец, ну пожалуйста!...

Из-за детской простоты и обилия впечатлений я всерьёз принял отцовский вопрос за чистую монету, и эмоции полились через край. Я искренне просил за старого слугу, рыдая словно младенец и уже представляя как отец рассердится на меня сейчас.

Но отец не рассердился. Вместо этого взял меня на руки и обнял.

— Всё хорошо, — сказал он, вновь смягчившись, как всегда, когда мы оставались наедине. — Я ни за что не прогоню Нирава, и никому не позволю поступить так. Ни с ним, ни с кем-либо ещё из тех за кого я в ответе.

— Правда-правда? — прохлюпал я, обнимая его за шею.

— Правда, — доверительно ответил отец, и в голос его вернулось прежнее тепло, принадлежащее только мне. — И я должен признать, ты сегодня очень порадовал меня.

Я даже отстранился чтоб понять, смеётся он надо мной или серьёзен?

— Да, ты, Баирон, сын Оуэна, — с показушной торжественностью произнёс отец. — Ты очень внимательный мальчик, и способен ставить себя на место другого. А это не всем дано: думаешь я впервые наказал Раилина подобным образом?

— Не впервые? — искренне удивился я. — Но почему он тогда до сих пор говорит такие вещи?

— Потому что он самый упрямый из вас, и ему очень тяжело признать свою неправоту. А вот ты это смог, и это уже очень многое говорит о тебе. Когда ты вступишь на путь обучения, я буду спокоен: тот, кто не боится признавать свои ошибки, всегда видит дальше и больше. И если ты сохранишь это в себе вместе со своей чуткостью, то в своё время станешь прекрасным советником, опорой своему брату и архимагу. А ему, поверь, очень нужен будет такой человек как ты.

Не знаю как на счёт Раилина, а мне отцовский урок пошёл явно на пользу. Именно с тех самых пор я впервые начал задумываться о том, чем живут другие люди. А ещё — стал пресекать попытки других детей издеваться над старым слугой, и Нирав обрёл, наконец, заслуженное спокойствие.

Не знаю, вышел бы из меня прекрасный советник или нет. Теперь и не узнать. Вместо этого я стал прекрасным скорняком. Сам выбрал ремесло, сам всего достиг, хотя изначально у меня не было ничего. Надеюсь, что если мёртвые и правда наблюдают за нами из-за Грани, отец не слишком стыдиться за меня. Надеюсь, но надежда эта слабая.

«Последний из Аль-Шалессов, всю жизнь проживший среди черни».

Нет. Нет никакого «последнего». И Аль-Шалессов больше не осталось. Нечего пятнать имена предков судьбой подмастерья-сироты. Тем более у меня есть своё, и оно мне очень дорого. И всё чего мне хотелось — это тихо прожить свою жизнь в окружении друзей и близких. Ни мести, ни престола, ни прочей чуши... чего я там должен хотеть? Просто тихой счастливой жизни.

Но видимо древние кланы и правда проклинали своих потомков особой судьбой.

— ...Йоррин ухватился обеими руками за зуб великого змея, и вырвал его из лапы поверженного Росомахи. Тот же час мука отступила от великого духа, и он освободился от безумия своего. Но жгучий яд стал стекать на израненные руки могучего героя, и тот не смог более удержать своего трофея. Измотанный битвой и раненый, уронил он змеиный клык в воды Великой Реки, что разделяет Мир Мёртвых и Мир Живых. И река приняла его в воды

свои. Так исцелился от безумия хвастливый дух, и люди спасены были от его гнева. Йоррин же воротился из мира духов к своему народу вместе со своей возлюбленной, возвещая великую победу. И на долгие годы в стране у моря воцарился покой.

Но клык сатаков не исчез, мой птенчик, нет! Так и остался он лежать на дне Великой Реки, капля за каплей отравляя её воды, а вслед за водами — весь мир. Так закончился золотой век начала времён. Мало помалу люди измельчали, жизнь их укоротилась, а огонь в сердцах превратился в тлеющие угли. Их потомки сделались жестоки, мелочны и лживы. Клык же по сию пору в той реке, по сию пору источает яд. Каплю за каплей, но капель этих с каждым годом всё прибывает. А сам Сатак, Великий Змей, год от года растёт всё больше и больше, и всё больше и больше сока из корней Мирового Древа выпивает он, чтобы насытить свой голод, приближая конец времён.

— Хм. Вот интересно: это после того случая повелось называть «дураками» всех, кто пытается хоть что-то сделать для других? — задумчиво спросил я.

— Это ты, мой птенчик? — словно очнулась хозяйка дома.

— Да, это я. Вы бы поспали, матушка.

— Сыт ли ты? Отдохнул ли? — обеспокоенная старушка с трудом попыталась сесть на своей широкой лавке, служившей ей постелью.

— Не волнуйтесь, всё хорошо, — я поставил на стол перед ней тарелку с готовой кашей. — Сами лучше поешьте, а то непонятно чем живы-то ещё.

— Вот и молодец, — умиротворённо отвечала бабка. — Там, на столе, клубника со сливками...

Я сунул ей в руки ложку, убедился, что она приступила к трапезе, и отправился будить Вилла с Заком.

— Кто?... — из темноты послышался слабый голос Бонзы.

— Свои, — ответил я, ставя свечу на табурет. — Ты как?

— Бывало и получше, — он вымученно улыбнулся, явно пытаясь выглядеть бодрее, чем есть. — Вот же твари, испортили своими ножами мою любимую татуировку... По-любому же теперь криво срастётся...

— Радуйся, что вообще срастётся, — недовольно проворчал я, приступая к перевязке. Снова прокрутил в голове все свои действия прошлой ночью. Вроде всё правильно сделал, перестраховался даже, но воспалилось-то почему? Может всё-таки это не я упустил что-то, а сырость и духота сделали своё дело?... — Тебе хоть немного лучше?

— Не знаю.

— А кто тогда знает?

— Не знаю. Ты например. Ты же вроде как целителем заделался.

— Нет дружище, это так не работает, — покачал головой я. — Тебе хуже или лучше чем вчера?

— Ещё не понял.

— Болит?

— Ты издеваешься?

— Как болит?

— В смысле «как»?

— Ну режущая боль или ноющая? Сильная или не очень?

— Боль и боль. Больная.

— Ясно. Спал как?

— Не помню.

— Слабость? Тошнота?

Бонза кивнул.

— Поесть сможешь?

— А надо?

— Желательно. Но если совсем уж муторно, то можно и позже.

— Когда станет лучше?

— Да, когда станет лучше.

— А когда станет лучше? — в слабом голосе моего приятеля всё-таки просквозило напряжение.

— Скоро, — ответил я, оставив при себе «будем надеяться».

— Ну, что думаешь? К чему готовиться? — мрачно спросил не выспавшийся Вилл, уже привычно помогая мне повязать на голову постылую повязку.

— Не знаю, — честно ответил я, стараясь говорить как можно тише. — Всё-таки воспалилось, так его разэдок... Попробую выяснить, что с этим делают, раз уж меня так кстати пускают в библиотеку. Вернусь ночью, принесу лекарств. Присматривайте за ним, повязку не трогайте и следите, чтоб он сам её не сбил. Если что будет не так, я или в госпитале, или в библиотеке.

Уже в дверях Бонза окликнул меня:

— Слышь, Бай... ты всё ещё собираешься в Блекберри? Ну это... потом.

— Да, собираюсь, — удивился я. — Не знаю правда теперь когда. А что такое?

Бонза на минутку замолк, а потом глухо произнёс:

— Да так. Ничего.

Толстенький бритый архивариус с нескрываемым недоверием изучал сопроводительную грамоту от мэтра Янсенса. Время от времени он переводил взгляд с бумаги на меня, а за тем — обратно, словно бы сравнивал оригинал с портретом: точно ли похож? Точно ли нет какой ошибки?

Однако чем дальше он читал, тем светлее становилось его лицо. В конце концов монах приветливо улыбнулся.

— Ну что ж, юноша, добро пожаловать в крейморскую библиотеку! Очень рад видеть в этих стенах грамотного человека, способного оценить собранные здесь сокровища по достоинству! — он развёл руками, словно извиняясь. — И прошу простить мне мою недоверчивость: в храм знаний не подобает пускать кого попало. Но поручительство мэтра Янсенса в корне меняет дело. Святой он человек, скажу я вам, хоть и мирянин...

— Это точно, — искренне согласился я. — И огромная удача, попасть к нему в ученики. Толстяк мудро улыбнулся.

— Мэтр Янсенс, насколько мне известно, берёт учеников не за удачливость.

— Тешу себя надеждой что это так, сэр.

Ещё одна улыбка, и широкий жест рукой, приглашающий проследовать в зал.

— Что же, прошу!

За стенами длинного каменного здания притаился совершенно иной мир. Толстые стены не допускали сюда уличных шумов, а через огромные окна лился свет. Он отражался от белого мраморного пола, от беленых стен, бросал свои отблески на потолок, расписанный лазурью под небесный свод. Тишина и освящение давали вкупе друг с другом ощущение божественного присутствия, в которое я бы даже поверил, если бы не знал как архитектор и оформители проделывают этот трюк. Впрочем, моё знание ничуть не умаляло ощущения великолепия от их работы. Даже наоборот: я по достоинству оценил и замысел, и выверенную высоту свода, и грамотное расположение окон, подбор цветов, лепнину и выбранные для росписи мотивы. Множество деталей, поставленных умелой рукой в правильные места создавали эффект, будто библиотека находится вне привычного мира с его суетой.

Достойная работа мастеров своего дела.

Полки с книгами располагались у стен, а столы и скамьи для чтения — ближе к центру длинного зала, так что в помещении не оставалось ни единого укромного закутка, где можно было бы укрыться от взора старшего библиотекаря. Посетителей почти не было, за исключением пары скриптографов, и... девушки. Девушки в зелёном платье и длинными светло-русыми локонами. Она бережно вытирала пыль с книжных полок, и, казалось, ничего вокруг не замечала.

Эй, я уже видел её. Это же она, та самая, полуденный сон наяву, случайно встреченный на улице! Что она здесь делает?...

— Полагаю, вы хотите взглянуть на записи святого Азария? — подал голос архивариус.

— Точно так.

— Тогда присаживайтесь, друг мой. Сейчас принесу.

Пока его не было я украдкой разглядывал приметную незнакомку. Та стояла у книжных

полок напротив окна, и солнечный свет обрамлял её хрупкий силуэт, делая похожей скорей на какое-то сказочное создание, чем на смертную женщину. Но поразительней всего было то, что каждое её движение, наклон головы, то как она постоянно убирала за ухо выбившуюся прядь волос — всё до последнего движения казалось мне таким... знакомым?

— Прошу, — сказал монах. Красивая увесистая книга легла на стол передо мной, и тут же была споро прикована к столу небольшой железной цепью. — Изучайте, переписывайте, но желательно завершить ваши дела к наступлению темноты. Епископ не одобряет использование свечей в это месте.

Я согласно кивнул, и архивариус оставил меня наедине с книгой, на которой я и пытался теперь сосредоточиться. Успокойся. Девушка просто похожа. У меня есть дела поважней.

Не смотря на внешний лоск, книг тут было явно меньше чем в моём уютном маленьком Нордвике. И были это в основном огромные тома, по старинке переписанные монахами от руки. У нас же, ближе к Столице, уж лет двадцать как правил бал книгопечатный дом Гутенберга и его последователей, сделавшие изготовление книг более дешёвым и быстрым. И, как следствие, книги стали более доступными: даже я смог завести себе пусть и крошечную, но библиотеку.

С другой стороны манускрипт лежавший передо мной на пюпитре, внушал почтительный трепет перед тем трудом, который был вложен в него создателями. Рукописный затейливый шрифт вместо привычных одинаковых наборных литер, вручную нарисованные иллюстрации вместо гравюр. Настоящее произведение искусства, которое страшно лишний раз трогать руками.

Вступительное наставление я прочёл скорей из уважения к автору, а за тем принялся искать что святой Азарий говорит про лечение воспалённых ран.

Так... чистота, чистота, и ещё раз чистота, пишет он. Никакого мёда, никакого молока, никакого навоза, ибо ранние теории о пользе образования гноя — ошибочны. Обработка винным уксусом, калёным железом... нет, калёное железо это точно лишнее. Промывание... Перевязка... Это я знаю. Я всё это сделал, но в чём-то всё-таки ошибся. Что делать если состояние ухудшилось? Чем помочь? Есть ли шансы?...

Мои размышления прервал хриплый вскрик:

— Брат Матеас! Зигфрид... Я... помоги...

За тем — грохот падающего тела и звон разбившейся об пол чернильницы.

Я вскочил с места, бросаясь к упавшему скриптографу, почти одновременно с приметной девушкой и полненьким монахом, занимавшим стол неподалеку от моего.

Упавший — тощий писец — вытянулся в струну в приступе судороги. Тёмные глаза его остекленело уставились в потолок, на разорванном рукаве старой рясы из грубого льна растекалось алое пятно.

— Опять!... — с явным раздражением произнёс его подоспевший товарищ. — Да что ж ты будешь делать, опять чернильница!..

— Что с ним? — спросил я в недоумении, в то время как неизвестная красавица бережно попыталась подsunуть под голову несчастному сложенный в несколько раз шерстяной платок, а за одно — испепелить второго монаха взглядом.

— Падучая болезнь, — ответил тот, привычным движением поворачивая своего сотоварища на бок, так что припадочный вновь оказался головой на голой мраморной плите, сводя на нет все труды заботливой незнакомки. — Не тревожьтесь, уважаемый, приступ

скоро пройдёт. Просто занимайтесь своим делом. Госпожа Йонге, прошу, отойдите от него!

Уходить я никуда не собирался. Госпожа Йонге, судя по всему, тоже.

— Он прикусил язык. Надо бы челюсть ему разжать.

— Нет-нет! Это только навредит ему ещё больше! — встревоженно сказала девушка.

Голос её оказался звонким и переливчатым. В другой ситуации я бы даже заслушался.

— Не беспокойтесь, обычно это проходит через пару минут, — заверил второй монах.

— Обычно? То есть это с беднягой постоянно?

— Не берите в голову, уважаемый. От имени ордена прошу у вас прощения. Мой бедный брат и без того отвлѣк вас от дела.

— Как я по вашему вернусь к этому делу теперь? — я требовательно посмотрел в упор, тщетно пытаюсь углядеть с чего этот бритый брат в рясе так ненавязчиво старается меня спровадить? Тот выглядел сконфуженно, будто только что получил замечание по поводу пятен от вина на белой рясе. — Такое ощущение, что вы его стыдитесь.

Обсуждаемый бедолага что-то прохрипел, и на тонких губах его выступила пена. Девушка судорожно всхлипнула. Лицо её было бледнее стены, но то как она держалась было достойно восхищения.

— Как можно! — притворно возмутился бритый брат. — Просто не к чему эта суета. Вы тут всё равно ничем не поможете.

— Я — ученик Йозефа Янсенса. Если вас смущает моё любопытство — простите. Не приходилось ещё сталкиваться с падучей болезнью.

— А-а! — неловкость сменилась пониманием. — Тогда это вы простите, но это не та болезнь которую можно исцелить. Она ниспослана Господом нашим и Императором моему брату во искупление грехов. Он придѣт в себя, исповедуется, его душа очистится, и ему станет лучше.

— У него кровь идѣт, — напомнил я.

— В самом деле? — спохватился собеседник. — Ох, милосердный Император... Видимо, порезался на останки чернильницы... Это не страшно.

— Это надо обработать.

— Мы справимся, нам не впервой. Госпожа Йонге, во имя Владыки, сколько раз ещё я должен просить вас не лезть во время припадка? И не касайтесь его руками, он же дал обет безбрачия!

— Да вы... Да как вы смеете?! — моментально вскипела девушка. — Вы же сами знаете, что во время приступа он ничего не помнит и не чувствует!

— Всё одно, почтенная Мелисса, это не подобает женщине, а тем более замужней.

При этом толстяк не смог таки сдержать голодного взгляда на глубокий вырез платья, но довольно быстро опомнился.

— Послушайте, а что это вы так истово отказываетесь от помощи? — вступился я за нас обоих.

Толстяк ответить не успел, нас прервал вскрик подоспевшего архивариуса.

— Ох, Владыка!... опять брат Доминик?

— Брат Доминик?! — невольно повторил я, словно громом поражѣнный.

Это он?! Это вот он самый и есть?! Харди что, ослеп? Или издевается? Он сам-то видел этого парня?...

Толстый библиотекарь осѣкся, словно вдруг сообразил, что взболтнул лишнего. Вторым монахом обречѣнно закатил глаза к потолку, видимо, поняв меня по-своему.

— Тише, не кричите же! Лучше так и быть, помогите перенести его в келью, раз уж вы не можете отступить от врачебной клятвы. Только ради Господа нашего и Императора, прошу вас, не распространяйтесь об этом в городе! Его Преосвященство приходит в ярость всякий раз когда в городе перебивают кости его старшему сыну.

Мелисса поднялась на ноги и сделала было шаг за нами вслед, но архивариус преградил ей дорогу.

— Куда?! Ещё чего не хватало, дочь моя! Нечего вам делать в чужой келье. Да и вообще здесь, час-то поздний! Шли бы вы домой. Не хватало ещё чтоб ваш муж снова появился сюда и опять устроил скандал...

Однако взгляд её я ощущал на себе до тех самых пор, пока мы не скрылись за поворотом коридора.

Когда конвульсии сошли на «нет», и несчастный брат Доминик расслабленно обмяк на жёсткой подстилке, заменявшей ему кровать, я с облегчением выдохнул сам. Передо мной лежал самый обычный человек, разве что тощий и слабый. Пугающее противоестественное напряжение исчезло, словно его и не было.

Да уж... Воистину, мир велик и полон как чудес, так и ужасных вещей, о которых лучше бы никогда и не знать. Про «падучую болезнь» я до этого дня даже не слышал никогда, а тут...

— Вы, конечно, понимаете, что произошедшее не стоит обсуждать с кем бы то ни было? — очередной раз напомнил второй монах, носивший громкое имя Зигфрид.

— Можете быть спокойны, у нас есть такое понятие как «врачебная этика», — ответил я, протирая руки тёмным травяным настоем, который нашёлся тут же, в келье. — Она напрямую запрещает трепаться без дела о недугах пациентов. Да и зачем? Хворь есть хворь, от разговоров она не проходит.

— Истинно так! — согласился толстяк. — Так что дерзну уповать на вашу осознанность, уважаемый! Нечего лишней раз, простите, выметать сор из храма. В конце-концов Всемогущий Император зачтёт вам это как великую добродетель.

Я кивнул и принялся за перевязку.

Поранился брат Доминик крайне неудачно: осколки чернильницы вонзились в плоть порвав ткань рясы, словно та была из ситца. Их, естественно, пришлось вытаскивать. Не критично, но очень неприятно. Причём я подозревал, что случилось это не по причине самого падения, а из-за того что этот увалень, Зигфрид, не глядя повернул бедолагу на бок, прямоком на эти осколки. А там уже судорога сделала своё дело.

Этот Зигфрид нравился мне всё меньше и меньше. Впрочем, видимо, как и я ему. Толстяк явно находил меня слишком навязчивым, а я его — слишком равнодушным. Вы же монахи, демоны вас раздери! Светлая сторона Храма. Вам сюда, в Креймор что, из Столицы добродетелей не завезли? Между прочим даже там она есть, хотя город порочнее на свете не сыскать.

И что это вообще за келья? Больше смахивает на чулан, чем на жилое помещение. Почему у сына епископа даже нормальной кровати нет? Что это за подстилка на полу? А деревянные чашка с кружкой в углу у стены? Он что по вашему, собака? А вы не перегнули ли палку с аскетичностью, уважаемые?

Очень хотелось спросить всё это у розовощёкого брата Зигфрида.

Но я сдержался, перейдя на более важную тему:

— И часто такое с ним?

В сравнении с остальным это было невинно и по делу, однако собеседник неожиданно ощетинился в ответ:

— Ваш вопрос неуместен, уважаемый.

— Почему вдруг?

— Потому что. Редко. Да. С ним такое редко! И вообще не пристало спрашивать о таких вещах!!

— При чём здесь пристало или не пристало? Я всё-таки ученик целителя, а не базарная бабка, и вопросы задаю для дела.

— Нет у вас тут никакого дела. Здравие нашего брата — это забота Храма, так что...

Его прервал осипший голос:

— Зиг. фрид...

Брат Доминик наконец подал признаки жизни.

— Я здесь, брат мой, — откликнулся Зигфрид.

— Отцу... не надо... пожалуйста... — почти шёпотом попросил болезный.

— Как я по-твоему должен умолчать об этом? — поинтересовался монах. — Тебе нужна помощь, брат.

— Не надо... отцу... — это звучало уже откровенно умоляюще.

— Тише, тише! Прибереги силы для покаяния! Брат Матеас уже послал за помощью, всё хорошо. Тебя отнесут в часовню. Исповедь, молитва, причастие — вот что тебе сейчас нужно. А епитимью, которую наложит Его Преосвященство, прими с радостью.

Глаза Доминика расширились от ужаса, так что я всерьёз испугался повторного приступа.

— То что ему сейчас нужно — это отдохнуть спокойно, и желательно не нервничать, — возразил я, ощущая внутреннюю потребность заступится за парня.

— Вы врачуете хвори телесные, а не духовные, — ответил Зигфрид. — И давайте каждый будет делать то дело, ради которого был поставлен Всемогущим Императором на место свое.

Так. Вдохнуть. Выдохнуть. Изобразить доброжелательность. Следить за собственным тоном.

— Я ни в коем случае не препятствую вам проводить нужные обряды, сэр. Я лишь советую отложить их исполнение на пару часов.

— Никогда не стоит откладывать исповедь и причастие, — так же притворно дружелюбно ответили мне. — А уж тем более такому, как мой бедный брат. Сейчас самый лучший момент. Император благоволит тем кто приходит к нему, преодолевая немощь. Многого прощается за такой подвиг.

— Император также призывает проявлять милосердие, — не отступал я. — А отдых и спокойствие — они при любых недугах первое дело. И физических, и душевных.

— Кстати о физических. Вы закончили? — в тоне брата Зигфрида стало сквозить неприкрытое недовольство.

— Почти.

Я напомнил себе, что ссориться не стоило бы, иначе рискую испортить дело.

Вдох. Выдох. Просто смолчать, это не так трудно. Просто обмотать чистым бинтом,

завязать последний узел...

Повезло что последний! Как раз в этот момент сухая длиннопалая рука брата Доминика легла мне на плечо, и тот с мучительным усилием сел на постели.

— Не надо ждать братьев, — сказал Доминик одновременно обречённо и решительно. — Я дойду... сам... Не нужно меня... нести...

Он попытался встать, пошатнулся и был тут же пойман расторопным Зигфридом.

— Вот! Другое дело! — одобрил тот. — Пойдём, брат мой. А вам — спасибо за участие, и не смею более отнимать у вас драгоценное время.

Я вышел из библиотеки на вечерние улицы храмового квартала. Вышел, и не сбавляя шагу направился к ближайшему стражнику, уточнить, где в этот час можно найти господина Харди?

Тот удивился, но допытываться кто я не стал, посоветовал наведаться в управу. Даже если Роланда на месте нет, то там скорей всего подскажут где искать.

В управе городской стражи мне сообщили, что Роланд ушёл с полчаса назад в ткацкий квартал. Там-де что-то этакое случилось, его, Ролонда, личного внимания требовавшее. А вы, собственно, кто? Связной? Ну если связной то идите, Роланд как правило всегда находит время для своих связных, даже если времени этого в обрез. К слову, раз вы туда направляетесь, то не передадите ли господину Харди кое-какие бумаги? Тут разрешение на обыск и на арест, ему там понадобится. Возьмёте? Вот спасибо! Тогда запоминайте адрес...

Ткацкий квартал сегодня был тише обычного. Людей на улице почти не было, лавки и мастерские в этот поздний час уже закрылись. Только в одном доме дверь была приоткрыта, а внутри горел свет сразу нескольких масляных ламп. В большом наборном окне-витрине я видел Роланда, говорившего о чём-то со стражей.

О чём я опять думал? Тревожное напряжение висело в воздухе, требуя развернуться и уйти восвояси пока не поздно, но я был слишком зол чтобы прислушаться к нему. Потому я и сделал этот опрометчивый шаг через порог, и, к тому моменту когда стоящий у дверей стражник произнёс «стой, гражданским сюда нельзя!», я уже увидел всё.

Всё. Кровь на полу. Много крови. Расчерченный этой кровью огромный круг и заполняющие его странные символы. Нагое изувеченное тело в центре этого круга. Останки молодого мужчины, немногим старше меня. Светло-русые волосы до плеч... точно. Я видел его живым, ещё позавчера. Одно из многих лиц ткацкого квартала, выхваченное памятью из общего потока. Впрочем, лица по сути у него больше не было. Как и правой руки и четырёх пальцев на левой. Как и сердца, грубо выравненного из груди. Как и...

— Эванс, ты очень не вовремя, — Роланд подошёл ко мне, заслоня собой чудовищное зрелище.

— Я уже понял, сэр, — ответил я, пытаясь не вдыхать тошнотворный запах засыхающей крови. И не смотреть на убитого по возможности. На слабость нервов я не жаловался, но у всего же есть предел...

— Что-то случилось?

— Вот, вам велели передать, — я сунул Харди бумаги из управы. Тот принял их не глядя, и прозорливо спросил:

— А что кроме бумаг? Есть чем порадовать, м?

— Нет сэр, — я невольно пошёл на попятную. — И моё пустяковое дело, пожалуй, может подождать.

— Зачем ждать, если дело пустяковое? — резонно спросил Роланд.

Я покосился на стоящего рядом стражника. Уместно ли при посторонних? Роланд поймал этот взгляд и обратился к тому парню что стоял у дверей:

— Луис, выйди и проследи чтобы сюда больше никто не вломился. Вы двое, — бросил он остальным. — Сделайте опись имущества на втором этаже.

Стражи безропотно повиновались.

— Ну так что? — настойчиво спросил Роланд, так что я невольно почувствовал себя на допросе.

— Зачем вам сведенья о Доминике Лемменсе? — спросил я собравшись с духом.

— Вот за этим! — Роланд отступил на шаг и обвёл рукой место преступления, давая мне рассмотреть его получше. Я меньше всего хотел этого, но отвести взгляда уже не смог. — Как по твоему, что здесь произошло?

— Убийство, — ответил я.

— Ритуальное убийство, — поправил Харди. — Ритуальное. Ангуса Месли не ради денег убили, и не за какие-то личные счёты. Убили просто ради того чтобы он, умирая медленно и мучительно, испытывал страдания и страх. Чем сильнее, тем лучше.

— Зачем?!

— Зачем?... Знакомься, Гаррэт: вот это называется «магия». То, за что стоит заживо сжигать на кострах и распинать на столбах у дороги. То, с чем Империя борется много веков подряд, но всё никак не может изжить. Этот несчастный в кругу умер в страшных муках просто потому, что некто отвёл ему роль полена, брошенного в очаг. Его истекающая жизнь напитала чьё-то колдовство.

— Зачем?... — тупо повторил я, не сводя глаз с омерзительного круга. Символы в нём казались знакомыми до дрожи.

— Этот вопрос стоило бы задать нашему колдуну, Гаррет, — отвечал Роланд, и голос его почти звенел от напряжения. — Колдуну, призвавшему себе в помощь самую отвратительную из сил. А те кто прибегают к ней — больше не в праве ни называться людьми, ни молить о милости. Никакого прощения, никакой пощады, пока прах их не смешается с золой и имена не будут стёрты со страниц Книги Жизни. А ты, — он бросил на меня пронзительный взгляд. — Ты поможешь мне найти того, кто это сделал, чтобы он ответил за всё десятикратно. Этот труп должен стать последним. Ты понял меня? Последним.

Я попытался подавить новый приступ тошноты. Успешно.

Магия. Чёртова магия и истинное её лицо. И как тебе это, а, Баи? Это и есть то, чего ты хочешь? Та сила которую ты ищешь? Та цена, которую ты готов заплатить?

Ты же знаешь. Ты помнишь. Помнишь юношу шестнадцати лет, заменившего тебе братьев, на которого ты равнялся когда был мал... Помнишь, как помутился его разум. И помнишь, как его рука выписывала те же символы чернилами на бумаге. Он составлял схемы, просчитывал... а потом...

Нет. Я не стану. Не стану! Не такой ценой...

— Я рад бы помочь, но как? Вы просили меня понаблюдать за братом Домиником. А какое отношение брат Доминик может иметь ко всему этому? Он болен и слаб. Вы видели как у него трясутся руки? В чём можно подозревать человека, которому едва хватает силы

оторвать себе кусок хлеба за обедом?

— Может быть и никакого, а может — самое прямое, — ответил Харди, и я снова отметил нездоровый блеск в его глазах. — Чтобы с точностью исключить одно или другое, мне нужны доказательства. А тебе совет: никогда не позволяй чьему-то невинному виду сбить тебя с толку. Чем тише омут — тем жирнее в нём черти.

Я ответил не сразу, с трудом продохнув через подкативший к горлу ком.

— Это звучит как полный бред.

— Знаю, — ответил Харди. — Считаю, что я хочу просто в этом убедиться. Но учти, доказательства должны быть такими, чтоб я безоговорочно в них поверил. Постарайся уж. Будет очень печально если бедная Эви вернётся в бордель, верно?...

— Мэтр, что вы думаете на счёт «падучей болезни»?

На лице склонившегося над ретортами наставника появилась горькая улыбка.

— Что, вам довелось свести знакомство с братом Домеником?

— Точно так.

— И что? Как он себя чувствует?

Я подробно описал мэтру приступ и всё произошедшее в библиотеке.

— Мне не очень понравился их способ лечения. Парню стоило бы отдохнуть после такого как следует, а не тащится на исповедь едва переставляя ноги.

Янсенс вздохнул.

— Бесполезно. Я им говорил, повторял не один раз, но по сию пору не был услышан.

— То есть вы знаете его случай? И что это такое? Вы ведь не считаете что это божественная кара за грехи, верно?

— Я вас умоляю, за какие грехи? — нахмурился Янсенс. — Доминик страдал от этого недуга с раннего детства. То есть с той поры, когда ни о каких грехах и речи быть не могло. Его постригли в монахи едва ему исполнилось пять лет. Всю жизнь вменяли то, что им овладевают злые духи, а душа его несёт в себе скрытый порок. Всё его детство и юность проходили в молитвах, постах, аскезах и всенощных бдениях, но не больно-то это всё помогло. Грехи... Пару комаров убил за всю свою жизнь — вот и все его грехи. Зато благодаря нему я теперь уверен, что болезнь эта имеет скорее физическую природу, нежели духовную. Если бы она была духовной, то её замолили бы лет двадцать назад.

— А отчего тогда происходят приступы?

— Это пока неизвестно. Мы ведь очень мало знаем о человеческом теле. У наших власть имеющих даже подходящего трупа для анатомического театра не допросишься, а уж заглянуть как всё в живом человеке происходит и вовсе невозможно. Но вот что я знаю точно, так это то, что почти все болезни усугубляются из-за излишних переживаний. Постоянное напряжение и усталость могут пошатнуть здоровье даже самого крепкого человека. Что уже говорить о бедном Доминике, которому каждый приступ ставят в вину?

— Меня, если честно, поразило такое отношение к нему, — сознался я. — И я не понимаю, за что? Неужели так сложно было сказать парню хоть одно доброе слово или дать полежать с полчаса?

— А тут всё просто, — сказал Янсенс, и тон его стал отстранённым, какой обычно бывает у людей пытающихся отделиться от собственного негодования. — Когда Доминик был

ребёнком, его, естественно, никто не мог заподозрить в особой греховности. И в народе стали поговаривать, что падучая болезнь поразила первенца Его Преосвященства за грехи отца. Можешь себе представить, какой это был удар по репутации?

— Могу.

— При этом, справедливости ради, нужно сказать что Франц Лемменс со своими обязанностями справляется прекрасно. Человек он образованный, интереснейший собеседник и широкой души человек. Он разумно руководит храмом, много жертвует на благотворительность, помогает людям, даже несколько раз добивался помилования для обвиняемых в ереси. К своим подчинённым он требователен, и держит все дела в храме железной хваткой. Никаких послаблений для тех кто служит Императору, и не важно, храмовник ты или инквизитор. «Нечего пятнать имя Всемогущего недостойным поведением», как он говорит. И естественно, самые высокие требования он выставляет собственной семье. Мы говорили с ним на эту тему ни раз и ни два, но, к сожалению, Его Преосвященство всерьёз считает, что болезнь имеет божественное происхождение. Самая сомневаюсь в этом, но уверен, что покой и доброжелательность вполне могли бы облегчить дело. Но и того и другого у Доминика нет.

Мэтр замолк на секунду, что-то взвешивая для себя, и спросил:

— Это как-то связано с делом в которое вас впутал Роланд?

Я кивнул. Янсенс нахмурился.

— Что ж, надеюсь, брату Доминику ничего не угрожает. Его жизнь и без того весьма прискорбна, а сам он — человек робкий и безобидный. Мне кажется он заслужил хоть немного покоя и понимания.

Забутые Боги, как всё же приятно когда с тобой кто-то согласен...

— Мэтр, можно ещё кое-что спросить?

— Я весь внимание, — отозвался тот. Простая вежливость, ибо внимание его в большей степени принадлежало перегонному кубу.

— Как можно вылечить сепсис?

Янсенс неодобрительно посмотрел на меня и нахмурился.

— В какой стадии?

— Покраснение, горячка, лихорадка.

— Гной?

— Вчера вроде не было, но я не уверен.

— Причина?

— Ранение.

— Кто-то из «Тихого Омута»? — с невесёлой усмешкой предположил мой наставник. В его глазах полыхнул характерный огонёк: мол, догадываюсь я о чём ты мне недоговариваешь.

— С чего вы взяли?

— А откуда бы ещё? Гаррэт, не считайте меня за дурака. И помяните моё слово: зря вы связались с бандитами. Цену на девочку вам не сбавят, зато вы до конца жизни будете у них на побегушках.

Неожиданно для себя я ощутил острый укол обиды, словно распоследний мальчишка. Потому, наверное, и выложил всё как есть:

— Нет, сэр, это не то что вы подумали. Я даже не говорил ещё с этим их Проповедником, который вроде как главный над борделями. Дело в другом: у меня есть один

приятель, отличный малый, только бедовый и не в ладах с законом. Мы с ним спина к спине от разбойников отбивались когда плыли сюда, хлеб и кров делили. А теперь он ранен, и довольно тяжело. Там всё покраснело, и выглядит довольно скверно. Возможно, я сделал что-то не так, и мне не хватает знаний понять, что делать теперь?

— А кто и как его ранил? — уточнил мой наставник. — Пьяная драка? Нож?

— Да, ножом пырнули в бок, довольно глубоко. И были это как раз ребята из того самого “Омута”, будь он неладен. Говорю же, бедовый он парень, недели в городе не пробыл как сразу нажил себе врагов.

— Если речь идёт о местных бандах, то можете начинать молиться о чуде, — мрачно ответил мэтр. — Подобные господа вряд ли протирают клинки уксусом после каждого использования, и не исключено что специально. Кое-кто, если верить слухам, и вовсе додумался смазывать лезвие смесью крови и навоза, а это, считай, пропащее дело. Так что обнадёжить мне вас нечем.

Пара мучительных секунд потребовалась мне чтоб продохнуть через подкативший к горлу ком.

— Совсем нечем?

— Увы, — покачал головой мэтр. — И если уж вы действительно решили стать целителем, привыкайте трезво и холодно смотреть на вещи. Но сдаваться сразу тоже не стоит: возьмите в шкафчике мазь на основе дёгтя и кору дуба. Кору надо варить около двадцати минут, затем дать настояться полчаса, и промывать не разбавляя. Процедить только не забудьте. За одним попробуйте настой тысячелистника, календулы и ромашки внутренне. Всё это может облегчить дело, если рана не слишком глубокая. Но гарантий нет. Это вам не алхимические эликсиры.

Я с благодарностью принялся добывать из ящичков всё перечисленное.

...мало шансов, говорите? Такое только алхимикам подвластно? Интересно, что сказал бы об этом мальчик по имени Арчи? И где он сейчас?...

— Спасибо, мэтр.

— Идите, Гаррет. Только помните, с рассветом я жду вас обратно, так что ради собственного блага найдите время хоть немного поспать.

— Постараюсь. Доброй ночи, мэтр.

Я вышел за дверь в пустующий коридор. Медлить было некогда: Бонза наверняка уже с ума сходит от боли, костеря меня на чём свет стоит. Потому я и не стал проверять, действительно ли видел юркнувшую за угол субтильную тень с длинной косичкой, или мне просто показалось?

Хотелось бы верить в последнее, но с моим везением рассчитывать на это не приходилось.

Когда я вошёл, неиземную тишину библиотеки нарушал негромкий разговор. Брат Доминик в своей нелепой робе ссутулился за книжным столом, а напротив него стоял статный, добротнo одетый молодой человек. Никаких знаков различия на нём не было, но бело-голубой плащ, широта плечей и характерная горделивая выправка выдавали в нём храмового паладина.

— ...ждали твой отряд неделю назад, — с нескрываемой радостью говорил монах. — Я уже начал опасаться худшего. Ради Императора скажи мне, что с вами случилось?

— Прости братец что напугал, — отвечал паладин, и отвечал вполне тепло. — Дело вышло сложнее чем нам донесли. Три чудовища с болот на проверку оказались гулями.

— Гулями?

— Да. Да не трясись! Для отряда три гуля — это плёвое дело. А вот местных они потрепали что надо, загрызли пятерых человек, ещё трое чудом отбились. А вот скотине в обоих хуторах повезло меньше. Гусей и кур перегрызли подчистую, свиньям с козами тоже досталось. Но как почуяли нас — так и скрылись в болотах, ищи-свищи. Двоих нашли, третий — вернулся на хутор, напал на местного знахаря и удрал.

— И что со знахарем?

— Не знаю. Ранен был тяжело, да и трупный яд... Мы помогли чем смогли, но мы ж не всеильны...

— А колдун? Колдуна не нашли?

— Нет. Оба окрестных села поставили на уши, всё без толку. Взяли кое-кого по подозрению в язычестве, но некромантией там и не пахнет. Так что эти, похоже, приползли с Пустоши. Блеск, нечего сказать: пограничные патрули облажались, а я из-за них неделю по топям скакал. Потому сразу и не заглянул — отсыпался. А ты сам-то тут как?

— Я замечательно, — отвечал брат Доминик таким понурым тоном, что верилось ему с трудом. — Благодарение Господу нашему и Императору за милость его, и братьям — за их терпение. Последний приступ настиг меня вчера ближе к вечеру, так что я надеялся завтра попасть всё-таки на мессу, и....

— Эм... На счёт мессы, — паладин немного замялся, подбирая слова. — Я хотел бы тебя попросить не приходить завтра.

— Но... но почему? — едва не задохнулся Доминик. — Говорю же, вчера был приступ, братья могут тебе подтвердить! Следующий как правило приходит дня через три-четыре! Отец не может...

— Может. Прости, Доми, но он может, — ответил паладин. — И даже отдал распоряжение убрать тебя из зала если вздумаешь явиться. Потому прошу, просто останься завтра в келье, хорошо? Для твоего же блага. Для общего блага. Так будет лучше для всех. Понимаешь?

— Как скажешь, — опустил голову монах.

Между братьями повисло тяжёлое молчание, которое первым не вынес самоотверженный покоритель болот.

— Ладно, мне нужно идти, — сказал он. — А ты давай, не унывай мне тут, хорошо? Я загляну проведать тебя на неделе.

Затем паладин развернулся на каблуках и быстрым шагом пронёсся мимо моего стола, да с такой скоростью, что поднятый им ветер перевернул в записях святого Азария несколько страниц. А Доминик так и остался в своём углу, бессмысленно вращая в руках писчее перо. Затем встал и понуро побрёл на выход.

Когда спустя час я сам вышел наружу, он всё ещё сидел на скамье у стены и апатично наблюдал за жизнью по ту сторону кованой ограды. Людей на храмовой улице было полно: одни устало спешили домой, время других наоборот, только начиналось. Почти у самой решётки стояла разношёрстная стайка прихожанок, которые помогали с уборкой в храме. Женщины, по-видимому, изначально собирались расходиться по домам, но невзначай увлеклись беседой.

Была там и госпожа Йонге, выделяясь на фоне остальных словно роза среди ромашек. И брат Доминик безотрывно смотрел на неё со странной тоской в глазах.

— Вот скажите мне, почему люди вокруг вас ведут себя как распоследние скоты, а стыдно за это мне? — спросил я подойдя поближе.

Понурый монах встрепенулся, словно пытаюсь поверить, что обращаются к нему.

— Скоты? Я... Они... В каком смысле?

— Да в прямом. Я всего второй день здесь, а у меня уже уйма вопросов к вашим братьям по вере. Например, с удовольствием подискутировал бы с ними о милосердии и заповедях. Очень интересно послушать насколько их слова будут разниться с делом.

Брат Доминик удивлённо распахнул глаза, а за тем, словно что-то вспомнив, просиял лицом.

— Ох, верно... это же вы вчера помогли брату Зигфриду, уважаемый... эммм...

— Эванс. Гаррет Эванс.

— Мистер Эванс, — брат Доминик с явной неловкостью склонил голову. — Я... я ведь вас поблагодарил вчера? Или... или нет? Я очень плохо помню прошлый вечер. Простите что отвлек вас от книги. Право слово, мне совестно что так вышло...

Этот тощий человек явно чувствовал себя неловко, избегая взгляда в глаза, но говорил в то же время с какой-то трогательной искренностью. Я, всегда нутром чуявший такие вещи, так и не понял чего он на самом деле хочет: поговорить или провалиться сквозь землю?

— Вам абсолютно не за что извиняться. Надеюсь, сегодня вам лучше?

— Благодарение Господу нашему и Императору, — ответил монах, молитвенно сложив руки.

— А порез как?

— Порез? — Доминик на мгновение застыл, словно пытаюсь понять о чём речь. — Ах, точно! Заживает, не болит! Если честно, то я уже и забыл о нём.

— Серьёзно? Так быстро?

— Его Преосвященство милостиво прислал хорошее лекарство, — стушевался Доминик.

— Коли так — то хорошо, — я одобрительно улыбнулся ему. — К слову, мэтр Янсенс просил передать вам привет от него и справиться о вашем здоровье.

— Мэтр Янсенс? — Доминик моментально просиял лицом, словно мэтр Янсенс жил не на соседней улице, а как минимум на другом конце империи, и много лет не подавал никаких весточек о себе. — Непременно передайте ему ответный! И заверьте, что милостью Господа нашего и Императора ваш покорный слуга жив и способен держать перо в руках. А это немало.

— Перо в руках — это почти полдела, — согласился я, про себя сетуя что сам не от

чистого сердца это спрашиваю. — А как ваша работа? Над чем нынче трудитесь?

— С неделю назад закончил переписывать «Книгу Восхождения», — охотно поведал Доминик. — А теперь взялся за молитвослов. Хочу немного отдохнуть от толстых книг и сделать подарок отц... Его Преосвященству.

И доверительно протянул мне небольшую книжицу, которую так и держал в руках.

Внимание к развороту страниц моментально приковывали узорная литера и миниатюры на полях. Пусть и дрожащая, но рука мастера своего дела вывела их, чётточку за чётточкой. Миниатюры эти не были похожи на привычную мне реалистичную манеру, в которой писала свои картины моя милая Бригги, но это не делало их хуже, наоборот! Было в них что-то простое и нарочито наивное, но при этом я с удивлением обнаружил, что иллюстрации на полях рассказывают мне какие-то совершенно невероятные, захватывающие истории.

— Работа великолепная, — искренне похвалил я, бережно перелистывая страницу за страницей. — Почерк аккуратный, сам по себе словно произведение искусства. Буквицы и миниатюры тоже ваши?

— Мои, — кивнул монах.

— Вот это да... Это ведь такая кропотливая работа. У меня, пожалуй, не хватило бы терпения.

— Что вы... Переписывать манускрипты не так тяжело и медленно как кажется поначалу, — ответил Доминик. — В юности я сам полагал что это ужасное занятие. А потом понял что ошибался. Это вовсе не медленно. Главное — начать. Сказать по правде я не представляю себе дела более умиротворяющего и благородного, нежели это.

— А я даже соглашусь с вами, — я завороченно листал страницу за страницей, и вся неловкость моментально куда-то улетучилась. — А как приступы? Не участились? Самочувствие после у вас как?

— Ну, немного чаще стали, — печально признал Доминик. — А по пробуждению всё так же, словно выпил слишком много вина. Но молитва, знаете, творит чудеса! От неё и на сердце радостнее, и телу лучше.

— И всё-таки не бежали бы вы на исповедь сразу после припадка. Мэтр просил напомнить, что стоит меньше нервничать и больше гулять на свежем воздухе. И, по возможности, больше отдыхать.

— Передайте, что я помню про его совет, — немного поник монах. — Но так будет только хуже, поверьте. Я и без того несу на себе тяжёлое бремя порока. К тому же молитва как ничто утешает в трудный час и очищает душу от скверны. После неё правда становится легче!

— Как знаете. Моё дело передать.

Доминик кивнул, принял молитвослов и бросил последний взгляд в сторону Меллисы, звонко смеющейся над шутками подруг. Взгляд этот был настолько красноречив, что я понял всё почти моментально. Да уж. Прискорбно. Это побезнадёжнее будет, чем старая как мир разница в сословиях.

Как и в тот раз, когда я случайно увидел её на улице, она почувствовала взгляд, обернулась в нашу сторону и нежно улыбнулась. Не мне. Ему. И от этого на душе вдруг заскреблось что-то тоскливое.

— Что ж... — Доминик немного приободрился и встал на ноги. — Пойду и в самом деле попробую ещё поработать. Спасибо вам за добрые слова, мистер Эванс. Доброй ночи, и пусть благословение нашего всемогущего Повелителя прибудет с вами!

— Спасибо. Удачи вам в ваших трудах! — ответил я, и направился прочь.

Доброй ночи... ах если бы! Вместо сна я сейчас зайду в госпиталь, а затем вновь побегу в трущобы с новыми порциями дурмана и отчаянной надежды на чудо. Чудо же пока не спешило приходить, даже наоборот: состояние Бонзы существенно ухудшилось, и я чем дальше тем меньше понимал что должен делать.

Впрочем, мэтр грозился снабдить меня кое-чем посильнее коры дуба и раствора уксуса. Как же всё-таки хорошо что я рассказал ему в чём дело. Без его совета что бы я вообще смог?

...

— Гаррет, постойте! — мягкий голос заставил меня вздрогнуть. В несколько лёгких невесомых шагов Мелисса догнала меня и улыбнулась. Едва-едва, немного смущённо, слегка прищурив глаза, и улыбка эта настолько походила на ту, которую я любил больше всего на свете, что я замер не в силах сделать и шага.

— Вы ведь сейчас возвращаетесь в лазарет, верно? — спросила она.

— Да, да. Туда, — бестолково ответил я, пытаясь прийти в себя. Об «перестать пялиться» речи вообще не шло.

— Я могу составить вам компанию? Мне нужно на Шемблз-Стрит, купить кое-что к ужину.

— Буду рад, — ответ вырвался прежде чем я успел его осознать.

Улыбка становится более открытой и счастливой. А я неожиданно ощущаю как меня словно отпустила невидимая хватка, которой я раньше не замечал. И что именно этого мне и хотелось всё это время: прогуляться в её компании и видеть эту улыбку.

— Вы ведь недавно у нас в городе? — спрашивает она, немного склонив голову.

— Да, так и есть, — я стараюсь говорить коротко и непринуждённо, на самом деле ощущая странное, почти мальчишеское волнение.

...почему я сразу не заметил что у неё зелёные глаза?...

— И как вам Креймор?

— Как вам сказать... Я не любитель больших городов. В них слишком много шума, всяких сомнительных господ, преступников и чиновников.

— А до этого вы жили, видимо, в маленьком городе? — лукавый взгляд как-бы украдкой.

— Жил.

— И что, там и правда не было ни преступников ни чиновников? — подначивает она.

— Почему же? Были. Но не так чтобы много, и все были на виду. В маленьких городах, так или иначе, все друг друга знают. Да и в целом жизнь там проще и понятнее: не такая суетная как тут, и всё же сильно проще чем в деревнях.

Я ожидал закономерного вопроса «а что вы тогда делаете здесь?».

Но вместо этого она перестала улыбаться и спросила:

— Скучаете по дому?

— Не то слово, — и это снова прорвалось помимо моей воли, словно откуда-то изнутри. — Очень.

— А по жене?

— Жене?...

— Кольцо, — Мелисса грациозно склонила голову, красноречиво стрельнув взглядом по моей правой руке.

— Умерла, — коротко ответил я.

— Простите, — смутилась девушка, резко перестав улыбаться. — Я не хотела вас расстраивать. Просто кольцо, и я подумала...

— Ничего, я сам виноват, — я попытался как-то сгладить неловкость. — Сам всё никак не могу заставить себя сменить руку, вот и ввожу людей в заблуждение.

Она сконфуженно отвела взгляд и я вдруг почувствовал себя рыцарским конём при полном снаряжении, со всей скорости въехавшим в лавку с дорогим фарфором.

— Простите. Не хотел нагонять мрачности.

— Ничего, — ответила она. — Это я должна бы попросить у вас прощения. И сказать “спасибо”. Спасибо что нашли добрые слова для бедного брата Доминика. Он довольно редко их слышит, даже от Александра, который один-единственный из всех Лемменсов не отвернулся от старшего брата.

— Да, я уже понял, что с семьёй парню не очень повезло, — согласился я, в тайне радуясь что она разделяет мою точку зрения.

— Это мягко сказано! — с жаром согласилась девушка, и глаза её полыхнули праведным гневом. — В храме его держат едва ли не за юродивого! Стелят на полу, не пускают за общий стол, кормят из деревянной посуды чтоб не разбил невзначай... Всё попрекают его несуществующими грехами, гоняют на исповеди, принуждают возносить хвалебные гимны Императору вместо сна... А он так ослаб за последнее время, и приступы эти страшные теперь случаются всё чаще и чаще...

— Приступы — это, конечно, плохо, но как мне видится они и вполнину не так страшны, как та трагедия, которую из них раздули окружающие. Между припадками он же вполне в состоянии мыслить, ходить, связно говорить и даже вот, манускрипты переписывать. И если бы на него не смотрели как на убогого, а держались с ним на равных, то он и был бы им равным, несмотря на свою болезнь.

Мелисса горько усмехнулась.

— О, если бы это было так просто! Вы ведь сами видели и припадок, и его самого. Робкий, чувствительный, доверчивый. Даже просто говорить с людьми стоит ему невероятного количества душевных сил. А вы видели как у него дрожат руки? Он ведь и правда порой с трудом на ногах стоит! А эти так называемые “ближние” похоже не испытывают к нему ни капли жалости!

— А вот тут я вынужден с ними согласиться, — отвечал я. — Жалеть нормального в целом мужика с незаурядным талантом иллюстратора — вот это действительно жестоко.

Моя спутница нахмурила изящные бровки.

— А вы, выходит, из тех кто презирает жалость?

— Почему же? Если вас это утешит, то женщинам жалеть кого-то изрядка можно. Главное — делать это тихо, про себя, чтоб тот, кого жалеют, никогда об этом не узнал.

Она звонко рассмеялась, и я невольно заслушался, настолько знакомым мне показался этот смех.

— А что же вы, госпожа Йонге? — попытался перевести тему я. — Какими судьбами вы оказались в храмовой библиотеке, да ещё и с метлой в руках? Не сочтите за дерзость, просто вы ведь не из трущоб, и не за жалованье это делаете, насколько я понял...

— Ах это! — ни капли не смутилась Мелисса. — Нет, не из трущоб. Просто мой духовник советует мне брать послушания и смиренно выполнять простую работу для храма. Это помогает смирить душу и обуздать беспокойные мысли.

— И как, получается?

Грустная усмешка...

— Во всяком случае господин Йонге не трогает меня лишней раз, и я хотя бы часть дня могу находиться вне дома.

— Вот даже как... Мда. Прискорбно делить дом и тяготы с человеком от которого хочется сбежать прочь.

— Меня особенно никто не спрашивал, хочу ли я что-либо с ним делить.

— Простите если снова вас расстроил.

— Оставьте. Если бы сочувствие могло растопить сердце моего супруга, то храм давно уже объявил его святым. К тому же вы сам только что советовали никого не жалеть.

— Советовал, и буду советовать. Но жалость и сочувствие — это вовсе не одно и то же, госпожа Йонге.

— Вот как? — заинтересовалась она. — И в чём же разница?

Я задумался на минуту, пытаюсь сформулировать то, что до этого момента только ощущал.

— А знаете, разница, пожалуй, в уважении. В жалости нет ни капли уважения, а в сочувствие наоборот, строится на нём.

— Думаете? — усмехнулась девушка. — Что ж... это интересно. Некая искра истины тут определённо есть...

...и как бы невзначай взяла меня под руку, моментально спутав все мысли в моей голове. И мне бы отстраниться от неё по хорошему: она замужем, у меня — траур, да и народу кругом полно. Но хватило меня только на ответную улыбку.

— Просто мои наблюдения за жизнью, госпожа Йонге.

— Должно быть она у вас довольно насыщенная?

— Не сказать что я этому рад, но да. Определённо.

— Вы поэтому предпочитаете маленькие тихие города? — спросила девушка, снова слегка склоняя голову на бок.

— Да, наверное поэтому. Пусть в них нет столичного лоска и прочих благ, зато в таких местах спокойно и можно просто радоваться жизни.

— Так странно, — улыбнулась она. — При первой встрече вы производили впечатление эдакого бойца, а на самом деле, оказывается, тяготеете к тишине и покою?

— Уверю вас, всякий боец мечтает о том, чтоб за спиной у него было безопасное логово, куда всегда можно вернуться зализывать раны и отдыхать.

Её пальцы лёгким движением убирают за ухо выбившуюся прядь волос.

— Ясно. Однако, быть может Креймор не так плох как вам кажется?

— Может, — согласился я, пытаюсь унять характерную дрожь в спине. — Нечто прекрасное в нём всё-таки есть...

Снова улыбка, ловкое ускользающее движение, и Мелисса исчезает за порогом мясницкой лавки, а я, словно зачарованный, иду следом. И пока она покупает у мясника свежую свиную вырезку, я, как распоследний мальчишка, тихо сетую что как-то слишком быстро мы сюда дошли. Да, мне нужно возвращаться в госпиталь. Но быть может если я запоздаю минут на десять ничего страшного не случится?...

— Проводить вас до дома? — предложил я, когда мы вышли наружу.

— Не стоит, — Мелисса бросила на меня лукавый взгляд, исподволь намекающий, что она немного кривит душой. — Если Симон нас увидит, то нам обоим не сдобровать. Да и вам, наверное, пора возвращаться к вашим обязанностям.

«Не отпускай её вот так! Хотя бы полпути пройди с ней, ещё немного! Спроси её о любой чуши, пусть расскажет, а ты будешь слушать её голос. Пусть смеётся, а ты будешь счастлив. Просто оставайся рядом с ней так долго как только сможешь. Она — загадка, за которой скрывается нечто манящее. Разгадай её! Разгадай, иначе не видать тебе ни сна ни покоя...» — вопило нечто внутри.

Однако она была права. Не стоило. К тому же там, в трущобах, ждали друзья. Дурман наверняка закончился, и Бонза проклинает меня на чём свет стоит. Мне нужно идти.

— Что ж, тогда до встречи, госпожа Йонге!

Последняя улыбка, драгоценный дар на прощание.

— До завтра, Гаррет.

И последний взгляд, полный удивительной нежностью.

Я сделал несколько шагов в сторону госпиталя, но потом всё равно не вынес и обернулся, провожая её взглядом.

Нет, да что со мной вдруг такое сегодня? Я же появился в этом чёртовом городе в аккурат как со дня смерти моей единственной минуло сорок дней, а всего через две недели с чего-то вдруг начал заглядываться на другие юбки. Это так ты чтишь её память? Так скорбишь об утрате? Что вообще на тебя нашло?

Боги, как так? Это всё просто какое-то чертово наваждение. Нужно выкинуть её из головы, и меня попустит. Я ничего не забыл, не простил и не смирился. А эта девушка, Мелисса, притягивает к себе мой взгляд по одной-единственной причине: она очень похожа на Бригги, без которой я понемногу схожу с ума.

«Слишком похожа,» — подумалось мимолётом, и где-то внутри мелькнуло смутное ощущение тревоги. Мелькнуло, и тут же исчезло, так что я не успел придать этому особого значения.

Дурак.

За воротами лазарета всё было неизменно, чему я был скорее рад.

Дверные петли привычно скрипнули, требуя масла. За ними меня, как всегда, приветственно обляяли дворовые шавки, а степенная и печальная Рэни всё так же лежала на своём месте. При виде меня она издала пару скулящих звуков и приподняла ухо, но ничего более. Мосол, который я принёс ей вчера, с её молчаливого согласия умыкнули другие собаки, сама же она так ни к чему и не притронулась. Дело выглядело почти безнадежно, но я всё равно положил перед её носом кусок рубца, который прикупил специально для неё. Просто из чувства упрямства.

Потом я заглянул проверить Серого. Тот томился в деннике и откровенно тосковал. Даже моих скудных познаний о лошадях хватало чтобы понять: конь застоялся. А утешить мне его, к сожалению, было нечем. Я теперь и сам не знал когда смогу двинуться дальше.

Последние вечерние лучи пробившегося из под полога облаков солнца ласково окрасили крыши домов в розовый. С улицы уже слышались привычные уху разговоры навеселе: рабочий люд собирался в шумные компании, праздновать конец рабочего дня. Всё было как всегда. За пару недель я успел привыкнуть к местному ритму и не на шутку к нему привязался.

Я окинул вечернее подворье последний раз и потянул дверь.

А за ней всё привычное закончилось.

— Эванс! Эванс, ну наконец-то! — взволновано окликнул Шон, продираясь через столпившихся в коридоре людей.

— Всё, он тут! — подхватил чей-то голос за его спиной.

— Да, тут, как и должен был, — подтвердил я. — А что происходит?

— Тебя ждут, — глухо произнесла Мэгги.

— Ждут? Кто? Мэтр Янсенс? Господин Харди?...

— Если бы... — проворчал Эмиль. — Идём.

У нас были гости, и что-то я сильно сомневался в том, что их позвала Эвелина.

В дверях комнаты отведённой нам коморки стояли два здоровенных лба, словно два стража у ворот в королевские покои. Сам же “король” обнаружился внутри. Этаким щёголь: одет с иголочки, светлые волосы небрежно рассыпаны по плечам, аккуратная борода, обаятельная улыбка. Весь образ явно кричит: смотри, перед тобой человек, которому всё можно. В том числе являться без приглашения туда куда он только пожелает.

Он развалился на скромной постели словно кхалиф на шёлковых подушках в собственном гареме, а рожа его была настолько наглой, что я рефлекторно огляделся в поисках чего-нибудь потяжелее, способное стереть эту ухмылочку с первого удара. Но всё это меркло на фоне сидящей рядом с ним Эви, которую этот подонок почти по отечески обнимал за талию. Сама девочка, кажется, даже не дышала от ужаса, боясь пошевелиться.

— О. «Одноглазый хлыщ похожий похожий на адалонца». Вот и встретились наконец, — гость изобразил снисходительную улыбку, а его охрана меж тем отступила ко мне за спину, отделяя меня от дверного проёма. — Слушай, это уже дурной тон. Я милосердно дал тебе два дня, но ты так и не соизволил явиться. Давненько не встречал такой наглости.

— За девочку уплачено до послезавтра, — ответил я. — Согласно сделке она всё ещё в моём распоряжении. Или вы уже не соблюдаете собственные правила?

— Так я пока и не за ней пришёл, — ответил гость, демонстративно поглаживая смертельно бледную Эви по щеке. — Верно, малышка?

— Зачем тогда? Поговорить?

— Ага. Прочешь тебе проповедь. Так сказать, для спасения души. Твоей, и может вот её за одно, раз уж она тебе так глянулась.

— А вы, видимо, и есть Симон Проповедник? — сказал я. — Тогда у меня найдётся для вас ответная. Как вы относитесь к софистике, уважаемый?

— А ты поумничай мне тут ещё, калека хренов, — всё показное дружелюбие куда-то испарилось. — И не трать моё время на всё это дерьмо про сострадание к детям.

— Хорошо, — не стал спорить я. — Но у меня есть аргумент более весомый: у Эви довольно слабое здоровье, и ваш бордель-гадюшник для неё — это верная смерть. Вы при всём желании не выручите за неё тех денег, что задолжал её дед.

— Полагаешь? — омерзительная улыбка вновь появилась у этой паскуды на лице. — А зря. Знаешь, среди крейморской знати есть много любителей довольно... своеобразных развлечений. Они счастливы будут заполучить в своё полное распоряжение вот такое вот хрупкое создание, которого никто не хватится. И чем более маленькой и слабой она выглядит, тем лучше! — он бесцеремонно взял девочку за подбородок и повернул к себе лицом. — Некоторые клиенты находят это особенно волнующим. И заплатят они явно больше чем ты.

Эви, похоже, даже не дышала. От восковой фигуры её отличали только бегущие по щекам слёзы.

— Завязывай с этой показухой и убери от неё руки, — я шагнул в его сторону, уже чувствуя характерное головокружение. То самое, которое накрывает с головой, а после ты обнаруживаешь что стоишь посреди пустой таверны с разбитой бутылкой в руках, а у твоих ног валяется чьё-то бесчувственное тело. Однако на сей раз не вышло: расторопные телохранители одновременно ухватили меня за плечи, не дав двинуться дальше.

— Иначе что? Скальпель в меня воткнёшь? — усмехнулся самозванный проповедник.

— Могу и скальпель, — признался я. — Хотя инструмент для ампутации мне нравится больше.

— Да ладно, брось! — рассмеялся Симон. — Мы ведь тоже не звери, и вполне можем войти в положение.

— Что-то слабо верится.

— Баш на баш. Нам в «Тихом Омуте» частенько нужна бывает помощь целителя, а наш — вот незадача! — двинул кони две недели назад. Не знаю уж какая гнида размазала его кишки по стенам, но ты можешь быть ей благодарен за такой шанс. Всё просто: ты работаешь на нас и латаешь наших подранков, и пока ты это делаешь — девчонка свободна как ветер! Но учти, если за тобой какой косяк, я просто пущу её по кругу, а тебя заставлю на это смотреть. Усёк?

Что ж, ожидаемо. Но безрадостно.

- Учитывая сумму долга, работы мне предстоит не на один десяток лет.

— Ну что ж, — развёл руками гость. — Ты вполне волен отказаться. Я ж не тащу силком, ты сам в это впутался. Если тебя не устраивают условия — просто отдаёшь мне девочку и живёшь себе как раньше.

Моё воображение так живо нарисовало как стоящая у тумбочки бутылка из под уксуса разлетается на мелкие осколки от удара об его башку, что я едва уловил смысл сказанного.

— Девка оплачена до послезавтра, — видимо собеседник принял моё молчание за отступление. — И, стало быть, послезавтра, я жду тебя с ответом в «Тихом Омуте». Учти, если мне придётся и во второй раз за тобой бегать, я очень расстроюсь.

Он встал, картинно отпуская Эви. Та так и не решилась пошевелиться, словно перепуганный кролик.

— И да, — произнёс он уже в дверях. — Поясню кое-что на берегу: пытаться бежать из города бесполезно. Из под земли выкопаю, а там спрошу по полной и с тебя, и с неё, и с вашего Янсенса в придачу. И долг выплачивать будете всем скопом. Помни об этом.

Звук захлопнувшейся двери словно сбросил чары, и девочка бросилась ко мне. Сказать она ничего не могла, только не переставая рыдала от страха и отчаянья, вцепившись в меня как в родного.

— Не плачь, малыш. Я же сказал что они тебя не получат, — повторял я, поглаживая её по волосам.

— Но вам же тогда придётся... придётся...

— Ничего. В крайнем случае немного потерплю. А там придумаю что-нибудь. Обещаю.

При всей моей неприязни к этому месту, путь через Роуз-стрит был наиболее коротким. Я просто старался не задерживаться здесь дольше необходимого, идя быстрым шагом и не глядя по сторонам.

Какую глупость я совершил, поленившись обойти это место по дуге в одну-другую, я осознал едва приметив в подворотне пятерых празднично стоящих парней со смуглым верзилкой во главе. Они пристально наблюдали за припозднившимися прохожими. Ребята не понравились мне сразу, и, когда парой кварталов ниже я убедился что за мной идут, то сразу понял кто именно.

Что им нужно уточнять не хотелось. Хотелось надеяться, конечно, что их интересовал мой кошелек, а не Бонза, но верилось в это слабо.

Вести их к старухе я не собирался, а значит — нужно сворачивать в другую сторону. Не бежать, не останавливаться, идти как ни в чём не бывало. Эта улица как раз делает поворот, и я ненадолго пропаду из их поля зрения. А вот там уже самое время ускориться.

Подворотня. Не эта, следующая. Очень узко, протиснуться реально только боком. Но она сквозная, выходит в соседний квартал. Тут никого в этот час, и мне удалось незамеченным скользнуть в следующий переулок.

В за спиной послышалась возня и топот, но я не стал дожидаться когда меня обнаружат. Всё и без того было предельно ясно. Нужно уходить, и уходить в другую сторону.

Сначала везло. Через несколько переулков звуки преследования стихли: видимо мой «хвост» где-то заблудился. Я мысленно поздравил себя с этим, но тут очередной проход между домами перегородил деревянный забор. Я подтянулся на руках, довольно ловко перемахнув на другую сторону, и только полетев вниз сообразил, что ограждения в таких местах ставят вовсе не ради защиты от воров, а чтобы кто-нибудь по пьяни не свалился со склона в овраг. Было не очень высоко, зато непозволительно шумно. Да когда же я начну внимательней смотреть куда бегу? Повезло ещё что на дворе осень, и эти заросли крапивы в человеческий рост уже засохли.

Чёрт с ним. Голоса сверху. «Парни, сюда!» Стук досок.

Срочно встать. Прочь отсюда.

Заросли крапивы прилегали к перекошенному, словно медленно сползающему в овраг дому с зияющей темнотой вместо дверного проёма. В эту темноту я и шагнул прежде чем успел сообразить, что идея это гиблая. Не видно ни черта, пространство замкнутое, любой дурак догадается что беглец скрылся именно тут. И тем не менее, я убрался с глаз, и если они сунуться, то у меня будет некоторое преимущество: я по привычке к темноте, а они в первый момент окажутся беззащитны. А там...

«...стой. Ты серьёзно? Ты серьёзно сейчас просчитываешь в уме как убить своих преследователей? Чёрт, что с тобой происходит?»

«В кои-то веки — то что давно должно было. И прекрати жалеть собственных врагов. Ты пожалел Джона Аддерли, и чем он тебе отплатил за своё спасение? Ты не стал стрелять в Норрингтона, зато у него рука не дрогнула. Тебе было жаль Жакомо Орфа, а он ...»

«Хорош. Я понял, понял!»

«Да ничерта ты не понял. Если драка неизбежна, нужно бить первым, помнишь? Или

ты, или они. Или ты хочешь подождать пока за тобой проследят и выяснят, где спрячутся твои друзья?»

Вдох и выдох. Нет уж, чёрта с два! В этой ветхой халупе наверняка есть задняя дверь. Нужно просто улизнуть по-тихому и затеряться в трещёбах. Ни к чему лишний шум.

«Снова прячешься. Снова убегаешь».

Я бесшумно отступил вглубь помещения, не выпуская из виду дверной проём. Что сказать, похоже удача сегодня изменила мне с моими преследователями: старая, плохо прибитая доска провалилась под ногой, увлекая за собой соседнюю. Пол предательски взлетел вверх как те чёртовы грабли, и я с грохотом свалился в подвал, отбив себе, казалось бы, всё что только можно. Сверху на меня посыпались щепки и пыль, а каким чудом не обрушилось всё остальное — ума не приложу.

Среди треска и грохота я отчётливо различил два перепуганных вскрика. Мужской и женский.

— Что за?...

За тем наверну послышались шаги, как если бы кто-то вбежал сюда на шум. Видимо грохот был такой, что пропустить было невозможно.

Нет... Только этого не хватало...

Я попытался встать, но мне вдруг резко сдавило грудь. Попробовал вдохнуть — и не смог. Нет, только не рёбра... Не настолько болят, не мог я их сломать... Не боль, а нечто иное мешает дышать. Но осмыслить что именно я не успел: следом накатил сильный приступ тошноты, уши заложило, а сам воздух вокруг словно превратился в кишасщее месиво невидимых мушек, которые ползают, щекочут, сводят с ума.

От наплыва ощущений я едва не впал в панику. Что это, что происходит? Три вдоха получилось сделать через силу, четвёртый дался немного легче. Наваждение стало исчезать, мушки — расползаться, невидимая хватка попустила, а шаги... я мог бы поклясться что они удаляются.

Понятия не имею как это возможно, но, кажется, пронесло. Кто бы это ни был, он ушёл, а я всё-таки просто ушибся. Зря, выходит, возводил поклёп на удачу...

Недалеко от себя в крошечной тьме я услышал шорох и бормотание, будто бы кто-то читал краткую молитву. Второй голос, женский, испуганно прошептал «погоди, нет, не надо!», но было уже поздно: слабый холодный свет резанул по глазам, вырывая из тьмы лица Доминика Лемменса и Мелиссы Йонге.

— Гаррет? Вы? — не скрыл изумления Доминик.

— Следил за нами! — тут же вскинулась Мелисса.

— Я? Нет! — ответил я. Вот это мы приехали, конечно... судя по нижней рубашке, небрежно сползшей с хрупкого плеча девушки и взмыленному виду скриптографа, эта парочка здесь явно не для молитвы на ночь собралась... — Это случайность. Я пытался оторваться от грабителей, которые шли за мной следом. Скрылся в заброшенном доме. Честно, понятия не имел что тут такое... кхм... популярное место.

— Я тебе не верю, — ошетинулась девушка.

— Но это правда! — возразил я, который раз кляня на чём свет стоит Его Величество Случай с его жестоким чувством юмора.

— Он ведь ученик мэтра Янсенса, — робко вступился за меня монах. — А он ни за что не потерпит в госпитале лихих людей! Не может господин Эванс работать на твоего мужа.

— Ох, Доми! — тяжело вздохнула девушка, одаряя монаха снисходительно-тёплой

улыбкой. Так улыбаются детям сморозившим некую милую и наивную чушь. — Ты слишком доверчив. Я не раз говорила тебе, что мир за пределами храма невероятно уродлив и лжив. Верить нельзя никому, помнишь?

— Слушайте, госпожа Йонге! — перебил я, поднимаясь, наконец на ноги. — Я знать не знаю вашего мужа, и, если честно, то и не больно-то хочу. Давайте просто сойдемся на том, что я шёл по своим делам и никого сегодня не видел.

— Ооо! Пусть Владыка наш и Император зачтёт вам это как великую добродетель! — искренне обрадовался брат Доминик.

— Спасибо. Хотя если честно, то Владыка меня не особо жалует, — усмехнулся я.

Точно не жалует. Как ни старался я говорить с лёгкостью в голосе, как не напоминал себе, что Мелисса без того замужем, а за бедного парня стоило бы искренне порадоваться, внутри всё равно стало невыносимо тоскливо. И никакие доводы здравого смысла не в силах были заглушить этой тоски.

— И как я должна вам верить? — Мелисса сделала шаг, вмиг оказавшись опасно близко ко мне. Слишком близко. Полные печали зелёные глаза, казалось, всматривались в самую душу в надежде найти там понимание. — Простите Гаррет, но если мой муж узнает обо всём этом, он просто убьёт нас обоих...

— Нет. Никто не узнает, — пообещал я, чувствуя характерную слабость в ногах. Слишком много мольбы было в её взгляде, слишком близко она стояла... — Нет мне никакого резона раскрывать вашу тайну, госпожа Йонге. К тому же я очень даже могу вас понять. Должна же быть в жизни человеческой хоть какая-то отрада. Вы оба, как по мне, её заслужили.

“А я — не заслужил, и всё отмеренное мне благоденствие закончилась со смертью жены,” — подумалось следом. — “И поделом.”

— Спасибо вам, — Мелисса расцветает в улыбке, такой теплой и благодарной. Она протягивает руку чтобы коснуться моего лица. — Я никогда не забуду вашего милосердия...
...зачем? Это явно лишние. Доминик же здесь! Не стоит при нём... не стоит вообще...

Эй! Очнись! Отступи на шаг! Останови её!

Но я от чего-то не могу заставить себя пошевелиться. Все на что меня хватает — это взглянуть на монаха. Он ведь всё видит. Неужели стерпит, не скажет ничего?...

На лице брата Доминика был написан холодный, парализующий ужас. Поймав мой взгляд он словно очнулся:

— Мелисса, — сдавленно попросил он. — Мелисса, пожалуйста...

Лицо девушки на мгновение изменилось, скривившись от досады. Или мне просто так показалось в неровном зачарованном свете?...

И верно, показалось. Всё тот же нежный, печальный взгляд. Тихий шёпот.

— Тогда вам пора, Гаррет. У нас всех здесь не так уж и много времени...

Пора...

После, как ни старался, я так и не смог вспомнить как покинул тот заброшенный дом.

На улицах было тихо и безлюдно. Я брел через трущобы к хижине старухи, думая о том что никто никогда не должен знать секрета брата Доминика и его любовницы. Даже Роланд. Особенно Роланд.

— Этот город с его препитиями очень скоро сведёт меня с ума, — подвёл итог я.

— Ты опять всё усложняешь, — поморщился Бонза. — Все города одинаковы. Те же самые богатенькие ублюдки, рабочий народ, голь и отребье всякое. Фасады разные, а люд везде один и тот же, и нутро его везде одинаковое, гнилое. Плюнь и разотри. Просто тебе не свезло в Крейморе встрять в неприятности по самые помидоры.

— Одинаковое — гнилое, и всё? — устало спросил я, убирая испачканные тряпки. Гноя со вчерашнего дня стало больше, хотя я вроде сделал всё в точности так как говорил мэтр Янсенс. Однако раненого пробило на многословие, и это придавало надежды. — Однобокий какой-то взгляд. Не бывает так чтоб всё сплошняком чёрное.

— Иди ты, философ хренов! — вяло огрызнулся мой болезный друг. — Послушал бы я тебя на третьи сутки без сна нормального, то в горячке, то в беспамятстве. И больно же, сука, сил нет! Чем дальше тем хуже. Тебя вот только, заразу, как ангела-спасителя жду с зельями твоими чудными, а ты...

— Вот, пей! — я поднес к его губам бутылек с дурманом. Бонза жадно приложился к горлышку, явно намереваясь улучшить момент и выпить всё залпом. Пришлось пресечь. — Ну всё, хорош! Этого достаточно.

— Тебе что, жалко?

— Если выпить слишком много — можно вообще не проснуться.

Он устремил на меня помутившийся взгляд.

— Слушай, а может и пусть бы?...

— Я тебе сдамся! — нахмурился я. — Борись, мать твою!... На сей раз должно помочь, обязанно! Мэтр сказал что спиртовой раствор действует лучше уксуса. Терпи и не ной! Ты бежал с каторги, ты прошел пешком через леса Саами, ты годами бегал от законников попивая эль у них же под носом! Ну не может тебя убить какая-то царапина. Просто не может!

— Ну смотри, на сей раз я тебе поверю, — ответил Бонза, откидываясь на подушке. Судя по мутнеющему взгляду, дурман брал своё. — Но если опять не поможет — сломаю тебе нос. Очень к твоему шраму поломанного носа не хватает. Бабы будут без ума...

— Сломаешь, — согласился я. — Непременно сломаешь, я даже не буду сопротивляться. А сейчас спи давай. Мне нужно вскрывать швы...

— Теперь дело должно пойти лучше, — объяснял я Заку через полчаса. Усталость казалась смертельной, но почему-то я никак не мог заставить себя перестать прохаживаться из угла в угол и просто сесть. — В течении дня следует повязку менять и промывать сверху раствором, я его оставил в углу. Следи, не появиться ли гной. Если нет, то дело пошло на лад, может даже жар уйдёт к завтрашнему вечеру.

— Послежу и перевязывать буду, — заверил менестрель. — Ты главное покажи как это правильно делается, чтоб не попортить чего.

— Утром перед уходом покажу. Спасибо что остаешься.

— Так хоть кто-то должен, вы-то с Виллом заняты. К тому же я всё равно в “Русалку” больше не ногой.

— Час от часу не легче. А что в “Русалке”?

— Это ты, мой птенчик? — эхом отозвалась старушка, сонно пытаясь приподняться на своей лавке.

— Да-да, это я, — ответил я, бережно и настойчиво укладывая её обратно. — Спасибо

бабушка, клубника замечательная. Я обязательно поем, а вот вам поспать бы.

— Вот же ты умница! Вот ты у меня молодец! — расслабилась бабка, послушно опускаясь обратно на ложе. — Такой стал большой, такой самостоятельный...

— Их пятеро заявила, — не обращая внимания на хозяйку дома продолжал Зак. — Пятеро! Я ещё сразу заметил их жоака: смуглый такой, глаза почти черные, кольцо в ухе... Я поначалу подумал, что это очередные ребята из порта, особенно их главный: ну никак он на местного не похож! Потому и расслабился. А опомнился только когда они меня в подворотню тащили. Прижали к стене и такие: показывай, мол, куда твой бритый приятель подыхать уполз?...

— А что ты?

— А что я? Делать-то нечего, пришлось вести мужиков к тому самому бритому приятелю.

— Ну-ну, — усмехнулся я. — И где же он прятался всё это время?

— Дык, известно где! — невинно развёл руками Зак. — В большом амбаре Бравонской Судоходной, на чердаке, между ящиков и бочек схоронился, подлец. А там — сам знаешь: скользко, темно, куча старого хлама и очень узкие лестницы.

— Красавчик, — искренне восхитился я. — Только теперь и впрямь лучше носа за порог не суй пока всё не уляжется. Видимо, это те же самые пятеро и поджидали меня на Роуз-Стрит. Пошли следом, чудо что я их заметил и сумел оторваться. По всему выходит, за нами и впрямь давно наблюдают.

— Выходит что так, — согласился Зак. — Только вот одно тогда в толк не возьму: если они такие все из себя наблюдательные и всё про всех давно выяснили, то чего не пришли-то? Зачем им меня или тебя ловить и чего-то там требовать, если можно было просто проследить за нами, и дело с концом? Мы, конечно, таимся как можем, но давай взглянем правде в глаза: ни я, ни ты, ни тем более Вилл на следопытов не тянем. Вот сам подумай, сколько раз мы за эту пару дней сплеховали? Не слепые же эти лиходеи, в самом деле! Да и местечко тут уязвимее некуда: забор — одно название, дверь не запирается — заходи кто хочешь; соседей вокруг полно, и всякий из них рад будет за пару медяков поведать всё что угодно. Да тут бы любой ребёнок быстро бы всё разнюхал, если бы задался целью! Но от чего-то к нам сюда по сию пору так никто и не явился. Как думаешь, почему?

— Не знаю, — я наконец заставил себя сесть за стол и принялся за наш скромный ужин. — Может, нам всё-таки повезло и нас правда пока не выследили? Или может мы всё-же не такие профаны, как и себе думаем? Мы ведь действительно были очень осторожны.

— Ты сам-то в это веришь? — спросил менестрель. Я отрицательно мотнул головой. — Вот и я не верю.

— Это всё очень странно, — в такт нашим мыслям произнёс появившейся в оконном проёме Вилл. Он осторожно поставил “Матильду” на пол, а затем влез в дом сам. — Я замёрз, я хочу жрать, и чем дольше сижу в засаде, тем чаще думаю, что всё это — пустая трата времени.

— Вот и мы о том же, — протянул Зак. — Мистика какая-то! Нас будто хранят какие-то высшие силы. Иного объяснения у меня нет.

— С каких пор высшим силам есть до нас хоть какое-то дело? — раздосадованно бросил Вилл.

— Это ты, мой птенчик? — сизнова встрепенулась старушка.

— Я. Спите, матушка, спите! Ночь на дворе!

Зак молча поставил на стол третью порцию ухи — для Вилла

— Ну как, удачно? — спросил тот, красноречиво кивая на дверь в заветную каморку.

- Попробовал средство которое дал мне мэтр, все обработал как он советовал, промыл и зашил. Теперь нужно менять бинты каждые два часа и надеяться на чудо. Скажем так, шансы на него теперь есть.

— Хорошо, — Вилдар с облегчением расслабил плечи. Видимо ему, ровно как и нам с Заком, просто очень хотелось услышать что надежда есть. — Тогда как мы сегодня с дежурствами? Есть ли вообще в них смысл?

— Да рановато ещё расслабляться, — сказал Зак. — Ведь по закону подлости же раскиснем, и тут-то к нам и нагрянут. Так что шли бы вы оба спать, я-то теперь хоть днём немного подремать смогу, не то что вы, бедолаги.

Спать я хотел больше чем жить, но отчего-то мучительно долго не мог уснуть.

Перед глазами бесконечной чередой болезненных видений проносились словно пылинки поднятые вихрем знакомые лица и образы: Бригги, матушка Финч, господин Льюис, снова Бригги, Адам с женой, капитан Эйнсли, братья — егери из Валлейского леса, рыжая пугана с Роуз-Стрит, брат Доменик, толстяк Зигфрид... госпожа Мелисса Йонге. Потом снова Бригги, а за ней — снова Мелисса. Бригги. Мелисса. Бригги. Мелисса. Бригги Мелисса. И так до тех пор, пока я не начал путаться кто из них кто.

— Я просто не могу найти на это слов, — глухо произнес знакомый голос, и моя тень вновь отделилась от меня, обретая знакомые очертания. — Я ещё мог понять, почему ты вдруг увлекся медициной. Мог понять, почему ты так вцепился в спасение незнакомой девчонки и этого раненого разгильдяя, которого ты знаешь от силы недели три. Я даже закрыл глаза на то, что ты взялся помогать инквизиции: как ни прискорбно это признавать, выбора у тебя особо не было. Но это?! Как ты позволил этому произойти?!

— Чему произойти? О чём ты вообще?

— Не строй из себя святую невинность! — он был зол, почти в ярости. — Что это за тоска из-за взгляда подаренного не тебе? Что за тягостная жажда её общества? Вот это всё? Вот так просто и быстро образ возлюбленной померк перед первой встречной, построившей тебе глазки? Она, к слову говоря, не самых высоких моральных качеств, не находишь?

— Я не спешил бы её судить. Каждый в этом мире просто хочет быть счастливым, и так уж вышло что у иных это счастье бывает только на стороне.

— И тем не менее она позволила себе флирт, хотя у неё есть есть и муж, и любовник. Последний, кстати, не факт ещё что один.

— Это её дело, и меня оно не касается.

— Вот именно. Не забудь почему мы здесь. Вспомни, куда мы идём. Или ты и впрямь уже смирился со смертью Бриги? Давай, скажи ещё что хочешь остаться тут. И не делай такое лицо. Мы оба знаем для чего тебе на самом деле весь этот ворох ответственности, который ты на себя взвалил: девчонка, медицина, твои дружки-матросы, даже собака! Всё это просто бесплодная попытка заткнуть зияющую в душе дыру, не чувствовать этой пугающей пустоты. Жалкая попытка. Путь в никуда. От себя не убежать.

— Я не смирился, — возразил я.

— Ой ли? — усмехнулся он. — А час смирения недалёк. Твоя решимость уже пошатнулась. Ты уже сомневаешься.

— Потому что я не хочу обретать силу такой ценой.

— Любая цена — ничто.

— Я не стану убивать людей ради колдовства!

— А просто так, выходит, будешь? У тебя с каждым разом получается всё лучше и лучше!

— Нет. Я не стану! Если это и есть плата за волшебство, то я не хочу иметь с ним ничего общего.

— Даже если это плата за шанс увидеть её снова?

Я поперхнулся словами и закашлялся. Возразить не смог. Спросил только:

— Скажи, с чего мы оба решили что это вообще возможно?

— С того, что надеяться нам больше не на что и идти больше никуда. А там, на Пустошах, притаилась призрачная надежда. Или, в худшем случае, — ответы. Это тоже немало.

— А вдруг в Пустоши на самом деле давно уже нет никого, кроме неуспокоенных мертвецов блуждающих там с незапамятных времен?

— Помнишь старые сказки? Ничто, противоречащее законам природы не происходит само собой. Если есть неуспокоенные мертвецы, значит есть и колдун который поднимает их из могил. Некто, знающий как это делается. Некто, способный этому научить....

— Просыпайся, мой птенчик, просыпайся! Уже солнышко взошло! Я тебе поутру клубники собрала, прямо с грядки! Вот она, в чашке на столе стоит, мой хороший, для тебя! И сливки свежие рядом...

Даже не знаю что именно меня разбудило: прикосновение или же резкий, почти удушающий старческий запах?...

Бабка бережно трясла меня за плечо и беззубо улыбалась. Выцветшие от времени глаза смотрели куда-то сквозь меня, тонкие узловатые пальцы заметно дрожали. Дрожали даже уголки её губ, как если бы она удерживала их приподнятыми из последних сил.

— Матушка, за какие грехи так рано?... — спросил я.

— Утро грядёт, мой птенчик.

Однако за окном царила всё та же непроницаемая тьма, словно я закрыл глаза всего с минуту назад.

— До утра ещё очень долго, матушка. Мне бы поспать, ну хоть немного. Да и вам бы не помешало.

— Сколько бы ни было, как ни темна была б ночь, а восхода всё одно не миновать, — проскрипела старуха, медленно покачиваясь словно дерево на ветру. — А ты на закате дня солнце хоронишь. Да и полно тебе злиться на себя, сокол ты мой ясный! Никакой пользы в том нет.

— Как же на себя не злиться, если это я во всём виноват? — спросил я.

— Виноват ли, не виноват ли... что с того? Жизнь-то дальше течет, мой птенчик! Ты ведь так молод ещё, столько всего впереди, а ты от чего-то ищешь встречи со смертью.

— У меня к смерти есть важное дело, — ответил я, вдруг осознавая, что вовсе я не проснулся, а всё ещё сплю. И старуха тоже на самом деле, а этот бредовый разговор — просто продолжение бесконечного спора с самим собой, просто принявшего иную форму.

— Так она не ответит тебе. Нету её.

Я уставился в потолок, пытаюсь сфокусировать зрение. Или всё-таки не сплю?

— Кто не ответит? Кого нет?

— Смерти.

Я только горько усмехнулся.

— Как же ее нет, если она везде и повсюду?

— А вот так, милок. Нет ее, — повторила бабка. — Нету смерти-то. Только жизнь течет себе бесконечно по кругу, год за годом, век за веком, много эпох подряд. Трепещет — бьется она в теле Мирового Древа, у которого звезды на ветвях растут, а корни из самой Бездны испивают огненные соки. И бьется непрестанно его любящее сердце, и все в мире этому биению подчинено.

Она замолкла и прищурила глаза, как бывает порой когда вспоминаешь о чем-то хорошем. И добавила:

— Как младенца прошедшего через муки рождения исцеляет стук сердца матери, бывшей для него всем миром, так же и Сердце Мира, материнское сердце всех живых существ, умиротворяет и исцеляет раны. А ты не власти над смертью должен искать, а примирения с ней.

Комната начала плыть, теряя привычные очертания. Точно, всё-таки сплю. Хорошо. Я уж испугался что она и в самом деле меня разбудила...

— А теперь отдохни немного, сынок. Завтра снова будет день не простой...

Я едва расслышал конец фразы, блаженно проваливаясь в объятия сна. И, благодарение Забытым Богам, остаток ночи мне не снилось ничего.

День прошел в хлопотах.

Осень понемногу брала своё, погода установилась сырая, холодная, и больных сегодня было больше обычного, все через одного — простывшие. Как же мне повезло, что я каким-то невероятным чудом выспался, иначе, наверное, вообще не дотянул бы до вечера. У всего на свете должен быть предел.

И у этого шквала из неприятностей в которых я завяз — тоже. Что если лекарство Янсенса не сработает? Что если я что-то упускаю? Что если очаг воспаления так глубоко, что никто и ничто уже не в состоянии помочь?

Так мало мне было Бонзы, так ещё и Эви теперь не выкупишь, даже если бы было на что. Золотая гиней! Что за вздор?! Да я могу на такие деньги купить себе целый хутор! Или с пяток алхимических зелий, которые могли бы спасти моего умирающего друга. Но если я срочно что-нибудь не придумаю, мне, видимо, придется врачевать ножевые ранения по ночам где-нибудь в “Тихом Омуте”. О том чтобы отдать девочку обратно в бордель не может быть и речи. Ровно как и о том чтобы рассказать Харди о единственной тайне — и единственной радости жизни — брата Доминика Лемменса. За такое вероломное предательство положено гореть в аду. Я не смогу поступить с ними так.

И потому, когда взмыленный словно загнанный конь Харди заскочил в госпиталь после обеда, я честно и в подробностях рассказал ему увиденное и примеченное за последние дни общения с монахом, аккуратно опустив всё то, что хоть краем касалось Мелиссы Йонге.

Роланд некоторое время молчал, мрачно всматриваясь в моё лицо, а я — гадал о чём он думает? Казалось он вот-вот прищурится, уточнит “Гаррет, вы уверены что это всё?” и попадёт в самую точку.

Однако вместо этого следопыт стянул в шеи какой-то незатейливый амулет — тонкий стержень из серебра с зарубкой посередине — и протянул его мне.

— Что это? — спросил я.

— Надень и носи не снимая, — распорядился Харди. — И не нервничай. Для тебя это безвредно.

— А зачем мне эта штука?

— На всякий случай. Просто надень и забудь о ней. Однако если вдруг случится что-то опасное, напрямую угрожающее твоей жизни, сломай стержень пополам.

Вещица неприятно холодила ладонь, но чтоб не вызывать лишних подозрений пришлось подчиниться. Роланд удовлетворенно кивнул и ушёл, так и не дав мне возможности посоветоваться на счёт судьбы Эви и сомнительного предложения от Симона.

Вечером в библиотеку я пришёл по привычке, сильно сомневаясь, что от чтения и наблюдений за болезным скриптографом будет хоть какой-то толк. Накопленная усталость брала своё, и смысл прочитанного ускользал из памяти, кокетливо вертя хвостом.

Бесполезно. Это всё бесполезно. Я всё пробовал. Я не знаю чем помочь. Я не знаю что делать. Меня как будто связали по рукам и ногам, я застрял между проблемами и обязательствами, и по-хорошему уже тихо мечтал убраться прочь из этого проклятого города. Неизвестность, лишения и холод надвигающейся зимы и в половину не пугали так, как перспектива застрять тут навсегда, в качестве медика на побегушках.

Стол брата Доминика пустовал, самого его в читальном зале не было. Нашёлся он позже, на той же самой скамейке в саду. Также как и вчера он сидел и смотрел на храмовых помощниц, по своему обыкновению собравшихся у колодца по ту сторону ограды. Среди была и Мелисса, но теперь её мимолётные улыбки подаренные болезному монаху, стали мне намного понятнее. Ровно как и тоска в глазах Доминика.

— Доброго вечера, — поздоровался я. — Как вы сегодня?

— Ох! — вздрогнул монах. — Д-добрый вечер, Гаррет. Простите, я немного задумался и не слышал как вы подошли.

— Понимаю. Тут есть о чём подумать, — усмехнулся я, сам украдкой глядя на нашу общую знакомую. Всё та же прекрасная роза в окружении полевых цветов. Смеётся, переспрашивает что-то, вновь и вновь до боли знакомым жестом убирает с лица непослушную прядь.

— Слушайте, вчера ночью... Это... Это... Вы же понимаете, что это... — замаялся монах.

— Понимаю. Да не бойтесь вы так, — отмахнулся я. — На самом деле я очень рад за вас обоих. Если по справедливости, то и вы, и она заслужили хоть капельку радости в этой жизни.

— Мне так не кажется, — ответил Доминик, понуро опуская голову. — Мы оба, как по мне, давно зашли слишком далеко...

— Пф! Тоже мне “далеко”! В конце-концов, это не вы избрали путь отречения от мира, а она не сама выбирала за кого выйдет замуж. А человек — тварь свободолюбивая: что ты с ним не делай, он рано или поздно найдёт лазейку в своей клетке. Хоть бы и крошечную. Непременно.

— Вы так считаете?

— Я это видел сам. Моя жена была как раз из таких.

— Была? — повторил Доминик, но в следующую секунду, видимо, понял, что может скрываться за словом “была” и поспешно сменил вопрос. — И... она тоже жила в клетке?

— Да. Только в золотой. Она была дочкой видного купца, любимой и единственной. Матери у неё не было, умерла родами. Вот безутешный вдовец и оградил девочку от всего чего только мог. От всего мира по сути. Разумеется, исключительно из любви и заботы. То что дочь от такой опеки задыхается, он замечать отказывался, а она — не решалась сказать. Боялась, что разобьет его сердце.

— А потом?

— А потом она связалась со мной и я сбил её с пути истинного, — усмехнулся я. — Но свободу свою она отстояла сама. Я только поддерживал и восхищался.

— Серьёзно? — изумился Доминик. — Вот так вот взяла и стала перечить отцу?

— Ну, поначалу ей было очень тяжело и страшно. Однако вскоре оказалось, что тесть сдаётся намного быстрее чем мы думали.

— И... и как он это пережил?

— Нормально пережил. Не помер с расстройства, даром что в гневе грозился ни раз. Ему вообще, как по мне, было полезно через всё это пройти. Ощутить, наконец, что дочь — не фамильная драгоценность и не породистая комнатная собачка. Со временем он перестал видеть в ней несмышленную девочку и даже начал уважать.

Мелисса вновь очаровательно рассмеялась над чьей-то шуткой, встряхнула головой и русые пряди рассыпались по её хрупким плечам. Снова завораживающе похожее движение,

снова этот звонкий смех... Сказочно похожа.

Но вот только милая моя возлюбленная не стала бы скрываться и прятаться. Извелась бы, и всех вокруг бы извела, но расставила бы все точки над “и”, лишь бы избежать неприятных недосказанностей, которые она на дух не переносила. А ещё она не стала бы строить глазки кому-то ещё, тем более в моём присутствии.

Впрочем, всерьёз осуждать Мелиссу я не мог. В её доме, насколько я понял, ни о какой любви речи быть не могло. Неудивительно, что она стала искать её на стороне. А брат Доминик как раз готов дарить эту любовь в огромных количествах, за одно-единственное тёплое слово.

— Ваша супруга, должно быть, очень решительная женщина! — с уважением произнес монах.

— Да. Очень, — улыбнулся я и неожиданно обнаружил, что с лёгкостью отвожу взгляд от пленительно прекрасной госпожи Йонге. — Но повторюсь, она не всегда была такой. Предпочитала отмалчиваться и не спорить, пока не осознала, что свою жизнь нужно проживать самой, а не кому-то в угоду.

Брат Доминик, похоже, впечатлился последней фразой намного больше чем я ожидал. Настолько, что даже оторвался от тоскливого созерцания возлюбленной, переведя взгляд на меня, чего раньше он делать не решался.

— Жить свою жизнь самому... — снова повторил он. — Но... но постойте! Вы сами сказали, что отец её любил... И она ведь... она ведь не была послушницей? Не принимала целибат? Не отрекалась от мира? И она ведь наверняка... наверняка...

Он замолчал, так и не решившись произнести “была здорова”.

— Нет, от мира она не отвлекалась. Но это не значит что ей пришлось легко. Вопрос ведь не в том, насколько это сложно, а в том, решишься ли ты вообще отстоять у других собственную жизнь? Потому что если нет, то проживёшь вместо своей чью-то чужую.

На лице Доминика проступили следы самой настоящей внутренней бури.

— Но... Но как же... — начал было он и тут же осёкся, прерванный испуганным криком со стороны улицы:

— Нет, Симон, нет! Отпусти меня!

Женщины, вскрикнув отпрянули в стороны. Все, кроме Мелиссы, которую грубо держал за плечо уже знакомый мне щёголь, не далее как вчера вечером поджидавший меня в госпитале. Давешние мордовороты двумя теньями стояли у него за спиной. Он рычал сквозь зубы что-то про “потаскуху” и “неблагодарную дрянь”, а бедная девушка отчаянно пыталась вывернуться из его цепкой хватки.

Доминик подскочил было с места, но тут же пошатнулся и схватился рукой за край скамьи. Тебя-то куда понесло, переломят же пополам с первого плевка!

С другой стороны, я прекрасно его понимал, и сам стоять в стороне не собирался.

— Слышь, уважаемый! Руки убери, чай не на Роуз-стрит!

— О, кого я вижу! — Проповедник хватки не ослабил, но фокус его внимания сместился на меня. — Наш калечный добрячок, защитник сирых и убогих! Тебе не кажется, что ты не в том положении чтоб разевать на меня пасть?

— Сейчас мне скорее кажется что у тебя зубы лишние во рту, — ответил я. Зря. Ой, зря! ... Но было поздно: меня понесло. — Что за фетиш у тебя такой, женщин руками хватать?

— Серьёзно? — расхохотался Симон. — Ты мне ещё и угрожаешь? Слушай, а ты отчаянный как я погляжу! В нашем деле таких ценят. Только вот забывать с кем говоришь не

стоит. Да, парни?

Телохранители синхронно сделали шаг в мою сторону, оказавшись по бокам от хозяина и замерли, в ожидании приказа.

— Нет, нет, не надо! — испуганно вскрикнула Мелисса, не то мне, не то мужу.

— Г-господин Эванс!... Я... Мели... — послышался сдавленный крик за моей спиной. А за криком последовал звук упавшего на землю тела.

Нет. Только не сейчас...

Глаза девушки расширились от ужаса.

— Твоему дружку, похоже, дурно, — брезгливо произнес Симон. — Так что займись лучше своими обязанностями, лекарь. Потом с тобой разберусь.

На лице Мелиссы гнев и мольба сменяли друг друга. Гнев был предназначен Симону, а мольба — мне. И отказать ей в том, о что она молча просила, я не мог.

Очередной раз — уже сбился со счёта который — я сдержал почти невыносимый порыв гнева и отступил к брату Доминику, скорчившемуся у калитки. Проповедник злорадно оскалился и, грубо дернув супругу за руку, потащил прочь.

Я осторожно повернул монаха на бок, мысленно поклявшись, что если придётся всё-таки отрабатывать долг в “Тихом Омуте”, я собственноручно подсыплю мышьяка в эль этому подонку. Мэтр Янсенс, думаю, подскажет где его достать.

— Что тут случилось? — обеспокоенно спросил садовник, уже спешивший на помощь. — Ох Всемогущий Император! Опять брат Доминик! Погодите минутку, я сейчас позову братьев и...

— Нет, — остановил я. — Не надо звать никаких братьев. Лучше помогите отнести его куда-нибудь, где он сможет действительно отдохнуть. Вы же живёте где-то здесь, верно?...

Домик садовника был тесен и завален всяческим хламом. Кровать здесь была одна, но хозяин уступил её без лишних просьб и благоразумно удалился, оставив болезного на моё попечение.

Каким чудом на нас не обратили внимание другие храмовники — ума не приложу. Хотя я где-то в глубине души с нетерпением ждал когда сюда набегит толпа братьев, с которыми можно было бы вволю поскандалить и хоть тем отвести душу. Особенно здорово было б если б их возглавлял брат Зигфрид. Было мне что ему сказать.

Но братья так и не пришли. Должно быть Император в кои-то веки решил и впрямь позаботиться о своих верных.

Доминик пришел в себя минут через пять.

— Мелисса... — простонал он прежде чем смог толком продрать глаза.

— Тише, лежи!

— Я... Она... Исповедь...

— Нет. Сегодня как-нибудь без исповеди. Я с этого места не сойду пока ты не успокоишься и не заснешь.

Доминик замотал головой и попытался встать, но я был наготове, настойчиво уложив его обратно. Тщедушный Доминик и в обычном-то состоянии вряд ли мог что-то противопоставить мне, чего уж говорить о слабости после приступа.

— Сказал же, никуда не пуцу. Одна наша общая знакомая мне этого не простит.

— Что с ней? — простонал монах.

— Муж увел. Крепись. Он, безусловно, мудака, но ничего ужасного с ней не сделает.

Я кривил душой. Такие как Симон, как правило, считают жён чем-то вроде личного имущества. А если вещь негодная, то можно запросто от неё избавиться. Оставалось надеяться, что в этот раз Проповедник не прибегнет к крайним мерам.

Но говорить обо всём этом человеку после припадка представлялась мне крайне плохой идеей.

Доминик понуро уставился в потолок. Сморгнул несколько раз, но это не больно-то помогло: предательская слеза успела бежать. Осознав это, монах скривился словно от боли и закрыл лицо руками.

— Почему? — почти шёпотом сетовал он. — За что Император создал меня таким жалким слабаком? Почему раз от раза я могу только смотреть на этот кошмар, но ничего не могу сделать?

— Можешь, — возразил я. — Ещё как можешь.

— Что я могу? Усовестить этого человека? Или напугать его конвульсиями? Прошу, Гаррет, не смейтесь надо мной. Я всего лишь проклятый Всевышним больной калека. Толку с меня? И зачем я вообще на свет появился?

— Больной калека? — я приподнял бровь. — Слушай, ты извини, но по-моему твоя проблема не в падуцей болезни.

Доминик с удивлением посмотрел на меня.

— Ты ставишь эту болезнь во главе угла. Жалеешь себя постоянно. Сам считаешь себя ни на что не годным. Мысли о хвори владеют тобой и не дают тебе ни жить, ни действовать. Между приступами ты же вполне себе ходишь и разговариваешь, а физическая слабость не так страшна если есть голова на плечах.

— Но что я могу...

— Хоть бы и попросить помощи у собственно брата! Он же паладин, верно?

— Я... нет... он не станет... он расскажет отцу, и тогда...

Я закатил глаза, призывая на помощь всё своё терпение.

— Прости что лезу не в своё дело, но тебе не повезло не столько со здоровьем, сколько с сем

— Нет — нет! — встrepенулся Доминик. — Вовсе нет! Моя семья милостива ко мне, недостойному! Благодаря им у меня есть образование, крыша над головой и дело, которое я люблю. Любые другие родители удавили бы меня ещё в младенчестве.

— Не скажи. Другие родители очень разные бывают.

— Но я благодарен Господу нашему и Императору за своих! Это была его величайшая милость ко мне, ничтожному.

— Почему «ничтожному»? Лично мне ты ничтожным не кажешься. Я вот вижу перед собой человека сильного, в одиночку противостоящего тяжёлому недугу. Человека с удивительно стойкой волей, который встаёт и идёт даже тогда, когда должен бы лежать без памяти. Человека, преданного своему делу, чей труд останется на века. Прекрасный почерк, святой Азарий таким, увы, похвастаться не мог. А иллюстрации и вовсе настоящее чудо. Никогда не видел ничего подобного, хотя сам знавал художников немало. Плоды твоих ежедневных трудов переживут века и будут радовать глаз. Ничтожный человек так бы не смог. А тебе это по плечу.

— Я — сильный человек? — повторил Доминик, всё-таки приподнимаясь на локте. На

сей раз я не стал мешать: эту новую мысль не гоже было приветствовать лёжа. Только кивнул, подтверждая:

— Да. Сильный, стойкий и талантливый. И меня поражает то, с каким упорством всё это не видит твои ближние. А ты почему-то веришь им.

Он повернулся ко мне, покачнулся, и поспешил аккуратно улечься обратно.

— Спасибо... — произнёс он. — Я... я никогда не думал о себе вот так...

— Это-то и плохо, — ответил я. — Самое время начать. А ещё лучше — поспать перед этим. Садовник обещал сообщить твоим братьям где ты, если тебя вдруг потеряют. Отдыхай.

Доминик послушно закрыл глаза и дыхание его выровнялось. Парень провалился в сон так же внезапно как в очередной приступ.

И хорошо. Оставалось надеяться, что хоть на сей раз его никто не потревожит.

Когда ночная тьма пришла на смену зябкому осеннему вечеру, я уже брёл в обход злополучной Роуз-Стрит, которую успел всерьёз возненавидеть. Шёл и устало ни о чём не думал, почти полностью опустошенный. Только воображение навязчиво рисовало одну и ту же сцену: я сейчас войду в дом старухи, где Вилл встретит меня скорбным лицом и скажет, что уже всё. Осталось только выпить за упокой.

Надежда ещё теплилась, но в глубине души я ей уже не верил.

На что я рассчитывал, свернув на памятную осыпающуюся в овраг улицу, к заброшенным домам? Скорее всего никого там нет. Доминик, понятное дело, спит после приступа (по крайней мере я надеялся на это), но, быть может, Мелисса всё-таки вырвалось и смогла сюда добраться? Надежда была слабый и притянутой за уши, но сейчас мне нужна была хоть какая-то крупица пусть и глупой веры в то, что хоть где-то всё может наладиться.

Потому перед входом в дом я помедлил пару мгновений, не желая с этой самой надеждой расставаться. Ежу понятно, что там нет никого, и вообще глупо было сюда приходить. Но я всё же перешагнул через порог и прислушался. Ни шорох, ни шевеление не выдавали человеческого присутствия, но я отчётливо чувствовал что не один.

— Эй! Здесь кто-нибудь? — спросил я на удачу.

— Гаррет? Это вы? — раздался неуверенный голос откуда-то сбоку. Слабый голубоватый свет озарил лицо говорившего.

— Доминик? — раздосадовано произнёс я. — Ты же должен отсыпаться сейчас! Какого чёрта ты здесь делаешь?

— Я не смог, — повинулся монах. — Ни спать, ни ждать дальше. Я просто надеялся что она придёт, но...

Я тяжело вздохнул.

— Ты знаешь где она живет?

— Нет, — ответил он. — Я ведь почти не выхожу никуда... Да и она просила не приходить, иначе беды было бы не избежать...

— Ясно. Послушай, не уверен что есть смысл сегодня здесь торчать. Да и тебе стоило бы всё-таки выспаться. Она вряд ли придёт после такого скандала, иначе это вызовет подозрения. А если всё и впрямь совсем плохо, то ей нужно в храм, убежища просить, а не сюда идти.

— Она не придёт в храм, — печально ответил Доминик. — Ей нельзя.

— С чего это вдруг? — удивился я, но ответ повис в воздухе.

— Опачки! Какая встреча! — единственный выход из дома перекрыла человеческая фигура. И не одна. — Ну наконец-то, мразота ты скользкая! Попался таки.

Говоривший шагнул в дом, и был это тот самый не похожий на местных парень с кольцом в ухе, которого я видел в подворотне и которого мне описывал Зак. Четверо его подельников вошли в дом следом. Мы с Домиником отступили на шаг к противоположной стене. Очень осторожно, но я всё равно почувствовал как доска опасно напряглась под сапогом.

— Что надо? — спросил я.

— Прекрасно знаешь что, — хищно осклабился смуглый. — Где твой бритый приятель?

— Мёртв.

— Это понятно. Тело где?

— На черта тебе тело? Хочешь убедиться?

— Хочу голову с трупа. Если он и правда труп.

— Тогда нанимай рыбаков и ныряльщиков. Тела матросов должна принимать река.

— Врёшь! — прорычал бандит. — Не сдох он ещё. И ты сейчас покажешь где, мать его, та грязная нора в которую вы вчетвером забились!

— Вы что, действительно так её и не нашли?! — искренне восхитился я, чувствуя как приливает вдохновение. — Я ожидал от вас большего. Думал выследили давно, а вы, оказывается, и это не сдюжили!

— А чего за вами следить? Щас сам нас туда и приведешь, — усмехнулся старший. — Хватай его, парни!

Четверо его подручных направились ко мне перекрывая все пути к отступлению. Позади были только Доминик и сплошная стена. На стороне бандитов были и опыт и численный перевес, а на моей — только накопленная за последние дни злость, которую я вынужден был глотать день за днём. Именно она, наверное, и уравнивала шансы.

Ситуация могла бы показаться патовой, но я почему-то больше не чувствовал ни страха, ни сомнений. Вообще ничего. Только пьянящую радость, что больше не нужно сдерживаться.

Так что я с облегчением улыбнулся сам себе и со всей дури пнул памятную доску. Она взлетела вверх, в аккурат ближайшему между ног. Тот завопил, отшатнулся, неудачно покачнулся и гнилой пол не выдержал. Парень обрушился в подвал вместе с обломками досок. Его ближайший соратник оступился и полетел следом.

Минус два. Остались ещё двое по флангом. В того который был ближе к монаху полетел кусок доски с опасно торчащими гвоздями. Бросок, разворот и я едва успел перехватить за руку второго. Тот не ожидал от меня такой самоубийственный прыти, но тут же ударил с головы. На мгновенье всё смешалось, но вместо того чтобы оглушить, противник сделал меня только злее. Эту ярость я и вложил в ответный пинок из-за которого бандит отшатнулся и полетел в подвал следом за двумя подельниками.

Четвёртый от деревяшки увернулся, и теперь логично решил, что если как следует прижать моего беззащитного приятеля, то я сразу стану сговорчивее. Хвала богам, у Доминика хватило ума отползти в сторону, буквально чудом вывернувшись из лап налетчика и подарив мне свободу для маневров. Подхваченный впопыхах старый черенок от метлы с треском сломался об его башку и парень кулём рухнул на пол.

Эйфория. Так вроде называется то чувство беспечной радости, которое овладевало мной

все сильнее и сильнее с каждым поверженным врагом. Но в этом пьянящем восторге я упустил их главаря. А тот, в свою очередь, уже понял чего от меня ожидать.

На меня обрушился увесистый удар в спину. Я пошатнулся и едва успел схватиться за стену чтоб не упасть. В эту же стену меня впечатали лицом буквально в следующий миг. А потом ещё раз. И ещё. И ещё.

— Ну всё, хорёк, отбегался! — злорадно прошипели у меня над ухом, и удар последовал снова. Я едва не отключился, с ужасом начиная понимать, что сам не выберусь. Всё что я мог — повернуться немного, чтобы попытаться плечём смягчить удар, но надолго меня не хватит. Чёрт... И помощи ждать неоткуда. Не от забившегося же в угол Доминика, сбивчиво и отчаянно умоляющего милосердного лжебога освятить путь потерянными во мраке? Что с него взять? Что он в самом деле может, кроме молитвы?...

Но в следующий миг ослепительная вспышка света резанула по глазам и раздался оглушительный треск. Мне за шиворот настоящим ливнем посыпались опилки, а хватка темнокожего верзилы ослабла.

— Ах ты крыса храмовая!...

Мне хватило этой заминки для разворота, так чтоб встать спиной к монаху и мистическому источнику света. Враг же оказался к нему лицом. Он щурился, отступал держась за глаза и тщетно пытаясь стряхнуть пыль и опилки: видимо Доминик пересилил страх и огрел его валявшийся тут среди прочего хлама трухлявой доской.

Я не стал ждать когда враг придёт в себя и ударил первым. Послышался хруст ломаемой челюсти, и главарь отшатнулся к стене.

Сами Боги велели схватить за загривок и вернуть должок.

Удар.

Ругань.

Удар. Удар.

Ругань становится отчаяннее.

Удар. Удар. Удар.

Нечленораздельный стон.

Удар. Удар. Удар. Удар.

Тело обмякает, и бить его лицом об стену становится не с руки.

А вот об пол — в самый раз!

Удар. Удар. Удар. Удар. Удар.

— Гаррет! Гаррет, прекратите! Вы же убьете его! — донесся до меня перепуганный голос брата Доминика.

Ослепительный свет померк, а я — замер, вдруг четко осознав, что только что именно этого и хотел: убить. Осознал и убрал руки от окровавленной головы поверженного противника. Только толку с того? Было явно поздно. Жизнь ещё теплилась в теле, однако сам он был уже не в сознании, и вряд ли теперь в него вернется.

Боги...

Тот, которого я зашиб метлой, застонал и пошевелился, а из подвала послышалась возня и ругань.

— Уходим отсюда, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Доминик побоялся возражать.

Затеряться в лабиринте трущоб не составляло особого труда. В отличии от принятия содеянного. Я ведь точно поймал момент когда сознание покинуло тело, но продолжал бить, одержимый единственным желанием: увидеть как лицо врага превращается в кровавое месиво.

Нет, быть того не может! Это же был не я, правда? Не я, а тот, другой, который приходит во снах.

Конечно, молодец! Давай, успокаивай себя дальше, перекладывай вину на парня которого на самом деле не существует. Мол, это всё он, а ты по-прежнему сама доброта и воплощённое милосердие! Правда-то довольно неприглядна, да?...

Чёрт... Чем дальше тем чаще я сам себя пугаю. Кстати об этом: если уж страшно даже мне, то каково сейчас моему невольному спутнику?

— Доминик, ты как?

Монах, который всё это время шел следом, не смея ни уйти, ни приблизиться, ни заговорить, вздрогнул.

— Я — я - я... — замялся он. — По правде говоря...

Еще того хуже. В глазах скриптографа застыл неподдельный ужас. Он тоже меня боялся.

— Ясно, — я тяжело вздохнул. — Слушай... прости что так вышло. Они ведь за мной шли, а я на сей раз их проглядел. Спасибо тебе за помощь, без тебя я бы пропал. Это было смело. И... и спасибо что остановил меня. Я... я немного перегнул палку.

— Н-немного? — нервно повторил Доминик.

— Ладно. Не немного. Прости что напугал. Надеюсь... надеюсь я всё-таки его не убил.

— А он... он что, был ещё жив?...

— Вроде. Не знаю. Чёрт... — я поднял руку и обнаружил что меня трясёт почти как немощного старика. Голова раскалывалась от боли: встреча со стеной тоже даром не прошла.

— Гаррет? Вам плохо?

— Нет. Нормально. Жить буду.

“А тот парень — уже нет!”

— Ох, Император Милосердный! А если она всё-таки придёт туда?...

— Будем надеяться что не придёт.

— А нам теперь что делать?

— Тебе — лучше бы вернуться в храм, в нём безопасно.

— А-а вы?

— А мне нужно в трущобы. Там мои друзья. Один из них в очень плохом состоянии, а я сделать ничего не могу.

— Он болен?

— Ранен. Серьёзно. Рана эта воспалилась, и всё довольно скверно. Мне нужно ему лекарство принести, и дурмана за одно, чтоб он хоть заснуть смог, так что мне нужно спешить. Ты сам как, сможешь найти дорогу в храм? ·

— Я бы рад, но... но я понятия не имею где мы, — покачал головой Доминик.

Я вздохнул, смиряясь с неизбежным.

— Ладно. Тогда идём, если тебя не смущают нищета и разруха. Тут недалеко.

Увидев лицо Вилла, я в первый момент приготовился услышать, что всё кончено. Но вместо этого он с надеждой воззрился на моего спутника. Непривычный к такому

пристальному вниманию монах смутился и почти по-детски отступил мне за спину.

— Всё нормально. Это брат Доминик, я о нём говорил.

— О как! Ну проходите тогда, нечего маячить! — поторопил Вилл, пропуская нас внутрь. — Ну ты даешь, дружище! Во что впутался в этот раз? Помогаете парню сбежать из монастыря?

— Что там с Бонзой? — перебил его я.

— Что-что... — помрачнел Вилл. — Не случилось твоего чуда. Похоже дело дрянь.

— Эван.

Я с тревогой всмотрелся в лицо своего приятеля, пытаюсь понять к чему это он? Бонза лежал с закрытыми глазами и тяжело дышал, но был ещё в сознании. Бредит?

— Нет. Это я, Баи.

— Эван Карт, — повторил Бонза. — Моё имя. Настоящее.

— Да уж, — горько усмехнулся я. — Вот и познакомились, мать его так.

— Ты в Блекберри пойдёшь? — спросил он всё так же не открывая глаз.

— Да. Пойду.

— Тогда возьми мой кошель. Спроси там где дом тетушки Карт. Мамка моя. Отдашь ей... от меня... И это... если она спросит... скажи, что я уплыл с колонистами за океан... покорять новые земли. Что меня старпомом взяли... и про золотые горы там скажи. Соври что-нибудь. Будет на меня злиться — пусть. Лучше так...

— Передам, — пообещал я. — Всё до последнего медяка.

— Спасибо, — с облегчением произнёс Бонза. — Повезло мне всё-таки встретить тебя чистолюя, с твоей дурацкой честностью. Как знать, может злодейка-судьба ради этого нас и свела.

— Ты это, погоди умирать раньше времени! — сказал я, хотя прекрасно знал уже что времени у него осталось немного. — Может быть ещё обойдётся. Бывали случаи когда тело побеждало вопреки всему. Ты ведь не ребёнок и не старик, чёрт тебя подери, ты здоровый взрослый мужик в расцвете сил! Борись, мать твою! Ты ведь сам рассказывал как выходил из худших передряг сухим! А тут из-за какой-то гнойной царапины...

Бонза несколько раз судорожно вздохнул прежде чем произнести:

— Прости, дружище. Не в этот раз. Костлявая рядом. Я её чувствую. А во сне батя приходит. Зовёт с собой. Пойти бы уже. Толка с меня теперь, только вы трое из-за меня в наседок превратились.

— Я тебе уйду за покойным отцом!...

— Ша. Ты ж целитель. Должен ж спокойно относиться к смерти. Просто... будь другом, а? Напоследок. Дурмана дай. Поспать нормально...

...я прикрыл за собой дверь каморки и встретился взглядами с Виллом и Заком. В них больше не читалось невысказанного вопроса «ну что?», потому что печальный ответ мы втроём уже знали.

— Спит, — ответил я, не выдержав молчания.

— Ты дал ему дурмана? — осторожно спросил Зак.

— Да. Чтобы помочь уснуть.

Зак замялся, собираясь с духом.

— Может, стоило бы дать дозу больше? Чтоб он хоть не мучился уже, а?

Вилл смолчал.

— Я думал об этом, — ответил я, ощущая навалившуюся на меня почти непосильную тяжесть. — Может так будет лучше. Сейчас он уже спит, и то что у меня было — закончилось, но завтра... Давайте завтра вечером. Я всё принесу. Хоть простимся по-человечески.

Вилл и Зак с облегчением кивнули. Я и сам рад был отложить это тяжкое дело на потом.

За столиком незаметной тенью сгорбился брат Доминик, наблюдавший за нами. Я догадывался, насколько лишним он чувствует себя здесь в этот скорбный момент.

— Ладно, — бесцветно сказал Вилл. — Тогда тебе есть смысл вернуться в лазарет, заодно вот, товарища проводишь, — он кивнул в сторону монаха. — Хоть выпишь нормально за одним, а то на тебя смотреть страшно.

— И то верно. Спасибо ребят. Давайте, до завтра.

— Да. До завтра, — печально ответил Зак.

На обратном пути Доминик шёл на полшага позади меня, словно тень. Долгое время он молчал, погружённый в свои мысли. Ближе к Роуз-стрит всё-таки решился спросить.

— А что случилось с вашим другом?

— Бандиты порезали, — я больше не видел смысла таиться. — Он спасся, но рана воспалилась.

— Он...

— Он очень плох. Я сделал всё что мог. Даже мэтр Янсенс говорит, что дело безнадежное.

Доминик не на шутку встревожился.

— А как же алхимические снадобья?

— У нас нет столько денег, — пояснил я. — Алхимические эликсиры по карману только знати, и то не всей. А мы кто? Рыбак, менестрель и ученик целителя. Прав старина Вилл: мы ничего не можем сделать.

Монах попытался ещё что-то сказать, но, потупив взор, передумал. Так в молчании мы и добрались до заветной двери в храмовой ограде.

— Гаррет, вы ведь придёте завтра в библиотеку? — спросил Доминик.

— Приду, — ответил я. — Ненадолго. Сомневаюсь что буду в состоянии вдумчиво читать.

— Хорошо, — Доминик робко протянул руку. — До завтра, полагаю?

— До завтра, — я принял рукопожатие. — Добрых вам снов, брат Доминик.

Подворье госпиталя пустовало, а свет горел только в комнате дежурного целителя. Сегодня это Мэгги или Шон? Не помню. Впрочем, какая разница?...

Я чувствовал себя почти смертельно усталым и пустым. Просто брёл к двери в надежде упасть на кровать, заснуть и не просыпаться больше никогда.

Но при виде меня Рэни вдруг подняла голову и звонко гавкнула, рискуя перебудить всех в лазарете. Я удивлённо подошёл к ней и опустится рядом.

— Привет, девочка. Ты уже лучше, как я посмотрю?

Собака с неизъяснимым сочувствием вглядывалась в моё лицо, будто чуяла что я чем-то опечален.

— Эй, ну чего ты?

Вместо ответа меня слюняво лизнули в щёку. Раз, другой, третий... похоже, она не собиралась останавливаться, а я не видел смысла отстраняться. Погладить разве что и снова назвать «хорошей девочкой». Надо же! Она ведь с самого дня смерти господина Дэ Винтера лежала не шелохнувшись! Я даже внутренне смирился с тем, что она просто зачахнет. А она вдруг вот...

— Господин Эванс, вы тут! — обрадованно прозвенел девчачий голосок. — А мы все думали вы снова явитесь только под утро...

— Эви? — удивился я, всё-таки отстраняясь от ожившей собаки. — Ты чего не спишь? Ночь на дворе!

— Я знаю, — по-детски виновато произнесла девочка. — Я просто читала ту книгу, ну, которую вы мне разрешили, и всё никак не могла остановиться. А потом услышала незнакомый лай, а тут вот... — она присмотрелась ко мне пристальней, заметила синяки и улыбка тут же сползла с её личика. — Что с вами случилось? Вы подрались с кем-то? Вы не ранены? А что с вашим другом, которому нужна помощь?

От последней фразы внутри что-то ёкнуло, и словно почуявшая это собака удвоила напор. А умная девочка, кажется, всё поняла.

— Это... это грустно. Простите.

— Ничего. Не бери в голову.

Эви замялась на секунду.

— Может тогда вам стоит зайти внутрь? Ночь холодная очень... А на кухне ещё остался пирог...

Пирог и правда остался. Эви притащила мне пару кусков и кружку с остывшим травяным отваром, а сама уселась рядом.

— Спасибо, — растерялся я. — Ты сама-то как, ужинала?

— Вместе со всеми, — ответила Эви. — Нэн говорит что если кушать хорошо и вовремя, то и здоровье будет лучше. А целителю оно очень нужно.

— Вот как? — подначил я. — А как на счёт ложиться спать вовремя?

— Я больше не буду засиживаться! — покраснела Эви. — Обещаю!

— Ловлю тебя на слове, малыш. Тебе по прежнему нужны сон и спокойствие.

— Я понимаю. Но там, в книге как раз рассказывалось о том как лечить болезни сердца! Никогда не думала что это окажется так интересно! Неужели всё это возможно? Я всегда думала что в больницах творится какая-то магия, а оказывается нет, оказывается я тоже так смогу если захочу.

— А ты этого хочешь?

— Да, — твёрдо ответила девочка. — Я хочу быть как вы, господин Эванс. Я тоже хочу помогать тем кому нужна помощь.

Я устало спрятал лицо в ладонях.

— О нет, Эви. Ты не хочешь быть как я. Я вообще ну такой себе пример для подражания. И толку с моей помощи никому нет. А мир вообще жесток к тем кто протягивает руку ближнему. Каждый второй будет думать что у тебя корыстные намерения. Каждый пятый не прочь будет ударить в спину. Это не говоря уже о том, что все вокруг будут звать тебя не иначе как «дурой», если вздумаешь стоять на своём.

— Значит, пусть называют, — ответила Эви. — Лучше я буду такой вот дурой, чем кем-то вроде госпожи Коппинс.

Я едва не расхохотался. Снова нервы.

— Достойное намерение. Тогда добро пожаловать в ряды дураков. А теперь давай-ка всё-таки спать. Завтра будет очень тяжёлый день.

Тяжёлый день...

Спал вроде без снов. Или, быть может, я их просто не помнил.

Неласковое утро встретило дождём.

За ночь в городе произошло несколько пьяных драк, и потому работы для меня было под завязку. Я ассистировал Мэгги, тайком вглядываясь в лица пострадавших, не то боясь, не то наоборот, желая увидеть среди них одно конкретное, в кровь разбитое об пол. Может он жив? Может ему ещё можно помочь? Может у меня будет шанс смыть это пятно со своей совести?

Но такого человека среди битых и контуженых не было. И о дальнейшей его судьбе гадать не приходилось.

Убийца. До этого дня я был им вынужденно. Я должен был бежать от следопытов. Я отбивался от разбойников плечом к плечу со своими товарищами. Но теперь? Как мне оправдать себя теперь? Тот человек теперь мёртв. Мёртв просто потому, что я не смог вовремя остановиться.

А вечером мне предстояло совершить ещё одно убийство. Смысла ждать больше не было. Пять бутылочек с дурманом лежали в сумке и ждали своего часа. Достаточно, чтоб уснуть и больше не проснуться. Никаких больше мучений. Никакой боли. Наступит вечер, я приду к старухе и собственноручно положу конец агонии своего друга. Сам. Не мог я переложить это бремя на плечи Зака и Вилла.

“Это акт милосердия,” — напоминал я себе, и тут же нечто внутри возражало: “Нет, погоди! Может вы просто рубите с плеча? Может быть ещё есть надежда?”

Но надежды не было, и мне с утра кусок в горло не лез. Ожидание томило, а минуты казались часами. Свершить бы всё уже, и дело с концом. Исход-то неизбежен.

Вместо того чтоб отправиться обедать я вышел во двор, надеясь что свежий, пахнущий дождём воздух позволит мне хоть немного взбодриться. При виде меня Рэни подняла уши, села и завиляла хвостом, сметая дворовую грязь словно метлой. Я с облегчением отметил, что вчерашняя метаморфоза мне не приснилась. А ещё что ей, похоже, всё равно что я там вчера натворил и какой груз у меня за душой. А может наоборот, она прекрасно это чувствовала, и потому я вдруг стал ей ближе и понятнее.

Словно утешая, Рэни облизала мне руки и лицо, и даже позволила накормить себя парой кусочков хлеба. Похоже, ей понравилось.

За этим занятием нас и застала Эви, выглянувшая на задний двор с миской рагу и большой кружкой чая в хрупких руках.

— Господин Эванс, Нэн опять жалуется что вы ничего не едите!

— Всё в порядке, малыш. Я не голоден.

— А может всё-таки покушаете? — жалобно спросила девочка. — Вы же мне всё время говорите что надо, даже через силу, а то совсем ослабну. А сами-то?

— Ладно, уела! — сдался я. — Давай сюда твоё рагу. И чай тоже.

Некоторое время мы сидели в молчании. Я — пытался есть, а Эви внимательно следила за этим процессом, словно опасаясь, что я сжульничаю и скормлю свою порцию собаке. А хотелось. Впихнуть в себя даже ложку оказалось задачей не из лёгких, но не отступаться же

от собственных слов? К тому же мелкая была права.

От её внимательного взора это тем не менее не укрылось.

— Вы простите... но вам правда стоит покушать хоть что-то.

— Да всё нормально, — ответил я. — Ты в конце концов права. И так держать: ты же теперь будущий целитель. Заставлять всяких нерадивых пациентов думать о себе — это часть твоей работы. Главное — это со временем научиться быть грозной, как наша Мэгги, так чтоб никто не смел с тобой спорить.

— Я... по поводу этого... — Эви стушеввалась и опустила голову, рассматривая стоптанную пыль у своих ног. — Господин Эванс, я, наверное, вернусь на Роуз-Стрит.

Я поперхнулся и закашлялся.

— Что?! Зачем?!

— Потому что я не хочу чтоб вы из-за меня всю жизнь работали на бандитов, — ответила она. — Вы и так очень многое для меня сделали. Больше чем кто-либо когда-либо для меня делал. Но я вижу как вам тяжело! У вас столько работы, умирает друг, и этот жуткий господин Харди, и теперь ещё и я... Понимаете... я тоже очень-очень хочу хоть чем-то вам помочь. Но всё что в моих силах — это вернуться в бордель и перестать быть проблемой.

— Хочешь помочь, говоришь? — спросил я строго. — Тогда знаешь, есть кое-что очень важное что ты могла бы сделать. Как раз тебе по плечу.

Эви решила поднять на меня глаза.

— И что же это?

Я обнял её за плечо.

— Не сдавайся. А тем более так просто. Так мне легче будет держаться самому. И если мы выстоим, то рано или поздно что-нибудь придумаем. Обязательно. Я же уже обещал.

Читать я сегодня просто не смог бы, и в библиотеку я пришёл скорей повидать Доминика и узнать, не появлялась ли Мелисса? Но о ней не было вестей со вчерашнего дня. Даже её подруги из числа храмовых помощниц разводили руками, даром что слыли главными собирательницами слухов и сплетен.

Впору было клясть богов за их жестокость к роду человеческому. Да только что толку с того? Этот самый род давно от них отрёкся. Да и тем, кто остался им верен, они не больно-то помогли. И мне тоже не помогут. Я даже не надеялся.

Что ж, во всяком случае сегодня одной бедой станет меньше. Хотя видят забытые боги, я многое бы отдал лишь бы Бонза жил дальше. А потом придется просить у этой паскуды Проповедника прощения за резкие слова и продаваться в рабство в “Тихий Омут”. Хотя вряд-ли что-то выйдет теперь, после того как я ему зубы выбить пообещал... Сам себе всё испортил. Молодец!

— Добрый вечер господин Эванс, — робко произнес брат Доминик, тихо подходя к столу.

— Вечер добрый, но, к сожалению, не для меня, — ответил я, закрывая книгу. — Как, есть какие вести от Мелиссы?

— Я тоже самое хотел спросить у вас, — печально сказал монах. — Я надеялся, что может хоть вы...

— Нет. Ничего я не слышал о ней. Попробую разузнать на днях, как только разберёмся с похоронами.

— С похоронами? — взволновался Доминик. — Погодите, погодите! Может не стоит так спешить? Может если найдётся нужное средство, то могут быть ещё шансы на лучшее?...

— Нет. Шансов уже нет. Это уже просто нужно принять. Знаешь, порой лучшее что ты можешь сделать для кого-то — это дать ему уйти с миром и безболезненно. И это всё, что нам сейчас осталось.

Монах сник. Казалось он мучительно подбирает слова утешения, но всякий раз, подобрав, осознаёт как жалко они звучат. И правильно. Не надо, лучше молчи. Здесь больше не о чем говорить.

— Гаррет, — наконец решился он. — Я могу попросить вас принять вот это?

И в руки обомлевшему мне лёг стеклянный флакон с мутной бордовой жидкостью. Я в изумлении поднял на него взгляд, как раз в тот момент когда он кротко опустил свой.

— Это же...

— Мне принесли его когда я поранился, — пояснил Доминик. — Хватило всего одного глотка. А всё это — осталось. Возьмите. Мне регулярно приходится пить эликсиры, и если понадобится — отец распорядится принести мне новый. А про этот я скажу что разбил его во время припадка. Мне поверят. Такое уже бывало.

У меня перехватило дух от волнения. Боги... как это возможно? В чём подвох? Это всё слишком хорошо чтобы быть правдой...

— Доминик, я...

— Прошу, не отказывайте мне в возможности хоть раз в моей бесполезной жизни сделать что-то действительно важное! — перебил монах и голос его сорвался. — Пусть тот несчастный живёт! Счастливый он человек, раз у него есть такие друзья как вы.

— Твоя жизнь не бесполезна, — возразил я, пряча его бесценный дар в поясную сумку — Ты создаёшь книги, которые останутся в веках. У тебя светлая и чистая душа, в которой на самом деле нет ни грамма порока. И когда-нибудь люди прозреют и увидят это. Обязательно.

— Это не так, — Доминик опустил взгляд от и отступил на шаг. — Но спасибо вам за ваши слова. Я буду помнить их. А сейчас вам, наверное, стоит поспешить. Надеюсь ещё не слишком поздно.

— Спасибо, — я только кивнул, уже шагая к выходу. Переходя на бег. Благодарности и проповеди оставлю на потом. Всё потом.

А сейчас я несея через улицу так быстро как только мог. Мимо храма, мимо ратуши, мимо управы городской стражи, обойдя по параллельной улице злополучную Роуз-Стрит.

Надежда зажглась! Теперь только бы успеть. Только бы не было поздно...

Я бежал и сам не верил то, что происходит. Так не бывает, это всё сон какой-то! Я сейчас проснусь и окажется что я просто уснул за чтением, бесконечно уставший от происходящего.

Но рука нащупала в сумке заветный флакон, который никуда не исчез и даже не собирался.

Похоже, придётся поверить.

Улицы трущоб ещё не опустели в этот час, потому приходилось выбирать дорогу осторожнее. У каждого поворота я внутренне содрогался от мысли, что местная шпана сейчас заинтересуется моим кошельком, Бонзой или боги знают чем ещё, и тем самым

задержат меня хоть бы и на пару мгновений. Но и тут обошлось: никто так и не встретился мне почти до самого спуска в памятный овраг с пролегающей по дну сточной канавой. Той самой, по которой раненый Бонза и дополз до дома старухи почти неделю назад. Спуститься в него означало без проблем добраться до места.

Оставался последний проулок между домами. Я сбавил ход, шагнул в него и остановился от неожиданности.

— Госпожа Йонге?!

Мелисса Йонге стояла между мной и выходом из проулка. Она тяжело дышала, опираясь на стену рукой, а вся её одежда была изодрана и испачкана пятнами крови.

— Гаррет? — произнесла она каким-то отстраненным голосом, с трудом фокусируя на мне взгляд.

— Госпожа Йонге! — у меня от сердца отлегло, второй раз за эти волшебные полчаса. — Вы здесь? Что с вами произошло? — я сделал шаг к ней. — Мы с Домиником не знали что и думать!

Губы девушки задрожали и она порывисто бросилась ко мне. Обхватила руками, прижалась всем телом, будто ища спасения в моих объятиях.

У меня перехватило дыхание. Она жива! Это казалось чудом, ещё более невероятным чем подаренный Домиником флакон. Я обнял её в ответ, крепко, ни на что не оглядываясь, такую волнующе близкую, столь непостижимо похожую на Бригги, и ощутил, как у неподъемный груз сползает с плеч.

— Вы не ранены?

— Не знаю... не помню!.. — всхлипывала девушка, уткнувшись мне в грудь.

— У вас всё платье в крови. Что случилось?

— Симон! — сбивчиво бормотала Мелисса. — Он... он...

— Что случилось? Что он сделал?

— Он... он... я... — на этом внятные слова у нее кончились, превратившись в поток нечленораздельных рыданий.

— Ладно. Успокойтесь! Теперь всё в порядке, — я смирился с тем, что сейчас ничего толком от неё не добьюсь. — Давайте-ка лучше убираться отсюда. Тут недалеко дом моих друзей. Там вы будете в безопасности. Успокойтесь и расскажите, что с вами произошло, хорошо?

— Спасибо Гаррет! Вы так добры!... - она подняла на меня заплаканные зелёные глаза. — А мне так страшно! Прошу вас, помогите мне! Я не знаю что мне теперь делать...

Её распухшие, слегка приоткрытые губы трепетно подрагивали в такт дыханию. Близко. Опасно близко.

Интересно они на вкус тоже покажутся знакомыми?...

...что со мной такое? Я же должен спешить. Да и опасно здесь торчать, я ведь не знаю ищут ли её и что с ней стряслось...

Но мир вокруг словно исчез. Только кровь стучала в висках.

...и чего ты стоишь как дурак? Доминика тут нет. Никого тут нет, кроме неё. А она беззащитна и напугана. Всего лишь небольшое утешение. Акт сострадания, если тебе так будет спокойнее. Давай, поцелуй её! Ты ведь сам этого хотел. Хотел с того самого момента когда случайно увидел её на улице. Эта женщина поможет сгладить боль утраты. Эта женщина...

...чужая. И не сгладить боль она поможет, а просто-напросто обмануть себя самого.

Ведь меня так тянет к ней лишь из-за этого сходства. Это погоня за отражением, а не за самой Мелиссой. Это нечестно по отношению к ней.

И к Доминику. Человеку, который вчера прикрыл мне спину, а сегодня отдал мне величайшее сокровище: заживляющий эликсир, который сам я не достал бы никогда. Я не мог поступить так с Домиником. Потому сжал волю в кулак и отстранился.

— Давайте поспешим, госпожа Йонге. У нас на самом деле очень мало времени.

Её лицо исказилось гримасой гнева.

— Жаль, — произнесла она. — А я надеялась что выйдет по-хорошему.

И, вцепившись мне в горло, с нечеловеческой силой приложила об стену дома.

Последнее что я помнил — это тот хищный оскал, в который превратилась обманчиво знакомая улыбка.

А дальше была тьма.

Вначале мне казалось, что я снова вижу сон.

Будто я стою на клочке дощатого пола, повисшего над пропастью, дна у которой нет. Алое, зловещее свечение исходит из недр, и отблески его озаряют низкие тучи над моей головой багрянцем, словно зарево пожара.

Бездна стенает неисчислимыми голосами. Мужскими, женскими, детскими, звериными.

«Слышишь? Ты слышишь! Выпусти! Выпусти! Позови! Меня! Меня! Нет, меня! Я дам тебе всё что ты захочешь! Я истреблю всех на кого ты покажешь! Я буду служить тебе! Я буду любить тебя! Я всё за тебя отдам! Выпусти! Выпусти! ВЫПУСТИ!»

Множество рук, ручек и чудовищных когтистых лап тянется из огня вверх. Все как одна с раскрытыми ладонями, в тщетной надежде ухватиться за что-нибудь.

Дыхание перехватывает, а ноги сами собой подкашиваются.

Проснуться! Нужно срочно проснуться! Это уже слишком! Пожалуйста, пусть они замолчат! Крики эти способны свести с ума. Замолчите! Я не знаю кто вы такие, и знать не хочу, и ничем не могу вам помочь. Не хочу помочь. Ведь стоит мне протянуть руку — и я пропал.

«Соберись, чтоб тебя! Открой глаза, наберись храбрости!»

«Это не сон, не сон! Что мне делать? Это страшное место не для человеческих глаз. Почему я это слышу? Почему я не просыпаюсь? Где я?»

«Успокойся и думай.»

«О чём? О том что будь всё иначе, будь я тем, кем должен был быть, я бы знал?»

«Знал бы, наверняка знал бы! Только это теперь не поможет.»

«А что поможет?»

Вопрос остался без ответа. Хор голосов сделался оглушительно-невыносим. Приближался. Всё что я смог — это попытаться зажать уши посильней. Так сильно, что в какой-то момент услышал стук собственного сердца.

Тук-тук.

«Как младенца прошедшего через муки рождения исцеляет стук сердца матери, бывшей для него всем миром, так же и Сердце Мира, материнское сердце всех живых существ, умиротворяет и исцеляет раны.»

Тук-тук.

Сердце Мира. Великая Мать.

Тук-тук.

Помоги мне!...

Тук-тук.

Пожалуйста!...

Тук-тук.

Я не маг. Не друид. Я не знаю тебя. Но прошу, помоги мне!...

Тук-тук.

Мама...

Словно отзываясь на это слово, ритмичное сердцебиение вдруг стало сильней, пронизывая меня насквозь, как тогда, в Валлейском лесу.

Липкий страх отступил словно отхлынувшая волна, и я открыл глаза.

Голоса не утихли, но изменились. Стоило мне встать на ноги, мольбы их усилились, и руки потянулись ко мне в поисках помощи с новой, неистовой силой.

«Помоги! Помоги! Вытащи! Вызволи! Мы не можем! Мы не хотим! Смилуйся!»

Страх не было больше.

И я откуда-то знал, что если не протянуть им руки, то существа эти не будут иметь власти надо мной.

«Смотри. Вон там!» — не то шёпот, не то возникшая в голове мысль.

Из недр бездны поднималась яркая огненная лента, словно хвост огромной змеи. Недалеко от меня, на другом таком же висящем в пустоте фрагменте пола, она обретала очертания женщины, склонившейся над серой человеческой фигурой. Или тенью скорее, как если бы тень могла существовать в трёх измерениях. Жизнь еле пульсировала в ней, каплями стекая из разорванной груди на ладони гостьи из Бездны. Та жадно пила глоток за глотком, а когда драгоценные капли в горсти заканчивались, тень настойчиво подтягивала её руки к разрыву, словно предлагая набрать ещё.

Я мог бы поклясться, что видел слёзы огненно фигуры. Она мотала головой, отказывалась, но неутолимая жажда в конце концов брала над ней верх.

Что это такое и почему от этого так тоскливо?

«Иди и коснись его!» — снова не то голос, не то мысль, вдруг возникшая в голове. — «Верни его туда, где он должен быть. Ничего не бойся, ибо я буду с тобой.»

— Кто здесь? Что тебе нужно?! — вскричала огненная женщина-змея, вся подобравшись как перед прыжком. Черты её вдруг показались мне знакомыми. — Ты?! ТЫ!! Как же это?! Что ты здесь?...

— У меня к тебе тот же вопрос, — забыв о бездне внизу я направился к ней, и пол сам собою стал появляться под ногами. В этот момент я не думал отчего так. Знал только, что пока слышу загадочный ритм, со мной пребывает сила могущественнее десятков тысяч таких как это порождение Бездны. — Кто ты, и что ты делаешь?

— Не подходи! — женщина взвилась коброй, заслоняя собою тень. Драгоценные капли стали изливаться на пол.

— Не подходить? А мне на секунду показалось, что тебе жаль этого беднягу.

— Не шагу больше, маг! — она угрожающе раздулась в размерах, словно шипящая кошка. — Иначе я...

— Иначе что? — я и не думал останавливаться. — Ты сама не видишь, что ему плохо? Ты не видишь, как он слаб? Ты меня не подпускаешь. А что если я могу помочь ему?

— Ты не можешь. Вы не можете! Не хотите! Это вы с ним сделали! Вы! Ему только я помочь могу! Я! Я одна, и никто больше!

Рывок, и огненная масса обрушилась на меня.

За тем — вдох, кашель, дикая боль в затылке, ломота в затёкших руках, накрепко связанных за спиной. Нечеловечески сильная и неправдоподобно горячая рука отвечает мне оплеуху.

— Просыпайся, лакомый кусочек! Время умирать.

Голос Доминика:

— Мелисса... Я не уверен... Он хороший человек, один из немногих...

— Он — опасный человек, мой сладкий, — теперь стало ясно, что первый голос принадлежит Мелиссе, резко сменившей тон. — Он не портной и не целитель. Он — лжец.

Всё что он говорил тебе — ложь. Одна сплошная ложь! Он соврал тебе даже когда назвал свое имя. Впрочем, он вообще всю жизнь живёт во лжи. Но ты не верь ему, мой сладкий. Ни слову не верь.

— Но... но мне казалось...

Та же рука стянула с моей головы постылую тряпку...

— Смотри сам. Глаз на месте. Повязка не для глаза нужна, а чтоб скрыть этот шрам. Или не шрам даже — клеймо позора, — её пальцы медленно скользили по моему лицу, словно по страницам книги. — О да, так и есть! Это не только на лице шрам, но и глубже. Намного глубже, да, Эванс? Или как тебя на самом деле зовут? — она схватила меня за подбородок, заставляя смотреть на себя. Зрение невольно пришло в фокус. — И не надейся сбежать от меня в транс, маг! Играть будем на моём поле.

— Маг?! — испуганно повторил Доминик. — В смысле «колдун» или «чародей», ты хотела сказать? Откуда бы тут взялся маг?

— Нет, мой милый, — кошкой промурлыкала Мелисса. — Он именно маг. Поверь, я на вкус знаю разницу между вашими имперскими самоучками и жрецами из пустынь. Но нам с тобой повезло: этот происходит из древнего и могучего рода, да только, видать, не умеет совсем ничего. Иначе не оказался бы сейчас здесь. Иначе не получил бы этот шрам. Верно я говорю, а, лакомый кусочек?

Я попытался ответить ей, но вышел лишь сдавленный хрип. Попытался снова, но нечто горячее словно ошейником сдавило горло, стоило попытаться вдохнуть.

— Ты же уверяла что его Харди подослал...

— Он самый, — довольно усмехнулась Мелисса. — Какая ирония, да? Вы их уничтожили, а они теперь у вас на побегушках.

— Мелисса, — почти умоляюще попросил монах. — Я не смогу. На побегушках или нет, но он один из немногих людей отнёсся ко мне как к равному, а не как к калеке. Я не...

— Ложь, — холодно отрезала женщина. — Всё до последнего слова! Обман, искусная игра! Всё для того чтоб ты верил ему! — её пальцы ловко выудили из под рубашки шнурок с амулетом, который дал мне Роланд. — Узнаёшь?

Доминик ничего не сказал, но на лице его проступила горькая обида. Мелисса победоносно улыбнулась и одним резким движением порвала тонкую цепочку.

— Вот и всё. И никакой Роланд нам не страшен. Теперь давай покончим с этим поскорей.

Монах не шелохнулся.

— Мелисса... Я... Я не смогу...

— С чего вдруг? Раньше ты мог, и у тебя получалось великолепно!

— Раньше я не знал никого из... из них. Они были просто какими-то людьми. Не одного имени не помню. Но теперь...

— Послушай, Доми, — девушка ласково коснулась лица монаха. — Я клянусь тебе, всё будет хорошо! Нам несказанно повезло. Маг из древнего рода. Если ты сейчас всё сделаешь правильно, то крови больше не понадобится. Я буду отрезана от Бездны, и смогу остаться здесь. С тобой. Навсегда.

— Навсегда... — замороженно повторил Доминик.

— Да, любовь моя, да! Навсегда! Только нам нужно спешить. Не жалея его. Этот человек и сам ищет смерти. Мы лишь дадим ему то что он хочет.

Доминик закивал, и излишне торопливо склонился к полу, намечая контуры

ритуального круга. А то, что притворялось Мелиссой Йонге, нависло надо мной, следя за каждым моим движением.

...она — не человек! Она — то существо, что я видел на краю Бездны в этом странном видении!

И видении ли? Или это было нечто большее? Там я был окружен некой силой. Чувствовал как она струится по венам. Там эта тварь испугалась меня. Испугалась настолько, что предпочла разбудить наяву, где я связан и даже дышать нормально не могу!

Но раз она боится, значит ей есть чего, верно?

Ритм. Тот самый мистический ритм. Я должен вспомнить его, вернуть, растворится в нём. Я до сих пор не уверен что он такое, зато знаю наверняка, что он может помочь.

Я снова попытался вдохнуть побольше воздуха, но получалось слабо. Сердце лихорадочно билось никак не желая подстраиваться под дыхание. Но я пытался вспомнить, поймать, удержать...

Девушка, видно, заметила это отвесила мне пинок, да такой силы, что не каждый мужик так сможет. Я сбился, завалился на бок и закашлялся так, что горло продрало до самого нутра. Боль была такая будто там, внутри, что-то лопнуло.

— Даже не пытайся, — прошипела Мелисса. — Она тебе не поможет. Не заслужил.

— Ты... Это всё ты!... Следовало догадаться... — прохрипел я.

— Заговорил таки? — усмехнулась она, глядя сверху вниз. — Что ж, неплохо. Ну раз так, то скажи мне, ты кто такой и как ты умудрился выжить?

— Понятия не имею.

— Ну вот, снова ложь, — девушка изящно наклонила голову, вновь копируя знакомые движения, и повернулась к Доминику. — Можешь убедиться сам. Всё он знает, но стыдится того чем стал. Теперь даже любопытно, из какого ты рода? Нагматы? Фануды? Шалессы? — усмешка. — Впрочем, Шалессы — это будет даже перебор. Хотя по сути разницы уже нет: зрелище жалкое и восхитительное одновременно. Вот во что выродилось ваше хваленое могущество. И поделом!

— Доминик, — позвал я. — Это в самом деле были вы двое? Это вы убили того парня из ткацкого квартала? Его и тех, других?...

Молчанье было мне ответом, тяжёлое молчание, словно жгучий стыд за себя всё-таки терзал вероломного монаха. Только кусок угля скрипел о старые половицы.

— Чёрт... да я готов был весь госпиталь поставить за то что ты здесь ни при чём! Мэтр Янсенс за тебя ручался, утверждал что ты до всю свою жизнь мухи не обидел! Как?! Как?!!!

— Дурак, — оскалилась Мелисса. — И сам во всё виноват. Не будь ты таким чистоплюем, всё могло бы быть намного приятнее. Смерть в объятиях возлюбленной стоила бы того. Но свой жребий ты выбрал сам. Теперь не жалуйся.

— Вот же ты дрянь! А я-то всё думал как вообще возможно это безумное сходство?

— Рада что тебе понравилось, — девушка надменно вздёрнула нос. — Хотя надо отдать тебе должное: какая трогательная верность покойнице! Но ничего, вашей разлуке пришёл конец, скоро снова воссоединитесь.

— Чтоб тебе гореть в аду, — пожелал я.

— Не сгорю. Я оттуда родом, — ответила она. — Мой сладкий, ты скоро?

— Почти готово, — отозвался Доминик.

— Торопись. Сегодня не стоит растягивать удовольствие.

Я на чём свет стоит клял себя за свою доверчивость. Пытался придумать хоть что-

нибудь, но всё тщетно. Слепая ярость нарастала, опускаясь на глаза алой пеленой, но выпустить её я не мог, и потому казалось, что меня сейчас разорвёт изнутри.

Опять, опять, опять!!!...

Очередной пинок и Мелисса тащит меня словно упирающегося ребёнка в центр круга. Он знаком, и символы в нём — тоже. Все попытки вывернуться тщетны: она намного сильнее.

Доминик, изо всех сил избегая смотреть мне в лицо, вскрывает кинжалом кожу на запястье, и моя кровь наполняет ритуальную чашу.

- Я ошибся в тебе, — сказал я, ощущая как от злости темнеет в глазах. — Ты — малодушное ничтожество. Вот твоё истинное лицо, и истинная тебе цена!

— Простите, — прошептал Доминик в ответ. — Я... Когда всё закончится, обещаю, я отнесу лекарство вашему другу. Он поправится. С ним всё будет хорошо...

— Надеешься на искупление?

Мелисса ответила за него размашистой оплеухой.

— Для начала стоит вырвать кое-кому язык, — процедила она, вцепившись мне в подбородок и вновь заставляя смотреть на себя. — Давно пора...

Её прервал оглушительный треск ломаемых досок. Нечто грузное увесисто презимлилось на пол и басовитый, оглушительный лай сотряс стены ветхого дома. В следующий миг массивная чёрная туша смела Мелиссу Йонге, словно волна песчаную крепость на морском берегу.

Свободный от её хватки, я со всей силы дури боднул остолбеневшего в нерешительности Доминика. Тот упал, схватившись за разбитый нос. Брошенный им кинжал упал рядом со мной, и я не стал упускать такой шанс. Поднять его связанными за спиной руками оказалось делом не из лёгких, и потребовало всего моего внимания, но всё же я успел заметить, как гибкая стремительная фигура ртутью стекла в проломленную собакой дыру и в два счёта оказалась рядом с поверженным монахом.

— Доми! Берегись! — вскрикнула девушка. Послышался глухой удар об стену и жалобный собачий скулеж. В следующий миг Мелисса стрелой сбила неизвестного с ног, и они, сцепившись, покатались по полу.

Всеми забытый я откатился в сторону и попытался как мог перерезать путы. Руки нужны были свободными как можно скорее. Размах драки ужасал. В рукопашной против этой твари у обычного человека не было бы ни единого шанса. Повезло, что человек этот всё же был не совсем обычный.

— Осторожно, Харди! — хохотнула девушка, вцепившись противнику в горло обеими руками. — Ты же не хочешь навредить бедный набожный скромнице Мелиссе Йонге? Несчастливая доверчивая простушка, добросердечная серая мышь! Поймать её на крючок было так легко... Но теперь она спит и ни о чём не тревожиться. А мне её тело по душе! И тебе оно тоже по душе, верно?...

— Гаррэт, круг! — хрипло произнёс Роланд, с трудом выворачивая противнице руку. — Нужно очертить круг!..

Я и пришедший в чувство Доминик синхронно нашли глазами одиноко лежащий на полу кусок угля и метнулись за ним. Монах не мог тягаться со мной ни в ловкости, ни в скорости, но его подгоняло отчаяние, так что я едва выхватил уголёк для прямо у него из-под носа.

— Роланд! Где нужен круг?

— Вокруг... нас... — прохрипел Роланд. Услышавшая это девушка ослабила хватку и рванулась было назад, но Харди вполне мог соперничать с ней по части твёрдости хватки. — Быстрее!

Я и так был быстр как никогда. А за одно благодарен всем богам за привычную к рисованию руку и хороший глазомер. Мелисса отчаянно пыталась вырваться, но Харди стоял насмерть, словно удержать демоницу в кругу было важнее его собственной жизни.

— Есть! — сообщил я, замыкая контур.

Едва услышавший это Роланд оттолкнул девицу и кубарем выкатился за пределы круга. Издавшая жалобный вскрик девушка попыталась последовать за ним, но словно налетела на невидимую стену.

— Нет!... - Доминик в отчаянии попытался накинуться на Роланда, но тот легко стряхнул монаха себе под ноги, словно соринку. — Пожалуйста, нет!...

— С тобой я потом разберусь, — пообещал Харди, даже не глядя вниз.

— Оставь его! — гневно кричала девушка. — Это не его вина! Не его, а ваша! Вы все всём виноваты! Вы толкнули его на это! Вы...

— Всемогущий Владыка и Господин мой! — громко произнёс Роланд. — Услышь и обрати лице своё к посвящённому твоему. Прошу, изгони всякое зло из тела этой женщины. Отдели от души её духа зла и искушения, и низвергни...

— Нет, нет, только не туда! Только не обратно!

— ...в Бездну, из которой этот дух явился.

— Мелисса... — едва не плача простонал Доминик, из последних сил пытаясь приподняться на локте. — Я люблю тебя. Я всегда буду любить...

— Я тебя тоже... — надломленным голосом произнесла Мелисса. В глазах её блестели слёзы. Настоящие.

— ... и где надлежит ему пребывать во веки веков, до тех пор пока солнце не погаснет на небосводе и не придут знамения о конце времён, — безжалостно закончил Харди.

Я уже не видел как бессознательное тело Мелиссы Йонге осело на пол. Слышал только вопль боли, который испустил монах. Мне уже не было до этого дела. Забыв о том, что стоило бы прежде всего перевязать запястье, из которого так и продолжала хлестать кровь, я бросился к Рэни, опасаясь увидеть худшее.

Моя мохнатая спасительница нерешительно пыталась встать, и, к моему глубокому облегчению ей это удалось. Видимо она очень сильно ушиблась, но каким-то невероятным чудом ничего себе не сломала. И хвала богам! Я обнял её за массивную шею, а она радостно лизнула меня в ухо. Забытые Боги, спасибо! Спасибо вам! Я не знаю как пережил бы, если бы с ней из-за меня что-то случилось...

— Ну что, как себя чувствуешь? — спросил Роланд, подходя поближе.

— Как спасённая принцесса, — честно ответил я, холодея от осознания что повязки на мне больше нет, и прятать лицо теперь бессмысленно. — А если серьезно, то спасибо. Я помнил про амулет, но не успел его сломать...

— Не мне спасибо, а вот ей! — поправил Роланд, поглаживая собаку по мохнатой голове. Та уличила момент и лизнула его за руку. — Я просто вовремя оказался около госпиталя, и видел как она сорвалась с привязи.

— И вы просто решили последовать за ней?

Харди усмехнулся.

— Я не сомневался, что она почувяла беду. И, если жизнь меня чему-то и научила, так

это тому что собакам, в отличии от людей, можно доверять.

— Да уж, это точно! — с горечью согласился я, покосившись в сторону Доминика. Тот сломанной куклой лежал рядом с кругом и бесчувственной девушкой в нём. Лежал настолько тихо и неподвижно, что я засомневался в том жив ли он.

Роланд же огляделся по сторонам, нагнулся, поднял с пола смятую тряпицу, до сих пор служившую повязкой на глаз, и протянул её мне.

— И руку перевяжи чем-нибудь, — посоветовал он. — Нам нужно дотащить это ничтожество до храма и потревожить сон Его Преосвященства. Будет очень некстати, если ты свалишься где-нибудь от потери крови.

— Итак, жил да был на свете монах по имени Доменик Лемменс. Не смотря на его физические изъяны, были у него и пища, и крыша над головой, и даже ответственное дело, доверенное ему не смотря на его недуг, — господин Харди правил бал над собранием, медленно обходя небольшую залу, словно коршун, кружащий над добычей. Остальные собравшиеся старались держаться у стен, будто бы подальше от хищного взгляда строгого и справедливого обвинителя. — Но никто даже в самом страшном сне подумать не мог, какая чёрная тьма на самом деле скрывается за внешней невинностью, — он остановился и многозначительно переглянулся с собственным секретарём, строчившим протокол. — Колдовство. Демонопоклонничество. Ритуальные убийства. И это — старший сын действующего епископа. Под удар поставлен был не только мой город, который я клялся оберегать, но и авторитет всего духовенства. Как простой люд может рассчитывать на нас, если такая гниль пустила корни в самом сердце храма?

Его Преосвященство поджал губы и смолчал.

Помещение в котором мы находились было неожиданно просторным для подвала, но людей сюда набилось столько, что дышать было почти невозможно. Хотя может так себя чувствовал только я, изрядно помятый и потерявший немного крови. Слабость и головокружение после таких приключений были в порядке вещей. Благо Роланд сразу по прибытию послал за штатным целителем и распорядился принести мне воды.

Теперь я просто сидел в углу и приходил в себя. Всё осталось позади: дорога к храму, сборы, крики, ругань, гнев, отрицание, даже эта мучительно подробная исповедь, о которой Харди просил меня ещё по пути сюда. Я выложил всё, умолчав разве что об отданном мне зелье, бесценным грузом покоящимся в поясной сумке. Вряд ли столь дорогую вещь мне просто возьмут и отдадут за заслуги перед городом и страной.

Ровно как и вряд ли я выйду отсюда живым, если Доминик упомянет кто я на самом деле.

Закованный в серебряные цепи монах неподвижно стоял на коленях посреди комнаты, прямо в центре начертанного на полу круга. С того самого мига, когда тварь из Бездны покинула тело Мелиссы Йонге, он больше не пытался сопротивляться и ничего не говорил.

Сама Мелисса очнулась, но себя так и не пришла. Она тихо-тихо причитала “это не я, не я! Меня нет! Меня больше не существует!...” и монотонно раскачивалась из стороны в сторону, всеми оставленная и забытая. С уходом демона наваждение развеялось и девушка была теперь просто девушкой: уставший бледной тенью, ни капли не похожей на Бригитту ни внешне, ни повадками. Я испытывал ужас от осознания того, через что ей пришлось пройти; облегчение от её освобождения; беспокойство за её дальнейшую судьбу. Я чувствовал всё что угодно, кроме былого противоестественного притяжения, и был рад этому. Всё наконец встало на свои места.

Помимо нас на этот негласный суд собрался весь цвет местной инквизиции, а так же брат Зигфрид, библиотекарь Матеас и Его Преосвященство с младшим сыном. Позвали и мэтра Янсенса, одновременно как друга семьи Лемменс и моего работодателя, властного подтвердить или же опровергнуть подлинность моих слов. Посылали даже за господином Йонге, но последний так и не явился. Отправленный за ним служка вернулся один и о чём-то

тихо отчитался Роланду. И всё.

— Я всё равно не могу в это поверить, — подал голос тот самый паладин, родной брат обвиняемого, Александр. — Доминик, почему ты молчишь? Скажи уже хоть что-нибудь!

Доминик не шелохнулся, все так же бессмысленно глядя в одну-единственную точку на полу.

— Нонсенс! — произнёс епископ, тщетно стараясь уничтожить Роланда взглядом. — Это всё какая-то чушь, фальш, плохо поставленный спектакль. Кто поверит в этот вздор? И кто вообще этот одноглазый плебей?

— Мой ученик, — ответил мэтр. — И я должен отметить, что он до сих пор показывал себя человеком надежным и честным, несмотря на некоторую импульсивность и талант к наживанию проблем. И он действительно несколько дней назад спрашивал меня о падучей болезнью: что она такое, что я о ней думаю и чем можно помочь.

— Это ничего не доказывает! — не отступал первосвященник. — Харди, это невыносимо! Это самая грязная попытка сместить меня с должности, какую только можно было себе представить! И уж от кого — кого, а от вас я такого не ожидал! Вы же человек чести, всегда им были! Скажите, что вам обещали взамен на это? Золото? Повышение по службе? Что?

Я стиснул зубы, чтобы не сказать ненароком вслух то, что следовало бы. Почувывая неладное Рэни ткнулась головой мне в локоть и коротко скульнула, призывая успокоиться и лучше погладить её.

- Нет, Ваше Преосвященство, — ответный холодный взгляд Роланда заставил епископа съёжиться. — Я не позволю вам замять это дело. Восемь убитых с особой жестокостью жертв и покушение на жизнь девятой. Попавшая под одержимость девушка, которая теперь повредилась умом. И колдовство. Демонология. Худшее из возможных зол в руках посвящённого императору монаха, чья работа — переписывать манускрипты и сохранять знания для последующих поколений.

Он гневно обвел взглядом притихших людей и в абсолютной тишине произнёс:

— Ваш сын, Ваше Преосвященство, будет отвечать перед судом. И будьте уверены, с вас просят не меньше.

— Сын? Нет. Он мне не сын! — глухо и зло проговорил епископ. — Я знать не желаю это существо. Как жаль, что я пренебрёг советами мудрых людей, предлагавших просто подсыпать яда в козье молоко. Но нет же! Я же дал ему шанс! Дал ему пищу и крышу над головой! Дал подобающее образование! Терпел тот позор, который он навлек на мой дом! И вот! Вот чем это ничтожество отплатило мне!

Доминик всё так же бессмысленно пялился в одну точку. Даже если он и слышал слова отца, то ему было уже всё равно. И я вдруг отчетливо понял, что он уже мертв. Умер в тот самый момент, когда Роланд изгнал из тела Мелиссы то единственное существо, которое дарило ему хоть какую-то иллюзию любви и принятия. Хотя как знать, иллюзию ли?...

Физически он, конечно, был еще жив: двигался, дышал, сердце еще билось в груди, но всё это казалось теперь просто медленный агонией. Смерть физическая была лишь вопросом времени. Вряд ли он доживет до суда.

— Простите за дерзость, Ваше Преосвященство, — сказал я, поднимаясь с места. Сказал, и тут же подумал, что не стоило бы, но справедливость сейчас представлялась мне важнее головы. — Правда в том, что ответственность за случившееся в немалой мере лежит на вас.

— Что?! — процедил первосвященник. Остальные собравшиеся зароптали и переглянулись.

— То что вы слышали. Вы в ответе за то, что стало с вашим сыном. И не только вы, многие здесь стоящих тоже, — я коротко глянул в сторону брата Зигфрида.

— Да что вы такое несёте? — возмутился тот.

— Вы стыдились его. Вы отвергли его. Вы всю жизнь упрекали его за грехи и пороки! За чьи? За свои собственные? — я снова поймал себя на том, что непочтительно смотрю прямо в глаза человеку намного выше сословием. К чёрту. К чёрту их всех! Мой отец был верховным жрецом, магом над магами. Даже этот провинциальный епископ не равня мне! — Сколько раз он искал у вас отцовского участия и поддержки? И что он получал взамен? Запрет появляться на праздничной мессе? Собачью подстилку вместо кровати? Вечные жалость и снисхождение? А вы не думали, что, быть может, больной сын на самом деле был великим даром Всемогущего? Может быть, отнесись вы к нему по-человечески, вы бы очистили и возвысили собственную душу?

— Я отнесся к нему по-человечески! Намного более чем он того заслуживал, — ответил Лемменс.

— Это по-вашему по-человечески? Да удавить детстве было бы человечнее! Всё было бы иначе, если бы вы хоть пару добрых слов нашли для вашего сына! Если бы вы были рядом, если бы не бросили его как нечто ненужное, он никогда бы не попался в эту чудовищную ловушку! Но вышло так, что суккуб, дьяволица из Бездны, порождение хаоса, питала к парню больше любви и сострадания, нежели собственный отец и его же братья по вере!

По устремленным на меня взглядам я понял, что уже не жилец.

— Знай своё место, подмастерье! — угрожающе произнёс епископ.

— А вам, Ваше Преосвященство, правда глаза режет? — Роланд встал между мной и первосвященником. — Кем бы он ни был — нищим, бюргером, халифом юга — без разницы. Потому что он прав. То, во что вырос ваш сын — это ваш недосмотр и плоды вашего же пренебрежения им.

— Он в совершенных летах, — ответил господин Лемменс. — И по закону каждый человек в совершенных летах должен отвечать за себя сам.

— Я знаю это, — ответил Роланд. — И чту. Но на сей раз этот постулат пованивает чем-то скверным. Не находите?

Епископ не ответил. А я подумал, что живи такой вот Роланд Харди у нас в Нордвике, то, быть может, Орф уже получил бы по заслугам и без моего вмешательства. Или ничего подобного и не произошло бы и вовсе.

— Но постойте! Подождите! — вмешался Александр. — Давайте не будем забывать, что у нас орудовал настоящий демон! Мы ведь до сих пор не знаем, как эта тварь вообще оказалась здесь? Чем она околдовала Доминика, как заставляла подчиняться себе? Да не может, просто не может такого быть, чтобы мой брат сделал все эти вещи добровольно!

— Он тебе больше не брат! — сорвался епископ.

— Это мне решать, — отрезал паладин. — Господин Харди, я настаиваю на тщательном расследовании этого дела! Я уверен, Доминик находился под влиянием на разум! Быть может даже не осознавал, что делает! Речь ведь идет о суккубе, коварном существе, не считающимся ни с чем ради своих прихотей! Неужели не очевидно, что она просто использовала Доминика, играя на его слабостях?!

— Не смей говорить о ней так, — вдруг подал голос Доминик, и в тоне его впервые за

все время нашего знакомства прозвучали жёсткие нотки. — Не смеете говорить о ней так, вы! Все вы! Никто из вас не стоит и праха, по которому она ступала! Это из-за вас её больше нет! Её нет!...

Повисло гробовое молчание. Видать, не только я, но даже родной брат отродясь не слышали от робкого парня подобного тона.

— Глупец, ты же так погубишь себя! — взмолился Александр.

— Что ж, — усмехнулся Роланд, сделав шаг и буквально нависнув над стоящим на коленях монахам. — Похоже у кого-то, наконец, прорезался голос. А раз так — то будь уже мужчиной, хоть бы и напоследок. Отвечай мне и не юли: откуда взялся демон?

— Я призвал её, — ответил Доминик, всё так же апатично смотря в никуда.

— Ты сам? И кто же тебя этому научил?

— Она, — коротко ответил монах и снова затих.

— Ну, что же ты? — поощрил обвинитель. — Рассказывай. Молчать уже нет смысла, так что будь добр, избавь палача от необходимости марать об тебя руки.

Доминик зажмурился на миг, собираясь с духом, а затем начал:

— Я... я не хотел никому смерти. Никогда. Даже сейчас. Я всю жизнь жил в своей келье, и был приучен не желать иного. И так было до тех самых пор, пока в храм не стала ходить госпожа Йонге. Она... она единственная была добра ко мне, жалела, у неё всегда было для меня тёплое слово. Но при этом она была так несчастна и одинока... Её муж — ужасный человек, считавший её едва ли не вещью. А я... я просто очень хотел, чтобы она была рядом со мной. Каждый день ждал когда она придёт, чтобы просто украдкой любоваться ею. Это было всё что я мог себе позволить, ведь мне нельзя было ни говорить с ней, ни прикасаться. Да и если бы я мог, то что ей с того? Я ведь слабый и болезный. Зачем я был бы ей нужен?

Но мои тайные желания тихо сводили меня с ума. Я плакал. Я молился. Я принял на себя новые аскезы, чтобы усмирить своё непокорное тело. Я просил Императора очистить меня от низких помыслов, но вместо этого приступы стали случаться чаще. Так Император покарал меня за мою низость, но утешения так и не послал. Я больше не мог выносить этого чувства и тихо мечтал умереть. Ничего не помогало. И вот тогда Она пришла ко мне. Во сне. Она сказала, что давно наблюдает за мной и знает о моём горе. Она сказала что ей жаль меня, и она поможет, если я точь в точь повторю всё то, чему она меня научит.

Следующей ночью я тайно покинул пределы храма для исполнения ритуала. Было страшно, а убить кошку в кругу — очень тяжело: дрожали руки, никак не выходило правильно ударить ножом. Бедное животное не хотело умирать, а я по привычке боялся навредить ей, тем самым невольно растягивая её муки. Но когда дело было сделано, нечто изменилось в начерченном кругу. Там оказалась маленькая подвеска из золота, которую мне предстояло подарить госпоже Йонге.

Мелисса не хотела принимать подарок, но я упросил её принять его в знак благодарности за заботу. Поначалу ничего не произошло: она как обычно отправилась домой, а ночью во сне ко мне больше никто не пришел. На следующий день госпожа Йонге и вовсе не появилось в храме, и я горько сожалел, что зря отнял жизнь бедной бездомной кошки.

Однако на третий день она явилась в библиотеку, совершать обычные послушания. Она и словно бы не она вовсе: неуловимо изменившиеся и прекрасная настолько, насколько никогда не была раньше. И теперь она смотрела на меня иначе, говорила не так как прежде.

И я понял, что передо мной больше не Мелисса, а та, с кем я говорил в своих снах.

В начале я пришёл в ужас, но вскоре она развеяла мои страхи. Ведь она пришла сюда ради меня. С ней в тайне от всех я познал запретный плод любви. Она приоткрыла мне завесу доселе скрывавшую от меня ту жизнь и ту свободу, которой я был лишён. Она не осуждала меня за то, кем я был. Радовалась, когда я радуюсь, утешала, когда я печалился. Никто никогда не относился ко мне так.

— Тебе должно было быть известно, что обитатели Бездны — паразиты, питающиеся человеческими страстями, — безжалостно произнёс Роланд. — Гневом, страхом, восторгом, любовью — всем чем угодно, лишь бы это чувство было достаточно сильным. И они всеми средствами будут возделывать свой сад, лишь бы он плодоносил обильнее.

— Да, господин Харди. Мне всё это было известно. Но даже сейчас, дай мне Император шанс прожить ту роковую ночь снова, я снова пошёл бы в трущёбы и свершил бы тот же ритуал. Она стояла того. Она единственная любила меня.

— Она использовала тебя.

— Если и так, то пусть.

— А что же убийства? — спросил Александр.

— Я совершал их, — ответил Доминик. — Я проводил ритуал для неё. Она вырвалась из Бездны, но Бездна стремилась вобрать её обратно в свои недра. Чтобы существовать здесь, ей нужны были боль и кровь. И я исполнял для неё ритуал раз за разом.

— Кто выбирал жертв? — вновь требовательно произнёс Роланд.

— Она. Она же заманивала их и пытала, но сам обряд должен был проводить человек. По началу это ужасало, но она старалась сделать так, чтоб я не знал имён или чего-либо ещё о тех несчастных. Она утверждала, что так мне будет легче. И оказалась права. Да. Так было легче.

— Но потом она положила глаз на мистера Эванса, — Роланд скрестил руки на груди. — И нарушила тем самым собственные правила. Вы ведь были знакомы. Почему?

Доминик впервые оторвал взгляд от пола и посмотрел на меня. Всего на пару мгновений: стыд от содеянного был невыносим.

— Господин Эванс — человек высоких моральных качеств и принципов, тому же очень импульсивный. Она говорила, что такие как он эмануруют очень и очень сильно. Настолько сильно, что мы сможем отрезать её от Бездны, и никого больше не придётся убивать.

— И ты был готов пойти на это, не смотря на то, как к тебе относился сам Эванс?

Доминик опустил голову и снова замолчал.

— Это больше не секрет: да, я действительно посылал Эванса понаблюдать за тобой, — продолжил Роланд. — Но дело было не в тебе, а в госпоже Йонге, которая вечно крутилась рядом. Я давно сложил два и два: все жертвы были молодыми, полными сил мужчинами, выделявшимися среди прочих яркими чертами характера. Эванс идеально вписывался в их ряды. Я был уверен, что если Мелисса и есть тот самый суккуб, то она не сможет не заглотив такую аппетитную наживку. Но, к сожалению, из-за того, что Гаррет по доброте душевной пожалел вас обоих и вовремя не рассказал о вашей связи, всё это зашло слишком далеко. А между прочим, он не раз и не два пытался убедить меня в твоей невинности! И вот чем ты ему оплатил.

Всё так же созерцая пол, монах ответил:

— Это было ради неё.

Замолк. А потом добавил:

— Вам не понять.

После этого его слова иссякли совсем.

— Запереть его, — распределился Роланд. — А госпожу Йонге отведите в храм и оставьте на попечении сестёр. Пусть те понаблюдают за её состоянием. Если оно не улучшится, свяжитесь матушкой Филоменой из Десморского монастыря. Юлиан, ты всё успел записать?

— Да господин Харди! — отозвался секретарь.

— Отлично. Подготовить документы для передачи в синодский суд.

— Стойте! Как в синодский? Вы не можете!... - встрепенулся епископ.

— Могу, — жёстко ответил Роланд. — И не потерплю в рядах посвящённых Императора ни колдуна-демонопоклонника, ни тем более человека, под рукой которого этот колдун вырос. Не для того мои отец и дед пали при взятии Аль-Шалесса, чтоб эта язва процветала в самом сердце храма. Так что снисхождения не ждите. Ни от меня, ни от Синода.

Я очень порадовался, что на меня уже никто не смотрит, так как не был уверен, что не побледнел как лист пергамента. Все мои желания моментально свелись к тому чтобы очутиться как можно дальше отсюда. Вот, оказывается, откуда такое служебное рвение! Зато теперь я могу быть уверен в том, что в Крейморе Баи Финча ещё никто не ищет. И лучше бы ему убираться отсюда по добру по здорову. Харди — не тот человек с которым я хотел бы оказаться по разные стороны баррикад. Хотя сказать по правде, мы уже оказались. Просто он ещё не знает об этом.

— Остальные покуда могут быть свободны, — объявил Роланд. — Можете возвращаться ко сну или текущим делам. Гаррет, — он перевёл на меня взгляд, в котором я с удивлением прочитал некоторую неловкость. — Я очень попрошу вас завтра утром быть в госпитале. Кажется, за мной теперь должок.

— Спасибо. Утром буду там, — пообещал я.

Роланд удовлетворённо кивнул.

— Уверен, что тебе не нужно сопровождение?

Я мотнул головой и погладил стоящую рядом Рэни.

— Нет. Думаю мы с ней сами дойдём.

— Что ж, тогда скорейшего выздоровления твоему другу, — пожелал Харди на прощание. — Сегодня Фортуна явно на твоей стороне.

Я плохо помню как брёл через трущобы, хромя и задыхаясь от собственного темпа, влекомый одним единственным желанием: добраться. Рэни семенила рядом, держась чётко под правой рукой, будто бы предлагая в случае чего держаться за неё.

Смотреть по сторонам уже не было сил. Поэтому фигуру человека, идущего мне наперез, я заметил только после того как собака остановилась и предупредительно зарычала, готовая к прыжку. Было уже слишком поздно, чтобы куда-то отступить.

Нет... Только этого ещё не хватало!...

Рука лихорадочно схватилась за пояс, но на нём давно ничего не висело. У меня вообще не было никакого оружия кроме кулаков.

Боги...

— Свои! — донёсся до меня знакомый голос.

— Вилл?! Тише, тише, девочка! Это правда свои. Своее некуда.

Облегчение было так сильно, что пришлось и правда схватиться за собаку чтоб не упасть. Вилл в два счета оказался рядом, и без лишних вопросов закидывая мою руку себе на плечо. Рэни с подозрением обнюхала нового для себя персонажа и расслабилась.

— Живой, черт! Мы тут с ног сбились! — взволнованно говорил Вилл. — Где тебя носило?

— Как он там? Ещё не поздно? — спросил я, опасаясь услышать ответ.

— Что “поздно”? Плох совсем. Уже просто ждём тебя с твоим дурманом, чтоб покончить с этим, и дело с концом. Сам же знаешь, что никаких шансов у него больше нет.

Не в силах что либо сказать, я вложил в руки Вилдара заветный флакон.

— Это же... это же оно самое! — Вилл поднял на меня округлившимися от удивления глаза. Он точно так же как и я, не смел поверить. — Как? Откуда это у тебя?

— Долгая история, — ответил я. — Один хороший человек отдал её мне.

В первые минуты я едва не проклял всё на свете за то что вообще принёс эту дрянь, настолько страшно смотрелось её действие. Жар мгновенно усилился, бред и стоны превратились в крики, а метался бедняга так, что нам пришлось держать его силой.

Я сгоряча заклеил себя вслух мучителем и убийцей, однако Вилл, скрипя зубами от напряжения, возразил:

— Нормально... оно так... работает... я видел... когда в Легионе служил... Тогда генерал Бэлл ранен был, его вот так же... держали вчетвером... Оно так... воспаление сжигает... Заставляет тело... ай!...справляться с повреждениями. Если Бонза это переживёт, то наша взяла!

— А жар? — взволновался Зак. — Жар надо сбить, а то не переживёт!

— Я ему не переживу! — ответил я. — Осталось-то всего ничего! Держите его, сейчас собьём.

В ход пошла дождевая вода из кадки во дворе. Она была почти ледяная, но смоченная в ней тряпка становилась горячей в считанные секунды.

Я перестал пытаться вести счёт времени. Просто делал то что должен был. В какой-то момент даже осознал, что уже ничего не ожидаю, просто держу, пою водой и меняю компресс, поочерёдно меняясь с парнями. Слишком уставший и слишком занятый всем этим, я не сразу осознал, что метания и крики сходят на нет. Бонза провалился в беспмятство, только бубнил что-то неразборчивое, до боли напомнив мне так и не дожившего до Тэйл-Бэй Лейфа.

Однако жар наконец ослаб, дыхание выровнялось. Со стороны теперь казалось что Бонза просто спит.

После этого я уснул сам. Кажется на минутку присел в уголок чтобы перевести дух, и там усталость наконец взяла своё.

Проснулся уже когда рассвело. Разбудил меня Вилл. Мрачность, поселившаяся на его лице за последние дни, исчезла как утренний туман. Мне не нужно было ничего спрашивать: всё стало понятно без слов.

Произошло чудо. То самое, в которое я сам уже не верил. Отёк спал, покраснение почти исчезло, гноя больше не было и в помине, а края раны невероятным образом начали рубцеваться. Бонза спал, но спал спокойно, размеренно дыша полной грудью. Он больше не ворочился и не бормотал. И был жив.

Жив.

Когда я вышел из каморки, старуха необычайно нежно приветствовала меня своим обычным “это ты, мой птенчик?”

— Да, это я, — привычно ответил я.

— Хорошо ли ты поспал? Добрые ли видел сны?

— Добрые. Добрее некуда! И вам доброе утро, матушка.

— Вот и славно, вот и умница! — зарядила своё хозяйка дома. — Ты иди, поешь! Там для тебя на столе клубника со сливками! Свежая, только что с грядки...

— Обязательно поем! — пообещал я. — Очень люблю клубнику с нашей грядки. Лучше неё во всей Империи не сыскать!

— Во всей Империи не сыскать, и то верно, — старуха чуть склонила голову на бок и, пошатываясь, заковыляла в мою сторону. — Вот! — она протянула руку и настойчиво вложила в мою ладонь нечто округлое и твёрдое. — Возьми одну ягодку. Да передай тому бедному мальчику, что приходил с тобой третьего дня. Его-то, поди, дома и вовсе не кормют, худой такой...

— Передать тому мальчику, — повторил сбитый с толку я, рассматривая странный её подарок. Жёлудь. Обычный зрелый жёлудь, каких сейчас полным-полно. Только вот не припомню я, чтоб раньше от них исходила тёплая, едва ощутимая пульсация, нежно растекающаяся от кончиков пальцев до самого локтя.

Это же оно. Это снова оно!

— Я, постараюсь. Очень постараюсь, но не уверен что... что его вообще увижу.

— Сделай это, мой птенчик! — ответила бабка, смотря прямо на меня, и я мог бы поклясться что она прекрасно меня видит и слышит. — И не вини его ни в чём, если сможешь. Люди пусть совершают свой суд по своим законам. Но сердцу матери всё равно сколько зла совершило её дитя. Она жаждет лишь обнять его и утешить, укрыть и уберечь. Но дитя не слышит её. И никто из её детей. Её дети забыли самих себя и блуждают впотьмах. Потерянные. Плачут. Не слышат как она зовёт. И будет так до того дня, пока кто-нибудь не придёт и не расскажет им правду. Что все они — желанны. Что все они — любимы. Что Великая Мать с ними. И всегда была.

— Погодите, постойте! — взволнованно перебил я. — Сердце матери, Великая Мать... Вы говорите о том, о чём я думаю? Этот ритм, что я всё время ощущаю — что он такое? Почему он повсюду? И Великая Мать, кто такая эта Великая Мать? Она...

Входная дверь со скрипом отворилась, впуская в дом Вилла с ведром воды в руках.

— Это ты, мой птенчик? — бестолково отозвалась старуха.

— Да, это я, — привычно ответил тот. — Доброе утро, матушка.

Следы осознанности в её глазах вновь растворились в тумане. Старуха завела старую песню про клубнику, ждущую Вилдара на столе. Момент был упущен. Но на сей раз я был точно уверен, что мне не приснилось.

...Зак ждал нас во дворе. Он сидел на поленнице и настраивал лютню, к которой в последние дни не притрагивался. Рени лежала рядом на влажной траве и прислушивалась к мелодичному перезвон струн. При виде нас с Виллом она подняла голову, вывалила розовый язык и часто задышала. Каждый раз когда она так делала, у меня возникало стойкое ощущение что она улыбается.

— Чудо, — констатировал Видлар. — Это действительно чудо.

— Сам до сих пор не верю, — сказал Зак. — Похоже, мы волей — неволей в долгу у этого самого Доминика. Если бы не он, мы бы сейчас как раз возвращались бы с похорон.

— Это точно, — согласился я, снова и снова прокручивая в голове воспоминания о прошедшей ночи.

Чёрт... как я порой ненавижу всё понимать. И насколько было бы проще, если бы мир и впрямь делился на чёрное и белое. Но он не таков, слишком много в нём полутонов и оттенков. Брат Доминик. Вот что я теперь должен думать о нём? Кто он на самом деле? Преступник? Еретик? Жертва? Или просто несчастный малый, чьи мотивы так пугающе понятны?...

— Не знаю как выйдет сейчас, а генерал Бэлл на следующий день уже ходил по

лагерю, — припомнил Вилл. — Держась за плечо адьютанта, но сам. Если так, то пора договариваться с лодочником и покидать этот город. Чем скорее тем лучше.

— Я даже вам завидую, — сказал я.

— Так в чём проблема? Поехали!

— Не могу пока. Мне к сожалению надо в другую сторону. Да и о девочке надо позаботиться.

— Эй, а старуха как? — вдруг забеспокоился Зак.

Вилл нахмурился.

— А что старуха?

— Как мы её теперь одну оставим? Совсем же плоха. Как она без нас тут жила, ума не приложу!

— Предлагаешь взять её с собой?

— Нет, просто... просто неправильно это как-то. Она ж нас почитай внучками звала, мы её кормили-поили, а теперь вот, просто уходим.

— Могу к ней навещать пока здесь буду, — вызвался я.

— А я ей днём еды куплю про запас и с соседями договарюсь, — поддержал Вилл. — А вечером, если ничего нового не случится, то всё, отчаливаем. Что, Баи? Хоть проводить-то придёшь?

— Приду, — пообещал я, подзывая собаку. — Надеюсь больше ничего не случится.

В госпиталь я возвращался с лёгкой душой. Серое небо моросило дождичком, но теперь это казалось скорее уютным нежели унылым, словно заботливые руки богов укутали уставший от буйства жизни мир огромным покрывалом.

Креймор просыпался. Хмурые его жители ворча выходили из дому и спешили по своим делам. Они сетовали на погоду и слишком ранний час, предвкушая рутинные тяготы грядущего дня.

В отличии от них у меня не было ни дома, ни будущего. Зато сегодня, впервые за целую бездну времени я был счастлив. И очень скоро обнаружил, что повод для этого у меня не один.

На скрип ворот из жилой секции выглянула Эви. Увидев меня она радостно взвизгнула и... скрылась обратно за дверью. “Странно, куда это она? Даже не поздоровалась толком,” — думал я, привычно привязывая Рени за конюшней. Верёвка эта, как я уже понял, была для такой туши не более чем формальностью, и служила скорее для спокойствия случайных прохожих, нежели для привязи.

Пока собака облизывала мне руки, дверь снова отворилась и вслед за Эви на порог вышли мэтр Янсенс, Мэгги, Эмиль, старушка Нэн, Шон, Харольд и все прочие, кто только мог и не мог.

— Доброе утро, Гаррет! — по довольной улыбке наставника я начал догадываться, что случилось нечто очень хорошее. — А мы тут вас уже заждались.

— Дождались, — ответил я. — А что тут у вас происходит?

Мэгги и Шон обменялись взглядами, и я готов был поклясться что они были полны предвкушения.

— Мойте руки, переодеваюсь и идите за мной! — распорядился мэтр. — Вас тут с ночи

ожидает кое-кто важный.

Кое-кто важный лежал без сознания в отдельной палате для особых случаев и выглядел откровенно жалко. Множество рваных ран были уже обработаны, голова — перевязана пропитанной кровью повязкой. Так вот, оказывается, чья кровь была на мелиссином платье вчера ночью! Одно только непонятно, а что это она его совсем не убила? Тут я был бы целиком и полностью на её стороне.

— Прошу, Эванс! — сказал мэтр, делая приглашающий жест рукой. — Роланд очень просил сохранить ему жизнь, а я — воздержаться от лишнего членовредительства. Что до остального — он полностью в вашем распоряжении. Думаю, теперь договориться с этим человеком не составит особого труда.

Это всё взаправду? Я не сплю?.

— Мэтр... Спасибо! Спасибо вам огромное! Скажите, он останется калекой или ему помочь?

— У него перебит позвоночник, — ответил Янсенс. — Жить он будет, недаром в народе говорят что испражнения не тонут. А вот сможет ли он ходить — ещё под вопросом. Шансы, конечно, есть, но ему об этом сразу говорить не обязательно. Если вы понимаете о чём я.

— Понимаю, — предвкушение понемногу начинало кружить голову. — Мэтр, у меня просто нет слов. Это — лучшее утро за последние месяцы.

Резкий запах аммиака ударил в нос. Он воистину способен был разбудить и мертвеца, что уж было говорить о человеке, который, к своему несчастью, был ещё жив?

Симон Йонге мучительно продрал глаза, рефлекторно пытаясь отстраниться от сунутой ему под нос тряпицы. Некоторое время он пытался проморгаться и понять, где он и что происходит. Потом, наконец, сфокусировал взгляд на моём лице и понял всё. Абсолютно всё.

— Доброе утро, господин Йонге.

Проповедник повертел головой в тщетной надежде найти в палате ещё хоть кого-нибудь. А не найдя, повернулся ко мне и прохрипел:

— Что, злорадствуешь? Пришёл мстительно отрезать мне яйца?

— Это уже без надобности, — ответил я. — У тебя спина сломана. Вряд-ли ты когда-нибудь сможешь пользоваться чем-либо ниже пояса.

Симон Йонге принял этот удар на удивление стоически. Или просто не желал доставлять мне удовольствие видеть его поверженным. Только плотно сжал губы, так что нижняя челюсть задрожала от напряжения. Затем он сморгул пару раз, возвёл глаза к потолку и зло простонал:

— ...проклятая потаскуха!...

— Ты сам выкопал себе эту яму, — холодно напомнил я. — И тут мне её не в чем упрекнуть. Что посеял — то и пожал. А знал ли ты что она была одержима демоном или не знал — для инквизиции никакой роли теперь не играет. Поделом.

— Одержимая?! Эта дрянь ещё и одержимая?! — в ужасе простонал Проповедник. — Проклятье... Я не знал! Я не при чём! Слышишь? Я не имею к этому ни малейшего отношения!...

— Расскажешь об этом господину Харди. Он собирался зайти ближе к вечеру. Так что как, мы сейчас уладим наше дело, или Роланда подождём?

— А с чего бы вдруг? — затравленно оскалился Симон в последней, отчаянной попытке отстоять своё. — Девчока — собственность борделя. Никакого отношения к делу она не имеет!

— С того, что кушетка, на которой ты лежишь, очень ненадёжно стоит, — ответил я. — Упасть с неё довольно просто. И тогда даже Йозеф Янсенс тебя не соберёт.

Симон Йонге стиснул зубы с досады, несколько секунд мучительно давясь собственным гневом.

— Забирай её! — зло выдавил он наконец. — Она твоя. Делай с ней что хочешь, и чёрт с вами обоими.

За дверью меня поджидал, казалось бы, весь госпиталь.

— Ну что? — в нетерпении спросил Эмиль.

— Господин Йонге официально передаёт юную Эвелину Коснер под попечительство мэтра Янсенса! — объявил я громко, чтобы меня все слышали. — И никаких претензий больше не имеет. Он даже любезно согласился подписать все необходимые бумаги, как только их составят и принесут. Поздравляю, Эви. Теперь ты официально свободна и никому ничего не должна.

Я едва успел произнести последнее слово, как девочка уже висела у меня на шее и визжала от радости. Просто, искренне, по-детски восторженно. Визг этот тут же потонул в радостных возгласах остальных. Тут были все: целители, ученики, сёстры милосердия, конюх и даже кое-кто из больных. За краткое пребывание Эви в лазарете равнодушных к её судьбе почти не осталось, очередной раз доказывая мне очевидное: добрых людей на земле больше, а скверные просто сильнее бросаются в глаза.

— Ну что ж, поздравляю! — послышался знакомый голос. Харди появился из-за широкой спины Эмиля, и все моментально затихли. — Я смотрю, Гаррет, вы уже получили мой подарочек?

— Да, мы все оценили его по достоинству, — ответил мэтр.

Я согласно кивнул.

— Ну хоть у кого-то всё хорошо закончилось, — с облегчением произнёс Роланд. — Даже жаль разрушать ваш праздник. Я вынужден ненадолго забрать у вас героя дня.

Улыбки моментально сползли с лиц собравшихся, а я вновь ощутил неприятный холодок между лопатками.

— Да не волнуйтесь, верну живого и невредимого! — заверил Харди, уловив общее настроение. — Нужно просто соблюсти некоторые формальности, необходимые для расследования. Показания, подписи, просто бумажная рутинка. Так что к вечеру можете накрывать праздничный стол. Я даже сам загляну к вам с бутылкой саммертонского, если каким-то чудом освобожусь. Ну или на худой конец с Эвансом пришлю. Гаррет, идёмте. Раньше начнём, раньше закончим.

При виде Роланда, Рэни радостно подскочила с места и часто задышала, вывалив из пасти слюнявый язык. Длинный мохнатый хвост мотало из стороны в сторону.

— Как ты тут, моя славная? — Роланд опустил на корточки чтобы погладить собаку, и тут же был любовно облизан. — Ну всё, всё! Хорошая! Хорошая! Молодец! Отличная собака, настоящая героиня! Спасла нашего Гаррета! А Гаррет, похоже, подвига твоего не оценил, да, Гаррет? — он обернулся ко мне. — Скажи мне, тебе настолько голова не дорога? О чём ты, черт возьми, думал вчера, выступая против Его Преосвященства?

— Не о себе, если вы об этом, — понуро вздохнул я.

— Ты понимаешь, что по сути оскорбил высшего сановника при подчиненных?

— Понимаю, сэр.

— А я вот как раз не понимаю. Не понимаю как ты с твоим характером дожил до своих лет?

— Я тоже, сэр.

Харди от чего-то прыснул со смеху.

— Всё хочу спросить, а ты точно ремесленник?

— Точно, сэр.

— А ведёшь себя как непризнанный бастард Императорской Семьи.

— Скорее как дурак, сэр, — ответил я.

— Одно другому не мешает, — посерьезнел Роланд. — Давай я буду честен: ты, конечно, человек хороший, но при этом — редкостно несдержанный болван. И я понятия не имею как теперь спасти твою шкуру.

— Простите за это, сэр. Меньше всего я хотел бы вам лишних неприятностей.

— Так не только обо мне речь. Ты и репутацию мэтра поставил под удар. Представь каково сейчас ему? Ну а я, конечно, перед тобой в долгу, посмотрю что смогу сделать, но дело скверное. Извини уж, ты немного сословием не вышел грубить духовенству. Да, девочка?...

Рэни согласно лизнула Роланда в щёку.

— Слушайте, — осторожно спросил я. — А могу я попросить вас взять к себе Рэни? Такой замечательной собаке не место за конюшней в обществе дворняг. А вы ей, похоже, нравитесь.

— А сам чего? — поинтересовался Роланд. — Она ведь тебя вчера спасать помчалась. Не меня.

Я криво усмехнулся.

— Как вы уже заметили, я довольно ненадёжный хозяин. Мало ли какая новая гадость случится завтра? А у вас ей будет лучше. Как знать, может и на службе пригодиться. Чутьё у неё что надо!

— Что верно — то верно, — сказал Харди, поднимаясь на ноги. Рэни доверительно лизнула его в раскрытую ладонь.

— Ну что, девочка? Пойдёшь ко мне жить?

Та словно поняла о чём речь, и хвост завилял быстрее.

— Ну вот и славно, — сказал Роланд, поглаживая мохнатую голову. — Вернусь за ней как освобожусь. Домой я теперь, дай то Владыка, попаду только завтра. Подождёшь меня, хорошо?

Собака закрыла пасть и перестала вилять хвостом, словно бы расстроившись. Чтож... и тебя я тоже удачно пристроил. Надеюсь, и с тобой всё будет хорошо.

— Итак, можешь приступать, — сказал следователь, когда мы оказались за воротами и неспеша направились в сторону храма.

— К чему? — уточнил я, стараясь на него не смотреть.

— К обвинениям. Они у тебя явно есть.

— А смысл их высказывать, если за такое, по хорошему, надо бить? А бить вас я, как вы верно заметили, сословием не вышел. Зато быть наживкой в чужом капкане — в самый раз.

— И за это я сейчас прошу у тебя прощения, — без капли раскаяния ответил Роланд. — Так было нужно.

— Вы могли хотя бы предупредить об этом.

— Нет, не мог. Речь ведь шла о существе, которое живёт человеческими эмоциями. Поверь она и ей подобные очень хорошо чувствует нюансы и полутона. Если бы ты ожидал от неё подвоха, демоница бы всё поняла. А так она ощущала только твой пристальный интерес к её кормилицу, потому и клюнула на это.

— Меня чуть не убили, — напомнил я.

— Этого не должно было случиться, — отрезал Роланд, но по раздражённому тону легко было понять, что он приукрашивает действительность. — Я следил за ходом дела, даже выдал тебе сигнальный символ, хотя меня самого за такое самоуправство могут отдать под трибунал. Спасибо, кстати, что отнёсся к нему серьёзно и не снял. Так найти тебя было проще.

— Ещё минута и было бы поздно.

— А нечего было покрывать их! Между прочим твоего свидетельства о связи Мелиссы и Лемменса было бы вполне достаточно.

— Да ладно? Просто свидетельства с моих слов?

Роланд чему-то усмехнулся.

— Ладно. В конце концов получилось даже лучше чем я надеялся. Мы взяли Лемменса с поличным, и теперь ни он, ни его отец не смогут уйти от ответа. И вот за это я перед тобой в неоплатном долгу.

— Вы отдали мне на растерзание Проповедника, так что можете считать что мы в расчёте, — сказал я.

— Надеюсь ты позаботился о том чтоб он больше не встал?

— Нет. Он отпустил девочку с миром. Всё честь по чести.

— Жаль, — сказал Харди. — Этой мрази было бы поделом. Ну да ничего. Перед тем как городской совет его опять оправдает, мы с ним, наконец, поговорим...

— У вас к нему тоже какие-то счета?

— Вроде того, — криво усмехнулся Роланд. — Он портит мне вид из окна. Меня тошнит от того паскудства, что творится на Роуз-Стрит.

— Скажите, — осторожно спросил я. — Они действительно продают беспризорников местной аристократии?

— Тебе с твоим дурацким складом характера лучше не знать, — мрачно ответил Роланд. — Всё одно всех на свете не спасешь, так уж устроен этот чертов мир. Однако у Симона есть выход на невольничей рынок, а значит теперь я смогу наконец подобраться к нему вплотную.

— И что вы будете с ними делать? Прикроете лавочку?

— Зачем? Чтобы лавочка эта переехала туда, где я её не найду и не смогу контролировать их деятельность? Нет, друг мой, так не делается. Слишком глубоки корни у всего что происходит в тени: если убрать одних негодяев, на их место придут другие, и не факт что на этих, новых, у тебя найдётся управа. Старых-то проще контролировать. И это —

единственная причина, по которой я просил оставить в живых Симона Йонге.

Я некоторое время переваривал эту мысль, которая раньше мне в голову просто не приходила. Да и с чего бы? Я всю жизнь был бесконечно далек от преступного мира, что от городского дна.

Как знать, а не потому ли столько откровенных мерзавцев по сию пору занимают свои места в городских советах, не взирая на то, что их тёмные делишки известны всем и каждому?

Морось тем временем унялась, и в прореху в облаках выглянуло солнце. Оно ненадолго осветило умытую главную улицу. Дорожную пыль поприбило, а неизменная уличная вонь уступила место свежему аромату дождя. День шёл своим чередом, будто ничего особенного и не случилось.

— Как там госпожа Йонге?

— Повредилась умом. Та тварь, что жила в её теле, подавляла разум девушки в течение почти целого месяца. Такое не проходит для человека даром.

— И ей никак нельзя помочь?

— Зависит от неё самой. Сейчас она под присмотром наших целителей, но для прогнозов пока рановато. Так или иначе, её вскоре перевезут в десморский монастырь. Там за ней присмотрят. У матушки Филомены есть опыт в таких вещах. Если кто и поможет Мелиссе вернуться к нормальной жизни, то это она.

— Для того чтобы жизнь Мелиссы стала нормальной, нужно перво-наперво спрятать её от мужа, — заметил я.

— Догадываюсь. Но здесь как раз всё просто: если Мелисса поправится, то сможет принять постриг и остаться в монастыре. Если захочет, естественно. Если же нет — сёстры помогут ей перебраться в любое другое место и обустроится там. Им не впервой. Всё-таки госпожа Йонге — не первая пострадавшая от одержимости демоном женщина. И, к сожалению, не последняя.

— А что будет с Домиником?

— Его ожидает суд и казнь. Защищать его никому, даже Его Преосвященство первым выступает за повешение.

При упоминании Преосвященства с его выступлениями, я почувствовал горькое омерзение, которое Роланд без труда прочёл по моему лицу.

— Я согласен, всё это печально. Однако убивать или нет, призывать демона или отступить, решал сам Доминик. Он прекрасно осознавал на что шёл, и теперь должен расплатиться за это.

— Расплатиться за то, что просто искал принятия, в котором ему отказали ближние.

— Ты оправдываешь его?

— Нет, — ответил я. — Но мне его жаль.

— Жаль. Да. Жаль, — эхом отозвался Харди, на минуту устремив взгляд куда-то в пустоту. Тоже смешанные чувства, да? Или просто утомление берёт своё?

Стоит ли? Нужно это или нет? Хочу ли я, должен ли я? Что я рассчитываю там увидеть? И если я сейчас не попытаюсь, не стану ли я жалеть об этом?...

— Господин Харди, — решаюсь таки. — Могу я попросить вас кое о чём?...

— Лемменс, к тебе пришли! — хрипло рявкнул тюремщик, отпирая дверь камеры.

Роланд одобрительно кивнул, и я не без содрогания переступил через порог.

Это место, видимо, было предназначено для содержания самых настоящих колдунов. Абсолютно пустая камера. Даже лежанки и той не было никакой. Зато стены замощены огромными каменными плитами, на каждой из них — знаки, круги, слова молитв. На полу мозаикой выложены несколько защитных кругов — не разрушишь, не сотрёшь. А в центре прямо к полу прибиты кандалы. Закованный в них узник просто сидел и не двигался. Его мало интересовало кто пришёл к нему и что с ним будет, и я отчётливо ощутил насколько мало в нём осталось жизни.

Зря я, наверное, сюда сунулся. Лучше бы больше никогда не видеть его и забыть всё случившееся как страшный сон. Но так уж испокон веков устроен человек, что сталкиваясь с чем то пугающим, уродливым или болезненным не может порой оторвать от этого взгляда. Как от сцены казни. Как от трупа в квартале ткачей. Ведь только так, не отступая и не отводя взгляд, делая шаг через страх или боль, можно понять что ты на самом деле видишь. Понять по-настоящему.

Про него. Про всё что произошло. Про то, что всё это значит для меня.

И про себя. На что я сам буду готов пойти, если будет хоть призрачный шанс услышать любимый голос? И как далеко я зайду, когда узнаю цену за это?

И чем я тогда буду лучше чем он?...

— Доминик, — негромко позвал я.

Тот вздрогнул и сжался словно мимоза от прикосновения. Видно, надеялся провалиться сквозь землю, но не мог.

Глядя на это я стал догадываться почему Роланд так легко согласился пустить меня сюда: разговор со мной был арестанту больше пыток каленым железом.

— Зачем? — спросил он тихо, не поднимая головы.

— Проститься, — ответил я, так же тихо.

— Вы вправе ненавидеть меня, господин Эванс.

— В праве. Но не могу. Как и винить тебя в чём-то по настоящему. Мне жаль тебя, и жаль что жизнь толкнула тебя на это. Но за свои поступки нужно держать ответ. Всем нам.

— Я не жду иного. Не заслужил ничего кроме смерти. Да и зачем мне жизнь в которой её больше нет?

Мне было что сказать ему, но от моих слов не было бы ни грана толку.

— Ты спас моего друга.

— Он... поправился? — шевельнулся Доминик.

— Когда я уходил сегодня утром, он уже спокойно спал, а рана наполовину затянулась.

Плечи монаха опустились, как если бы он с облегчением вздохнул.

— Хвала Господу нашему и Императору...

— Да. Это было важно тебе, и я подумал, что тебе следует знать. Ты сделал своё доброе дело, и я не забуду этого. И зла на тебя не держу. Это, наверное, я и пришёл сказать: что сожалею и прощаю. Нет ни в чём твоей вины передо мной.

В наступившей тишине мне мерещилось эхо последней фразы.

Доминик так и не шелохнулся.

— Это слишком щедрый последний дар, господин Эванс. Но пусть все благословения мира пребудут с вами и вашими потомками до самого конца времён.

— Не совсем последний, — поправил я, протягивая ему отданный старухой жёлудь. Он

всё так же успокаивающе бился словно маленькое сердечко — мистическое эхо чего-то большего.

Монах нерешительно протянул руку и сжал жёлудь в горсти.

— Это зачем мне? — изумленно прошептал он. — Это же жёлудь? А почему он...

Он решился поднять на меня взгляд в поисках ответа, который стал ему сейчас важнее стыда и страха, но я уже отступил к двери.

— Прощайте, брат Доминик.

И вышел вон.

— Что ж, тогда последняя формальность, и не смею больше тебя задерживать, — сказал Роланд, пропуская меня в небольшую залу. Залу — потому что для комнаты это помещение всё-таки было великовато, да и большие светлые витражи добавляли обстановке нотку торжественности. В остальном, правда, здесь царствовал уют: удобные кресла и скамьи, столик с початой бутылкой вина, поднос с варёными раками, гобелены на стенах, за окнами — вид на храмовый сад. Я бы даже решил, что это — место для отдыха, как бы не высокий алтарь из белого мрамора, стоящий прямо в её центре.

Секретарь молчаливой тенью поджидал в углу. При виде нас он расправил спину и с готовностью окунул перо в чернила.

— Я вроде всё вчера пересказал как есть, — напомнил я. — И запись велась.

— Да, помню. Можешь считать это просто формальностью. Даёшь присягу и повторяешь всё то же самое. В противном случае Синод на такие показания даже смотреть не станет.

— Просто из-за присяги?

— Да. Положи руку на алтарь.

Я послушно коснулся холодного камня.

— Клянёшься ли ты именем Господа нашего и Императора говорить правду, только правду и ничего кроме правды?

Неприятный холодок пробежал по спине. Клясться вот так, из-под палки? Да еще и кому? Самозванному лже-богу Империи. Да, я ни во что не ставил его, но что за магию могут скрывать за собой слова клятвы? И что со мной станет если я совру? Ведь мне придётся...

С другой стороны, не могу же я сейчас просто развернуться и уйти? Тогда вопросов станет намного больше.

— Клянусь.

Алтарь в мгновение ока стал почти ледяным. Пальцы словно онемели, пошевелить ими я больше не мог. Наверно я побледнел, не знаю, этот холод застал меня врасплох. Заметивший это Роланд сделал каменное лицо и спросил:

— Итак, твоё имя?

“Гарет Эванс” хотел сказать я, но к собственному ужасу произнёс:

— Баи Финч.

Роланд не дрогнул.

— Откуда ты?

— Из Хартленда. Из городка под названием Нордвик, что в герцогстве Аддерли.

Судя по всему, ни имя, ни место ещё ни о чём не говорили следователю Харди. Кроме того очевидного факта, что до сего момента я был с ним не искренен. Впрочем, как и он со мной.

— Твой настоящий род деятельности?

— Я был подмастерьем в скорняжной цеху Нордвика, но последние пару лет работал над открытием в Столице новый мануфактуры. Не один, вместе со своим партнером, Свеном Эвансом. Он по большей части финансировал нашу затею, а я занимался организацией, потому что Свен не соображает в производстве ровным счетом ничего.

— Фамилию Эванс взял у него?

— Да. Она просто первая пришла на ум когда я прибыл сюда.

Забытые Боги... Это конец. Зато теперь ясно с чего Синод теперь будет считаться с моими показаниями: у Роланда будет гарантия, что я не соврал.

...не соврал ли?

Я ведь только что сказал “Баи Финч”.

“Баи Финч”, а не “Баирон, сын Оуэна”.

Почему?

Очевидный ответ только один: потому что я сам считаю первое своим настоящим именем, а второе давно схоронил на задворках памяти. Почти вся моя сознательная жизнь — это жизнь Баи, а не Баирона. А значит чары алтаря вскрывают не истину истин, а побуждают говорить ту правду, в которую я сам верю.

— И что же заставило тебя бросить всё это и скрываться в Блэкшире под фальшивым именем? — спросил Роланд.

Я оценивающе посмотрел на него. Интересно, проникнется или нет? Идея-то в целом не так уж и плоха. От чего бы не воспользоваться случаем, раз уж меня всё равно загнали в угол?

— Господин Харди, а это часть показаний тоже будет передана Синоду?

— Если я сочту её важной для дела, то да, — ответил тот, откидываясь на кресле и скрестив руки на груди.

— А если я прямо попрошу вас об этом? Так сказать, в счёт упомянутого вами должка?

...

По окончании моего рассказа Харди некоторое время задумчиво молчал.

— Если у вас остались сомнения в моих словах, то практически любой житель Нордвика может рассказать вам то же самое, сэр. Хотя вы сами понимаете, что соврать я сейчас не могу.

Хорошо хоть, что могу умалчивать про некоторые важные мелочи.

— Не в сомнениях дело, — мрачно ответил Роланд. — Я тебе верю. Нет причин не верить, тем более тут, у алтаря. И не смотри на меня таким укором: сам ты это не рассказал бы. А зря. Случай вопиющий, и за такое, по хорошему, надо лишать сана и прав, это как минимум. А нынешняя глава совета кардиналов, если верить молве о ней, так и вовсе вешает за такие вещи.

— А вы можете помочь с этим? — с надеждой спросил я.

— Попытаюсь сделать всё что в моих силах, — ответил Роланд. — А в моих силах

довольно немного. К сожалению я — всего лишь следователь из окраинной провинции, а речь идёт о человеке по фамилии Орф. Сомневаюсь, что его клан он даст ход этому делу. Вопросы репутации семьи.

Как будто я рассчитывал услышать что-то другое...

— И где же тогда прикажете искать справедливости?

— Там где её и следует искать, — ответил Харди, и в голосе его прозвенела сталь. — В Храме. Я говорил уже и повторю снова: мы здесь не для того, чтобы нагуливать жирок и устраивать зрелищные казни. Мы здесь для людей. Для того чтобы те могли спокойно жить, не опасаясь за свои жизни, души и рассудок.

— Достойные слова и достойная позиция, сэр. Если бы её ещё разделяло побольше ваших соратников, мир мог бы быть намного лучше.

— Увы, мразей везде полно, — ответил Роланд. — И в наших рядах, к сожалению, тоже. Но это не повод спускать такое. Сделаю что смогу. Напишу об этом случае одному моему старому сослуживцу из Вестборна и попрошу тихонько разузнать о подробностях дела. Может быть не всё так беспрочно как кажется.

— Спасибо, — искренне поблагодарил я, третий раз за день пытаюсь поверить, что мне это не снится. — Я ведь правда просто подмастерье, и мне вся эта беготня с маскарадом омерзительна до дрожи. Но иного выбора у меня не было. Что я мог против власть имеющих?

— Это то и плохо, — устало вздохнул Роланд. — По замыслу люди должны обращаться к нам за помощью и быть уверенными в справедливом суде, а не наоборот. Отвратительно знать, что в самом Хартленде служители опустили до такого... Я попробую тебе помочь. Процесс это будет не быстрый, но я сделаю всё что в моих силах. Нельзя такое спускать.

— У меня нет слов, сэр, — сказал я.

— Так и рано их подбирать. Говорю же, дело затянется: одно только письмо когда ещё дойдёт! Так что пока возвращайся в госпиталь, поживать на лаврах. За одним передай вот эту бутылку вина Йозефу и скажи, что я загляну на днях. Сегодня уже не выйдет. За одно и собаку заберу.

— Передам, — я с облегчением убрал озябшую руку с алтаря и изобразил подобающий поклон. — Спасибо вам за всё, господин Харди.

— До встречи, Эванс! — ответил тот.

Я вышел за дверь, одновременно ощущая смятение, волнение и странную радость. Роланд, конечно, не больно-то честно поступил поймав меня на присягу, но теперь он поверил мне! Поверил и обещал помочь. Как знать, может и правда выйдет? Он же и правда фанатик в хорошем смысле слова, стоит за совесть и честь инквизиции насмерть, не боясь выступить в противоборство с сильными мира сего! И я видел это собственными глазами прошедшей ночью!

Как знать, может быть Мари была права, и дело правда можно решить по букве закона?

...

...всё это я успел вообразить себе за считанные доли секунды. Секунды отчаянной надежды на то, что я больше не одинок в борьбе за справедливость.

...а потом услышал из-за закрывающейся двери учтивый голос секретаря:

— Я так понимаю, письмо на имя брата Норрингтона, сэр?

И понял что гитана с её предсказанием как в воду глядела. Справедливость восторжествует. Только, похоже, надо мной.

Если у меня и были сомнения в том что надо уходить, то теперь они развелись как дым.

Черт... а ведь за всеми злоключениями этой недели, я начисто запомнил, что не стоило бы мне привязываться к людям и местам.

Я здесь чужой. Я пришел сюда чужаком чтоб ненадолго перевести дух и отправиться дальше. К тому же, как оказалось, я даже не будучи в розыске горазд осложнять жизнь тем кто был ко мне добр. Мэтру Янсенсу например. Человеку, которому и без меня проблем хватает.

Что было в том предсказании? "Отшельник"? Точно. Отшельник. Удалиться от мира — похоже для меня это будет в самый раз. Никому никакого вреда.

Но в госпитале мое возвращение приветствовали поднятыми кружками.

— За нашего Эванса! — торжественно произнес Шон. — За человека, который не сдался и победил!

— За человека, которому голова не дорога! — проворчал мэтр Янсенс, когда страсти улеглись и мы тихо отошли в сторонку. — Вот объясните мне, Гаррет, неужели так трудно хоть раз придержать язык за зубами?

— Простите, сэр. Я действительно не смог.

— И что теперь прикажете с вами делать, дорогой вы мой человек?

— Со мной — ничего. А вот об Эвелине позаботьтесь, пожалуйста. Она смысленная, к тому же горит желанием помогать. Поверьте, такие спасеньши потом превращаются в самых преданных фанатиков своего дела. Проверено на себе. Она окупит ожидания с лихвой.

Мэтр неодобрительно нахмурил брови.

— Вы куда-то собрались?

— Куда-нибудь подальше от Его Преосвященства, сэр.

Йозеф Янсенс долго смотрел на меня так, словно пытался поставить диагноз.

— Гаррет, я понимаю что вы очень многое пережили за последние сутки, но сейчас вы кидаетесь в крайности.

— Никаких крайностей, сэр. Я и так поставил вашу репутацию под удар. Его Преосвященство...

— Ничего непоправимого. Я намерен поговорить с Его Преосвященством по вашему вопросу и всё уладить.

— Что? То есть... зачем?

— Потому что, справедливости ради, вы здесь — пострадавшая сторона. Вас использовали и чуть не убили, а если теперь еще и начнут травлю — клянусь, это будет уже перебор! Так что отложите вопрос вашего ухода до более спокойных времен. Завтра вечером я навещу Франца за ужином. Посмотрим, что можно будет сделать. Ну и да, вам определённно придётся принести извинения за резкие высказывания при подчиненных. Это все таки было вопиюще неподобающе.

"Я? Извиняться перед этим человеком? Да еще и за правду, которую другие побоялись сказать?!" — восшипело нечто внутри.

— Не думаю, что это удачная идея, сэр, — произнёс я вслух. — Как сегодня верно заметил господин Харди, я сословием не вышел пятнать вашу репутацию.

— Об когои обо что пятнать мою репутацию — сугубо мое личное дело, — отвечал

мэтр. — А вы не спорьте со старшими, молодой человек! Вчера вы пребывали в состоянии шока, и я могу доказать это господам духовникам с точки зрения медицины. К тому же храмовники на сей раз преступили черту дозволенного, и я очень хочу посмотреть в глаза Роланду после этой выходки! Он втравил вас в это, он пусть и принимает меры!...

— Мэтр Янсенс! Мэтр Янсенс! — вскричала подскочившая к нам Эвелина. — А это правда? А вы правда-правда можете отправить меня учиться в Столицу?

— Если хорошо себя проявишь, то безусловно да, — ответил мэтр. — Но к тому моменту придётся очень многому научиться. Этикету, например. Очень некрасиво перебивать и вклиниваться в чужой разговор.

— Я проявлю! Я буду очень-очень-очень стараться! — возбужденно затараторила девочка, пропустив замечание мимо ушей. — А вы, господин Эванс? Вы ведь тоже ученик! Вы ведь тоже потом поедете учиться в Столицу? Правда — правда?...

— Если хорошо себя проявит, — повторил мэтр, подавляя смехок. — И доживет.

— Господин Эванс, вы же хорошо себя проявите? — Эви повернулась ко мне с глазами полными детской мольбы о покупке леденца на ярмарке. — Мы ведь сможем поехать в Академию вместе?

Я не нашёл что на это ответить, но сейчас ей, похоже, ответ мой и не требовался.

— Я слышала что столица очень-очень большая! — продолжала она. — Как десять таких городов как наш! Что там запросто можно потеряться и пропасть, будто бы в диком лесу! А вдвоем будет не так страшно. Правда ведь? Правда?

— Эй, попридержи коней! До этого ещё дожить надо, — осадил я.

Снова умоляющие глаза. Такие, которым не отказывают.

— Но я бы очень хотела поехать туда вместе с вами!...

— Если поедешь, то точно не одна, — заверил Янсенс. — И вообще, юная леди, сейчас рано об этом говорить. Сосредоточься лучше на завтрашнем дне. У тебя будет первое ответственное задание: сопровождать меня на утреннем обходе. После — отправишься помогать сестрам милосердия ухаживать за больными.

— Прямо завтра? — оживилась Эви.

— А к чему тянуть? — спросил мэтр. — Раз ты собралась в Академию, то вертеться придётся за троих. Учись. А то кого попало туда не берут.

Эви рассеянно кивнула и отошла к старушке Нэн. Я заметил как она пошатнулась и взял на заметку, что Харольду стоило бы сделать внушение на счёт спаивания детей. Да и распития вина в принципе.

— Не порите горячку, — подытожил мэтр. — Все ваши беды от этого. Кстати, это в том числе может быть симптомом переутомления и недосыпа. Так что если не оставите идею бегства, я вынужден буду перевести вас в стационар. Будете сопротивляться — поставлю Эмиля вас охранять. Я достаточно ясно выразился?

— Яснее некуда, сэр.

— А на счет остального — решим завтра утром.

— Как скажете, мэтр. Утром значит утром.

Через час я унес задремавшую Эви в наш с ней закуток. Впрочем, теперь уже ее закуток: с того самого дня как я привел ее в госпиталь, я здесь по сути и не ночевал. Уложил ее на

постель, стараясь не разбудить. Вроде бы вышло. Вроде бы спит. Отлично. Тогда осталось немного...

— Господин Эванс?

Нет не спит. Жаль.

— Да?

— Ваш друг теперь поправиться, да?

— Да. Ему уже утром стало лучше. Сейчас он наверное даже очнулся.

— И теперь вы перестанете уходить по ночам, правда?

Я неопределённо пожал плечами.

— Посмотрим.

— А вы покажите мне на днях как правильно зашивать раны?

— Эви... я же сам — всего лишь подмастерье. Мэгги делает это намного лучше.

— Ну пожалуйста! — взмолилась девочка. — Мэтр говорит что у вас рука к шитью привычная, и есть чему поучиться!

Я только тяжело вздохнул.

— Ну, если смогу.

Хотя уже точно знал, что этому не бывать.

— Спи давай. Завтра первый день новой жизни, Эви. И жизнь эта теперь будет зависеть от тебя, от того что ты хочешь и что ради этого сделаешь. Так что слушай во всём мэтра Янсенса, учись прилежно и в конце концов всё у тебя будет хорошо.

Я говорил это, поглаживая её по волосам, словно маленькую. Она нежилась под этим прикосновением словно котёнок. Глаза её слипались, вино брало своё.

— Я люблю вас, господин Эванс, — сказала она тихо. И всё.

Эти слова словно плетью хлеснули. Я словно очнулся от дремоты, владевшей мной боги знают как долго. Некоторое время так и сидел на краю кровати рядом с уснувшей девочкой.

Вот ведь как вышло: я так увлеченно её спасал, что упустил её саму. А она ведь и правда ко мне привязалась. Хотела стать на меня похожей. Даже заботилась по мере сил.

Нуждалась во мне.

А я, намертво погребённый под навалившимися на меня событиями, бездарно всё это пропустил, не заметил, не смог разглядеть. И исправиться теперь уже не смогу.

“Интересно, — заворочилось нечто в глубине души. — Это похоже на то, что испытывают отцы? Каково это: знать, что этот маленький, но полный надежд человек, вставший на предначертанный ему путь — твоё дитя? “

Интересно, кто же всё-таки должен был родиться у нас с Бригги? Девочка или мальчик? И вышел бы из меня хороший отец? А может меня вот точно так же пожрали бы бесконечные заботы о мануфактуре и учениках?...

Эви... Спи, отсыпайся. Надеюсь, ты не станешь грустить слишком долго. Да и не стою я твоей грусти. У тебя впереди целая жизнь.

А у меня... у меня — наоборот.

Собрать свои нехитрые пожитки было делом пары минут. Зачем я глянул на спящую девочку в последний раз и вышел за дверь.

Упившийся по случаю Харольд спал сном праведника в стогу сена у конюшни. И Рэни спала тоже — хорошо. Ещё и этого прощания я бы не вынес.

Потому мы с Серым покинули подворье никем не замеченные. Я вывел его на улицу, закрыл ворота изнутри, за тем перелез через ограду и мы с возбужденно пританцовывающим

конём двинулись прочь, навсегда покидая госпиталь Йозефа Янсенса.

— Уверен что таки хочешь тащиться в Блекберри? — спросил Зак.

— Не уверен что хочу, но мне туда нужно, — ответил я.

— Дерьмо твоя идея, — уверенно произнес Бонза, поудобнее устраиваясь на лежанке между бочек. Он был всё ещё слаб, но нести его уже не требовалось: чтобы доковылять до рыбного порта ему достаточно было опираться на плечо Вилла. — Я говорил уже, в Блекберри ловить нечего. Ну разве что жаб на болотах или нечисть какую в трясине. Забей ты на это дело! Поплыли лучше с нами до Грауэрштайна? Там и зимовать милое дело!

— Вот ещё меня вам не хватало для полного счастья! — покачал головой я. — Меня всё-таки инквизиция ищет, а не светские власти. Случись что — обвинят вас в соучастии или ещё чем похуже.

— Да ладно! — беззаботно отмахнулся Зак. — Империя огромна, а Берия — не Хартленд. У нас там не самое популярное место для беглых преступников, а значит там и не станут искать будут кого-то вроде тебя!

— Это от того, что у вас там все законники сплошь педантичные чистоплюи, — напомнил Вилл, устраивая последний мешок с пожитками между ящиков.

— Так то нам и на руку! — возразил Зак. — Оно же как: то, что лежит у тебя под носом порой найти сложнее всего!

— Зак дело говорит, — поддержал товарища Бонза. — Я это на своей шкуре проверял!

— Ага. Если ты не высовывался ещё... — проворчал менестрель.

— Да не зуди ты! На сей раз залягу на дно что твой сом. Хватит с меня таких приключений.

— Дружище, скажи мне что тебя хватит хотя бы неделю? — устало попросил Вилл.

— Не! На сей раз подольше. Гораздо дольше... — ответил Бонза, полными блаженства глазами созерцая бледное пятно убывающей луны за тонкой завесой облаков.

— Эй! Так мы открываем или нет? — сварливо подал голос старик лодочник.

— Точно, пока не забыл! — я спохватился и вытащил из сумки лишний кошель. — Вот, это твоё. Раз ты передумал умирать, то тебе нужно на что-то жить.

Бонза не глядя вытащил несколько монет и протянул мешок обратно.

— Передашь мамке моей, — повторил он. — И не забудь ещё сказать ей про колонистов и золотые горы.

— Непременно скажу, — пообещал я, пожимая ему руку. — Давай там, голову береги и постарайся не свернуть себе шею где-нибудь по дороге.

— Ай, да кто кому тут должен советовать шею беречь? — фыркнул бывший каторжник. — Ты так-то победовее меня будешь!

— Ничего, жив же до сих пор.

— Ага. В основном благодаря чуду, — напомнил Вилл, увесисто хлопнув меня по плечу. — И надеюсь так будет и дальше. А там, как знать, может быть встретимся ещё.

— Я был бы очень рад, — ответил я. — И в ином случае с удовольствием отправился бы с вами. Но мне нужно в Блекберри, а оттуда... не знаю. Я пока ни в чём не уверен.

— Зато на счёт нас я уверен точно, — сказал Зак. — Если вдруг занесёт тебя в Грауэрштайн, можешь зайти в таверну “Десять котлов”. Там заправляет мой старший

приятель, Ганс. Спросишь у него где теперь искать Закари Шилия, он обычно знает. А если вдруг засомневается, просто скажи ему что ты мой друг.

— Ну а про меня проще узнать в Бравонской Судоходной Гильдии, — сказал Вилдар. — Думаю в Легион я всё-таки не вернусь, в гробу я всё это видал. Так что зимовать буду у своих, ну а по весне, если всё будет нормально, вернусь на реку. Там и этих двоих выловлю, если к тому моменту они не найдут себе дела получше.

— Будет весна — будет видно! — подытожил Зак. — Всё одно я с родной сторонухи до оттепели не ногой. Но если будешь в наших краях — непременно меня разыщи! А там уж соберемся как-нибудь ради такого-то дела! От дома до Миасты вниз по Рене всего-то парадней пути!

— Спасибо, друзья! — сказал я, по очереди пожимая им руки. — Что ж, стало быть свидимся ещё?

— Стало быть свидимся, — ответил Вилл.

На том мы с ними и разошлись.

Я сошел на пирс и помахал им на прощание, а лодка отчалила и вскоре скрылась в поднимающемся над озером тумане. Я проводил её взглядом и с облегчением вздохнул, мысленно желая им счастливого пути. А затем поднял собственную сумку и зашагал вверх по улице в сторону трущоб.

Осталось еще одно последнее дело.

Дверь оказалась не заперта, а в самом доме было пусто. Маленькие окна были открыты нараспашку, а терпкий ночной воздух изгнал из этих стен запах сырости и старости.

Старуха исчезла.

Широкая скамья, на которой она обычно спала, сиротливо стояла у стены, ничем не застеленная. Остывший очаг, вымытые чашки на столе — всё так и осталось лежать на своих местах, после нашего ухода никем не тронутые.

Что тут случилось? Куда она подевалась? Вот только что же была! Может в бонзиной коморке?...

Я приоткрыл дверь, но и там никого не нашёл.

Дом был пуст. Пуст и словно заброшен.

Только на столе одиноко стоял молочник со свежими сливками, а рядом с ним — расписная деревянная чашка, наполненная крупной спелой клубникой.

А мои вопросы так и остались без ответа.

Серый бесцветный восход. Морозящий мелкий дождик. Деревья почти полностью одетые в золото. Дорожная грязь хлюпает под копытами Серого, а в лужах отражается нависшие над головой тяжёлые тучи.

Впереди была неизвестность.

Однако, не смотря на неё, я чувствовал, что снова могу дышать. Что я, черт возьми, наконец свободен! Я оставил Креймор за спиной, и чувствовал себя словно муха вырвавшаяся из паутины. Какое счастье наконец избавиться от проклятой повязки, снова

смотреть обоими глазами, ощущать как холодный осенний ветер треплет волосы и проникает под плащ. Здесь даже он был иным, сильным и нарастающим. Здесь он не тащил с собой мусор и помойную вонь, как на городских улицах. Только терпкий запах земли и влажную свежесть дождя.

Я был рад ему.

Не знаю. Быть может сейчас я должен был прокручивать в голове всё то что выпало на мою долю за эту пару недель, но это значило бы мысленно вернуться назад, а я оборачиваться не желал. Сейчас я просто стремился уехать как можно дальше. Прочь. К вожделенному одиночеству, вновь предоставленный сам себе.

Однако я всё же был недостаточно расторопен.

Стоило мне ненадолго остановиться чтобы перекусить и перевести дух, как из-за поворота послышались скрип тележных колёс, смех и перезвон струн лютни. Меня нагнала крытая повозка запряженная двумя лошадьми, а возница от чего-то показался мне смутно знакомым.

— Стой! — скомандовал он лошадям. Те послушно остановились. — Доброе утро добрый человек! Куда путь держишь, да ещё и в одиночестве?

— Да вот, еду в Бекберри. А один потому как охочих туда тащиться нынче не нашлось.

Из повозки выглянули еще двое. Один из них присмотрелся и вдруг расплылся в радушной улыбке.

— Вот это встреча! — он радостно махнул рукой. — Я же верно помню, вы ведь приятель того парня, Зака, ну, который менестрель! Он ещё в “Улыбке Русалки” пел! Вы ещё драку тогда разнимали, помните?

— А-а-а! Алехандро дэ Хокоссо, бард из Адалонии! — просветлел я, одновременно признав и самого Алеханро, и его возницу, которого я собственноручно оттаскивал от впавшего в неистовство Бонзы. — Действительно добрая встреча! А вас-то куда понесло?

— Тоже в Блекберри, — ответил возница.

— И раз уж нам по пути, то не составишь ли нам компанию? — пригласил Алехандро. — А то слыхал я, что по одному через Блекшир лучше не ездить. Мол де нечисть всякая на одиночек охотиться, а большие компании обходит стороной.

— Почему бы и нет? — согласился я. Стеснить-то я их не стесню, а вот про нечисть он может оказаться прав. Безусловно встретиться с ней мне еще предстояло, но, как заметила на днях одна демоница, встреча эта должна быть на моём поле. И по моим правилам.

Дальше мы тронулись вместе, и это было скорее хорошо. Мои новые спутники, вольные бродяги, несущие по свету чудо музыки, почти сразу пришлись мне по душе. Они радушно предложили мне сидр и поздних яблок, которыми запаслись в избытке.

Затем Алехандро тронул струны лютни и запел:

*Капли каплют на гриф,
Что же делать, ведь укрыться негде.
В чистом поле я один,
И плащ позабыл по пьяни в таверне.
Всю дорогу замочило,
Пыль веков обернулась грязью,
Небо плачет, небо хмуро,*

*А мне что-то не до печали!
Как первый майский гром
Наполнил небо чистой красотой,
Такого зрелища не помнил отродясь*

*До боли в сердце, изнеможения от восторга,
Полёт моей фантазии шальной!*

*Что будет завтра
Одному лишь богу известно,
Но я так счастлив, что оказался здесь!
Намокли струны, но их звучание не прервут
Раскаты грома, и завывания ветров!*

*Я с ними снова заодно,
С ними поём одну мы песню на троих,
Я, гром, и ветер!
Нас не поймут!
Ну и пускай, они не верят в чудеса, они ведь люди.*

*А я лечу, я так хочу за вами вслед,
Так унеси меня мой ветер!
А вслед за ней, за первой майскою грозой,
И пусть меня мои друзья враги не ищут на земле!
Даруй мне крылья, возьми меня в свои ты руки,
Я не боюсь, я не боюсь!*

*До боли в сердце, изнеможения от восторга!
Полёт моей фантазии шальной! Я не боюсь...**

Последние аккорды смешались с гулким лаем.

Огромная чёрная собака бежала по пустынной дороге в нашу сторону. Она запыхалась, вывалила набок розовый язык с чёрными пятнами, а за ней по грязи волочился обрывок верёвки. Даже железо было не в силах остановить эту тушу, коли ей взбрело в мохнатую головушку отправиться по своим делам.

— Ого! — удивился один из моих попугачиков. — Это же йормаркский водолаз! Откуда он здесь? От хозяина сбежал, что ли? Эй, пёсик, ты откуда здесь?

— Всё нормально, — сказал я, ощущая самую искреннюю радость. — Похоже, теперь это моя собака.

*Эту песню написал и по сию пору исполняет мой друг Александр Смешной.

Больше книг на сайте - Knigoed.net